

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 1 • 2010 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире	3
<i>Теоретические и эмпирические исследования</i>	
Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Комплементарность культуроспецифичных типов познания	22
Моросанова В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека	36
Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания.	46
Знаков В. В., Турок Е. М. Понимание и переживание террористической угрозы.	58
Полонская Н. Н. Случай зрительной агнозии у больной с двусторонним нарушением мозгового кровообращения в задних мозговых артериях. Сообщение 2. Исследование нарушений зрительного узнавания лиц, пространства, цвета и букв	70
Спиваковский В. Е. О взаимосвязи уровня рефлексии групповой (командной) роли с типом организационной культуры	84
<i>Методика</i>	
Дегтяренко И. А., Бурмистров И. В., Леонова А. Б. Методика оценки удовлетворенности пользователей интерфейсом интернет-сайта	94
Рождественская Н. А., Мамонова А. М. Формирование у подростков конструктивных стратегий поведения в конфликтных ситуациях	110
<i>Психология — практике</i>	
Дэвид Ж., Глозман Ж. М. Российско-португальский опыт нейропсихологического обследования дошкольников.	117
<i>Юбилей</i>	
К 80-летию Юлии Борисовны Гиппенрейтер.	125
К 70-летию Вячеслава Андреевича Иванникова	127

CONTENTS

Asmolov A. G., Asmolov G. A. From We-media to I-media: Identity transformations in the virtual world	3
<i>Theoretical and empirical studies</i>	
Alexandrov Yu.I., Alexandrova N.L. Complementarity of culture-specific types of cognition	22
Morosanova V. I. Individual differences of self-regulation of human voluntary activity	36
Kornilova T. V. Intellectual and personality potential of a person in coping strategies	46
Znakov V. V., Turok E. M. Understanding and experience of the terrorist threat	58
Polonskaya N. N. A case study of the visual agnosia of the patient with bilateral lesions after strokes in both the Posterior Stream the brain. Report 2. An investigation into visual face, topography orientation, vision color and letters cognition disorders	70
Spivakovskiy V. E. On the interrelation between the level of reflection of the group (team) role and the type of corporate culture	84
<i>Methods</i>	
Degtiarenko I. A., Burmistrov I. V., Leonova A. B. An instrument for evaluation of user satisfaction with a web-site interface	94
Rozhdestvenskaya N. A., Mamonova A. M. Training of constructive behavioral strategies with adolescents	110
<i>Psychology to practice</i>	
David J., Glozman J. M. Neuropsychological assessment of preschool children in Russia and Portugal	117
<i>Anniversaries</i>	
To the 80 th anniversary of Yulia Borisovna Gippenreiter	125
To the 70 th anniversary of Vyachealav Andreevich Ivannikov	127

А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов

ОТ МЫ-МЕДИА К Я-МЕДИА: ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ

Исходя из позиций культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, авторы рассматривают блоги как платформу для конструирования виртуальной личности. В качестве примера процессов формирования виртуального «Я» представляются практики интернет-журналистики. Утверждается, что возникновение последовательной и стабильной «Я-репрезентации» в Интернете — необходимое условие для перемены в динамике развития социальных сетей: от мотивов, находящихся вне Интернета (в физическом пространстве), к ситуации, когда виртуальная личность достаточно полноценна, чтобы послужить мотивом для создания новых социальных интеракций в пределах Интернета. В результате виртуальная личность превращается в сетеобразующий фактор, и Интернет теряет свою вторичность по отношению к физическому пространству.

Ключевые слова: виртуальная личность, культурно-историческая психология, блоги, интернет-журналистика, социальные сети, социальные медиа.

The blogs as the platform for a virtual personality construction are considered in the article on the assumption of the positions of L.S. Vygotsky's cultural-historical approach. Internet journalism practices are considered as the example for the processes of virtual «I» formation. The authors affirm that the appearance of consecutive and stable «I-representation» in Internet is the necessary condition for a change in dynamics of social nets development from motives which are out of Internet (in physical space) towards situation when a virtual personality is enough full-fledged to be a motive for new social interactions creation not leaving Internet. As a result a virtual personality turns into a net-creating factor and Internet loses its unoriginality in relation to physical space.

Key words: virtual personality, cultural-historical psychology, blogs, Internet journalism, social networks, social media.

Немного исповеди

Перед вами статья двух авторов, один из которых психолог, а другой журналист. При всей разнице профессий нас объединяет несколько моментов, определяющих логику и жанр этого исследования.

Асмолов Александр Григорьевич — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой психологии личности ф-та психологии МГУ. *E-mail:* agas@mail.ru

Асмолов Григорий Александрович — науч. сотр. Института информационной дипломатии им. Аспера Междисциплинарного Центра в Герцлии (Израиль). *E-mail:* gregory.asmolov@gmail.com

Первый из этих моментов — опора на методологию конструктивизма и культурно-исторической психологии, которая все более становится дискурсом для междисциплинарных исследований личности в мире коммуникаций, в том числе в сети Интернет. Эта методология наиболее рельефно отражена в классических работах по герменевтике, социологии, теории массовых коммуникаций (Шюц, 2003; Бергер, Лукман, 1995; Рикёр, 2008). Она все чаще звучит и в психологии личности, и в когнитивной психологии сознания в русле школы культурно-исторической психологии (в том числе в работе одного из авторов настоящей статьи — Асмолов, 1996), в обобщающей работе В.Ф. Петренко (2007), в оригинальном исследовании Т.П. Емельяновой (2006). Именно методология социального конструирования реальности служит для нас точкой опоры в понимании трансформаций идентичности в мире Интернета. Второй момент, объединяющий авторов статьи, — это интерес к работам, пытающимся навести мосты между журналистикой, психологией и теорией массовых коммуникаций — все они так или иначе касаются понимания последствий появления Всемирной сети, киберпространства, виртуальной реальности. Помимо классических работ Маршалла Маклюэна упомянем в этом контексте исследования Н.А. Носова (2000), М.М. Назарова (2004), статьи из сборника «Проблемы медиапсихологии» (2002). Эти работы свидетельствуют, что журналистика, психология, теория массовых коммуникаций, методология изучения киберпространства становятся пересекающимися областями исследований. И, наконец, третий момент, роднящий в данной статье психологию и журналистику, состоит в том, что авторы статьи — это отец, являющийся всю жизнь психологом, влюбленным в профессию журналиста, и сын, с детства причастный к культуре современной психологии и проводящий часть своей жизни в мире Интернета. В связи с этим анализ трансформаций идентичности в мире Интернета, проделанный в данной работе, в известном смысле является самоанализом трансформаций собственной идентичности журналиста, отредактированным психологом. Именно подобный подвергнутый психологической интерпретации самоанализ трансформаций идентичности в виртуальном мире и привел к выделению вектора этой трансформации от Мы-медиа — к Я-медиа. Приступим к ее описанию.

Блогосфера и ее место в медиапространстве

Недавно в США вышла книга специалиста по новым технологиям и инсайдера силиконовой долины Э. Кина (Keen, 2007). В этой книге контент, производимый рядовыми пользователями Интернета, ставится в один ряд с любительской порнографией, а блогеры обвиняются в разращении общества, подрыве его устоев. Однако автор приходит к выводу, что для традиционных СМИ блоги не представляют никакой угрозы.

О роли в журналистике блогов и любительских (user-generated) медиа сказано немало. Их многократно и воспевали, и отпевали, так

что снова заводить дискуссию на эту тему — уже дурной тон. Адепты блог-журналистики приводят примеры того, как блогеры «переплюнули» традиционных журналистов по уровню сенсационности некоего сообщения или по скорости передачи информации (например, во время крушения Боинга 737 в Перми блог-контент долгое время был основным источником информации для традиционных СМИ). В ответ представители традиционных СМИ утверждают, что такие случаи единичны, и блог-журналистам еще далеко до ресурсов и доступа к информации, которой владеют традиционные СМИ (не говоря уже о профессионализме и опыте). Конечно, под горячую руку сразу хочется ввязаться в такой спор и начать утверждать, что дело тут не столько в качестве содержания, сколько в методах его потребления. Ведь на самом деле одним из основных преимуществ традиционных СМИ перед любительскими остается их способность не добыть информацию, а, прежде всего, ее обработать — выделить главное, нарисовать картину дня, расставить акценты и сделать выжимку из бесконечного океана информации. И именно здесь проигрыш любительской платформы особенно очевиден; ведь потребление информации из блогов и им подобных информационных ниш требует перенесения ответственности за конструирование картины мира из потока информации с редактора на самого читателя. А он ведь этого, как правило, не хочет! У него нет на это сил и времени. Сталкиваясь не с узкой задачей поиска информации по определенной тематике, а с попыткой сформировать общую картину мира по принципу важности, но без четких критериев, пользователь Интернета действует по формуле старых русских сказок «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Правда, благодаря создателям «Гугла» и сайтов обнародования предпочтений на этот вопрос предлагается вполне определенный ответ: «Пойди туда, куда идет большинство, и принеси то, что принесли все».

Напомним, что за таким ответом проступают известные психологические установки конформизма, деперсонализации и унификации. Индивидуальный разум отступает под давлением разума коллективного. Формулы поиска и иерархии в доступе к информации пытаются вселить в свои алгоритмы дух коллективного разума, который должен заменить редактора, но по целому ряду как содержательных, так и форматных причин это получается сомнительно. Но это спор все в той же плоскости: блоги против газет, YouTube против телевидения...

Американский фантаст Роберт Шекли утверждал, что для получения верного ответа главное — правильно поставить вопрос. Является ли попытка сравнить традиционные СМИ и новые, как их часто называют, «социальные медиа» легитимной, а главное, продуктивной? Ведь этот спор, по сути дела, несет выраженный идеологический оттенок. С тех пор как Д. Гилмор в своем знаменитом труде (Gillmor, 2006) провозгласил революцию под лозунгом «медиа — это мы», самостоятельная журна-

листика часто воспринималась, прежде всего, как проявление нового витка демократичности и свободы нынешней эпохи. Формула Гилмора стала гимном новым информационным технологиям как механизму либерализации и ухода СМИ от роли привратника, охраняющего вход в публичную сферу под эгидой и внимательным наблюдением сильных мира сего.

Мотивы обращения журналистов к блогосфере

Но давайте забудем ненадолго о столкновении традиционных и любительских медиа и посмотрим на блог-журналистику с ракурса личностных мотивов и социально-психологических предпосылок. Иными словами, попробуем воспользоваться тем, что в психологии называют мотивационным анализом, стремясь через призму этого анализа реконструировать сценарии поведения, приведшие к росту значимости блогосферы в мире медиа. Для этого нам, прежде всего, нужно будет вернуться на несколько лет назад.

Как бы это ни было парадоксально в свете упомянутого выше спора, но одними из первых блогосферу как медиапространство (в особенности в России) обозначил сами «традиционные журналисты». Сотрудники разных СМИ, занимающиеся новостями, стали активно использовать блоги. Блогосфера «Живого Журнала» (ЖЖ), хорошо известная русскоязычному читателю, была одним из первых и ярких тому примеров, да и не просто примеров, а по сути одним из первых виртуальных убежищ для медиаперебежчиков (которые, естественно, не оставляли при этом свою обычную профессиональную работу). ЖЖ стал не только пространством для журналистов, но и платформой возникновения своего рода журналистского сообщества на базе блогов бойцов медиафронта. Одним из мотивов возникновения этой параллельной традиционному информационному пространству деятельности было, на наш взгляд, отсутствие контроля и какой-либо селекции публикуемого материала. Тексты журналистов были здесь намного свободнее, чем требовал формат жанра, часто длиннее, чем позволил бы формат традиционного медиапространства, да и идеи часто были далеки от новостной сухости и нейтральности. То и дело то тут, то там у блог-записей («постов») появлялся заголовок «без цензуры». Цензуры не только в классическом понимании запрета на то, что «не дозволено», но и цензуры редакторской, требующей сократить текст, расставить иные акценты, изменить стиль и заголовки, в общем, втиснуть вымученный и ставший близким и родным текст в жесткие рамки медиаплатформы работодателя.

До сих пор все это вписывается в концепцию блогосферы как в первую очередь пространства вседозволенности и бесконтрольного выхода в публичную сферу. С позиций психоанализа блогосферу можно было бы охарактеризовать как сферу коммуникационного поведения, лишённого контроля со стороны сверх-Я.

Однако вряд ли мотивы журналистского прорыва в блог-пространство можно свести только к преодолению цензуры контента, освобождению от сверх-Я. Да, конечно, содержания в блогах было в какой то степени больше и оно было более свободно и независимо по отношению к тому, что могло появиться в традиционных СМИ. Но на фоне этого журналистского свободомыслия возникла еще одна ощутимая тенденция. Если в рамках жанра новостного материала акцентировалась встреча читателя с освещаемым событием, то в новостных блог-записях событие, конечно, тоже присутствовало, однако в его фактуре отчетливо проступала фигура самого журналиста, его собственное «Я». Это были новости под знаком местоимений первого лица. Помимо жанровых перемен *персонализации ракурса освещения новостей* способствовал и тот факт, что они появились в рамках платформы, общим знаменателем которой было не то, что все освещаемое происходило в один определенный отрезок времени (ежедневная газета или выпуск новостей), а само авторство. Эффект усиливался еще и тем, что традиционные новости чередовались с новостями совсем другого характера — сводками тех или иных событий из жизни самого автора. Позволим себе напомнить только один пример (может быть, немного радикальный): молодая и достаточно известная журналистка опубликовала в своем блоге подробный отчет о том, как появлялся на свет ее ребенок. Запись пользовалась невероятным успехом.

Связано ли это с тем, что с журналистов сняли редакторские цепи? Вряд ли освобождение от оков редакторской цензуры — единственный мотив развития блог-журналистики. Позволим себе назвать еще один мотив, хотя он, конечно, требует социально-психологической проверки, так как понятно, что его разделяют далеко не все журналисты и психологи. Журналистика — это изначально профессия, ориентированная на работу в публичной сфере. Выбор этой стези часто скрывает за собой амбиции «работать на публику», доносить нечто свое до широкой аудитории, мотив персонализации себя в других (Петровский, 1996). Однако сам журналистский формат (в особенности новостной, газетный), как правило, отодвигает личность журналиста на второй план. Событие всегда первично по отношению к тому, кто его освещает, а личность автора вторична. Имя автора в лучшем случае фигурирует в начале заметки, а обычно завершает ее. Оно не более чем формальность. Иными словами, новостной жанр часто способствует обезличиванию журналиста, вынося его за пределы системы координат информационного пространства. Как мы уже заметили, СМИ вертятся вокруг временной оси: утренняя газета с итоговой картиной дня минувшего, вечерний выпуск новостей на ТВ, ежечасный на радио.

По сути дела журналист часто остается в тени своего текста. Из этой тени выйти на свет удастся далеко немногим. Именно поэтому журналистским искусством становится порою умение проявить себя

в рамках жесткого жанра, т.е., по сути, оставить отпечаток своего «Я», несмотря на сухость формата. Лечь в его прокрустово ложе, но одновременно так, чтобы все-таки оттуда победно торчал мизинец левой ноги. Однако этого недостаточно, если учесть, что порою процесс сбора информации не менее информативен и красноречив, чем сама добытая информация. Вся эта деятельность личности журналиста остается за кулисами публичного пространства.

Блоги предложили журналистам новую платформу. В рамках блогосферы новостная информация может крутиться не вокруг оси времени (от дедлайна к дедлайну того или иного информационного продукта), а вокруг оси личности журналиста. Продолжая психоаналитические аналогии, скажем, что в блогах «Я» одерживает победу в борьбе со сверх-Я. Блог — это пространство, первичной характеристикой и общим знаменателем которого является индивидуальность его владельца, т.е. не гилморовское «Мы-медиа», а «Я-медиа». Таким образом, на базе платформы блогов возник новый формат новостной журналистики — «дневниковая журналистика». Это были не дневники с последними сводками событий, а дневники о том, как «журналист N освещает эти события». Читатель, который заходил в эти дневники, искал не итоги дня, как в традиционном информационном продукте, а картину мира через призму взгляда личности конкретного журналиста.

Дневник — это прежде всего личное пространство. В дневнике мы встречаемся с тем, что Лев Выготский назвал феноменом «внутренней речи». Просто так получается, что жизнь журналистов так или иначе крутится вокруг новостей, и поэтому, если они рассказывают о своей жизни, этот рассказ включает и то, как в новостях отразились установки личности самого журналиста по отношению к этим событиям. Это может быть и изложением информации, и фотографией с места событий, и впечатлением, и историей о том, как информация добывалась. Главное, что в этом случае нарратив описания картины мира Я-центричен. Не освобождение от оков цензуры, а смена системы координат новостного текста (от временных к дневниково-личностным) и стала, на наш взгляд, одним из самых интересных вкладов блогов в развитие СМИ.

Дневниковая журналистика принесла с собой и новые модели потребления информации. Газета или любой другой формат новостных СМИ представлял собой прежде всего решение, о чем рассказывать, а о чем нет, т.е. являлся функцией работы редактора как ответственного за составление информационного продукта. Теперь читатель мог сам составлять из журналистских блогов сеть для улова информации, которая базировалась не на интеракции между суммой событий за определенный временной отрезок и решением редактора, а между выборами и взглядами журналистов (хотя зачастую и в рамках их редакционных заданий).

Однако эта модель не может претендовать на роль альтернативы для традиционных СМИ из-за относительной случайности тех инфор-

мационных сюжетов, которые высвечивает прожектор Я-медиа, с одной стороны, и неспособности читателя взять на себя ответственность не только потребителя информации, но и редактора — с другой. Получая информацию о новостях из блогов, читатель, с одной стороны, получает личностную перспективу автора текста блога на событие, т.е. его (автора блога) личный взгляд, но, с другой стороны, поскольку блог — это только один взгляд на одно событие, он не может представить целостную картину мира, т.е. сумму важных событий, произошедших, например, за последние 24 часа, как это делают традиционные СМИ. Сегодня возникают разные модели использования блогов как источников новостей, но от идеи альтернативных СМИ они все больше смещаются к сложной системе интеракций, в центре которой так или иначе возникает симбиоз с традиционными СМИ. Последние рисуют общие черты информационной картины, в то время как первые комментируют и расширяют перспективы взгляда и пространство нарратива, расставляя в потоке информации Я-акценты.

Однако является ли анализ роли журналистов в блогах легитимным для анализа роли блогосферы в современном обществе. Описывая блогосферу как хаос посредственности и недостоверности и говоря о деструктивной роли блогов, Эндрю Кин имеет в виду вовсе не журналистов. Действительно, в этом информационном пространстве журналисты — явление частное, и если в России, благодаря целому ряду социально-культурных условий, они стали одними из пионеров блогосферы, то в глобальном блогосфере дело обстояло совсем не так. В США блоги исконно считались миром обитания подростков, и только в относительно последнее время они начали активно осваиваться другими социальными группами, включая журналистов. На наш взгляд, противопоставление журналистов как людей, обладающих профессиональными навыками создания текстов, вызывающих интерес у широкой аудитории, и «блогеров-обывателей», о которых говорит Эндрю Кин, — неверно. Скорее наоборот, в данном случае анализ мотивов журналистов, начавших писать в блогах, должен помочь понять явление более широко и глобально.

От маски — к личной идентичности в Интернете. Идентичность и социальные сети

Блог-журналистика набирала обороты далеко не только при помощи офлайн-журналистов. Очень быстро в блогосфере появились люди, сообщающие те или иные новости и не являющиеся при этом сотрудниками традиционных СМИ. Кто эти люди? Неудавшиеся журналисты? Идеалисты, которые хотят изменить общество и рассказать миру правду? Апологеты идеи Дана Гилмора «медиа — это мы»? На наш взгляд, ключ к пониманию их личности — *мотивационный анализ* поведения журналистов (Асмолов, 1996). Однако для того чтобы понять

это утверждение, стоит сначала обратиться к рассмотрению процесса эволюции презентации личности в рамках Интернета.

Те из нас, кто пользовался Интернетом еще до начала века нынешнего, помнят такое средство общения, как «Inter Relay Chat (IRC)». Используя подобные чат-программы или обитая в чат-комнатах, участники интернет-общения не использовали тогда своих настоящих имен. Мы меняли маски, играли не только именами, но и возрастами, полами, исследуя новые границы своего виртуального «Я». Уже в середине 1990-х появились первые крупные исследования о трансформации человеческой личности в виртуальном мире. Так, Шерри Теркл в своей знаменитой книге «Жизнь на экране» говорила о «множественности» и «зыбкости» представления человеческого «Я» в среде виртуального общения (Turkle, 1995). В 2000 г. на свет появилась статья Марка Постера «Кибердемократия: Интернет и публичная сфера», в которой исследователь ввел понятие «мобильной идентичности» (Poster, 1995). Он утверждал, что уход из физического пространства полностью меняет правила политической игры, ибо понятие суверенитета принадлежит исключительно миру стабильного и телесного.

Иная система отношений, о приходе которой говорил Постер, действительно начала вырисовываться в виртуальном пространстве чертами новой системы иерархий. Нетократия — такое имя дали этой реальности (или, скорее, пока еще только ее идее) А. Бард и Я. Зодерквист в своей одноименной книге (Bard, Soderqvist, 2002). Развивая популярную идею информационной революции, авторы описали реальность, в которой капитал — это информация, а ее обладатели (те, кто занял перекрестки информационных потоков) становятся «информационными олигархами».

Однако мир сетей не признает *мобильных идентичностей*. Достоверность и ценность информации во многом зависит от способности идентифицировать источник. Значимость узла в сети во многом определяется именно стабильностью виртуальной личности и ее статусом, репутацией. Иными словами, мир сетей противоречит логике бахтинского карнавала (Бахтин, 1979), ведь карнавал — это форма презрения к ценности информации. Как мы знаем, информация всегда проблематична, когда ее источник находится под маской, а когда источник начинает менять маски, то ее ценность стремительно приближается к нулю.

Таким образом, мы можем предположить, что с начала XXI в. развитие нетократии, т.е. общества, в котором статус определяется положением в сети, привело к тому, что Интернет стал платформой для восстановления стабильности идентичности. Учитывая хаос идентичностей и культуру мобильности, найти и определить свое стабильное «Я» было не так просто. Стабильная идентичность в виртуальном мире возникала постепенно, как бы нащупывая себя в зыбком пространстве, которому любая конкретность была чужда. От чатов, где идентичность

менялась с каждым входом, — к программам месенджером (например, ICQ), где в начале было принято использовать вымышленные имена («ники»), но при этом «ник» оставался стабильным от входа к входу в виртуальное пространство. Появление блогов также начиналось с весьма ощутимого присутствия страниц, чьи хозяева были анонимны, несмотря на постоянную привязку контента блога к конкретному «нику». Параллельно появилась практика двойной жизни, так называемых «блоггов-виртуалов», когда человек вел два блога: один, где его личность была известна, и другой — под маской. Однако со временем заигрывание с собственной анонимностью становилось все менее модным и интересным. Читатели искали пусть в виртуальном пространстве, но реальных героев. Становление идентичности можно было наблюдать и в адресах электронной почты. Если в первые годы Интернета реальные имена в адресах встречались очень редко, то сегодня формула «имя—точка—фамилия» стала одной из наиболее популярных и распространенных.

Однако решающим моментом в становлении идентичности в Интернете стало появление платформ для *социальных сетей*, будь то «LinkedIn», «Facebook» или российские «Одноклассники» и «В контакте». Идея социальной сети изначально построена на необходимости представления там реальной идентичности или, более точно, личностной идентичности. Если вы представите себя вымышленным именем, то шансы на расширение сети, т.е. на то, что ваши друзья вас найдут или же подтвердят ваше обращение включить их в свою сеть, будут очень малы. Таким образом, мир сетей стал полной противоположностью бахтинской карнавальности, которую представлял Интернет всего десять лет назад.

Однако у социальных сетей типа «LinkedIn» или «Одноклассники» была одна важная характеристика, на которую стоит обратить особое внимание. Эти сети содержали в себе лишь внешнюю оболочку идентичности, в то время как содержание этой идентичности находилось в мире офлайна. Иными словами, люди создавали новые связи в социальных сетях Интернета, базируясь на той или иной информации из офлайна. Это мог быть человек, с которым они учились, работали, встречались в кафе или на вечеринке, однако неизменным оставалось то, что носителем содержания идентичности был «мир-вне-Интернета», в то время как Интернет лишь содержал в себе оболочки — имена, фамилии, фотографии, телефоны и адреса.

Вместе с тем использование пространства Интернета как вселенной растущих социальных сетей требует выхода за пределы логики, ориентирующейся только на идентичности, содержание которых находится в офлайне. Таким образом, в то время как социальные сети — это пространство связей между «узлами личностей», Интернету также стало необходимо пространство для «контента» идентичностей, своего рода «сосуда для личности». Иными словами, это должно быть пространство,

где личность может полноценно раскрыть свой контент (внутренний мир) так, чтобы это могло послужить мотивом для создания социальных связей без знакомств в реальном мире.

Дневник как пространство лично-смыслового общения

В контексте культурно-деятельностной психологии, которую создали Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия, дневник, пожалуй, являет собой одного из лучших претендентов на то, чтобы быть «сосудом личности» за пределами человеческого сознания. В дневниковом жанре личностные смыслы, «значения-для-меня» преобладают над безликими значениями, «значениями-для-всех» (Леонтьев, 1975). Дневник — это особого рода «автокоммуникация», когда я сам с собою говорю. Дневник как диалог с самим собой строится по законам, близким к законам внутренней речи (Выготский, 1982—1984). Иными словами, дневник — это платформа выражения не только личности, но и ее динамического развития. В дневнике как форме презентации внутренней речи более всего отражается мотивационный «потенциальный план сознания» (там же), «полифония сознания», о которой столь ярко писал М.М. Бахтин. Таким образом, виртуальный дневник как процесс формирования онлайн-идентичности позволяет раскрыть *свое*, используя весь спектр «интимности» информации о себе — от публичной и известной всем до самой потаенной и сокровенной. Процесс становится особенно динамичным, так как интерактивность позволяет включить во «внутреннюю речь» других блогеров, что создает уникальный феномен-диалог «внутренних голосов» — дневниковый дискурс.

Блоги стали тем самым сосудом — платформой для контента личности в виртуальном мире. С развитием социальных сетей и сменой состояний идентичности от газообразного (чаты) через нечто жидкое (стабильные «ники») к твердому (реальные имена) блоги получили новую функцию. Это была уже не просто отдушина. У интернет-дневников как виртуальной платформы для развития виртуального представления личности появилась важная функция: они стали онлайн-оплотом личности, т.е. альтернативным (по отношению к миру физическому) мотивом для развития социальных сетей.

Однако для того чтобы блог как виртуальная платформа личности был мотивом для развития социальной сети, должно соблюдаться одно условие: блог должен быть интересным. Иными словами, блог как платформа личности должен мотивировать желание включить обладателя этого блога в социальную сеть, не будучи при этом знакомым с ним в не виртуальном мире. И тут возникает вопрос: как сделать содержание блога привлекательным? В жизни личность имеет много разных граней проявления. Предположим, знакомство происходит в клубе. Интеракция обусловлена нахождением в одном пространстве, где есть

ограниченное количество человек и вовсе не обязательно с мотивами вербально-контентного характера. В виртуальном пространстве одновременно находятся миллионы и тем самым ограничений для контактов не существует, т.е. конкуренция выше, чем в реальном пространстве. Кроме того, если в жизни личность — это во многом наше поведение, которое иногда может быть естественным и спонтанным, а не функцией некоего заранее обдуманного плана, то в виртуальном пространстве дело обстоит несколько иначе. По сути перед блогером стоит задача не просто «ретранслировать» свое «Я» в «виртуальный сосуд» дневника, а сконструировать эту личность, т.е. быть редактором самого себя со всеми вытекающими отсюда функциями, известными журналистике.

Есть, однако, и жанровое преимущество. Блог как дневниковое пространство может раскрыть человека глубже, чем те возможности, которые предлагает знакомство в реальном пространстве жизни. При знакомстве в шумном клубе, с трудом перекрикивая музыку, после нескольких попыток вы можете узнать, как друг друга зовут. А в блоге — бери и читай хронику бытия человеческого на примере конкретного человека. Однако для этого, еще раз подчеркнем, блог должен быть прежде всего полноценным и интересным. А вот как раз с привлекательностью контента у блогов и бывают проблемы.

Проблеме «контент-кризиса» блогов была в свое время посвящена скандально известная колонка журналиста Валерия Панюшкина в газете «Ведомости», начинавшаяся с фразы, облетевшей всю русскоязычную блогосферу: «Люди, я прочел ваши дневники: вы — ничтожества». Можно предположить, что в какой-то мере колонка В. Панюшкина — провокация. Но она весьма успешно описывает кризис личности в ее виртуальном отражении: «Годами у среднего пользователя “Живого журнала” может не быть в дневнике ни одного всплеска отчаяния, только вялое нытье. Годами ни одной вспышки гнева, только ворчба. Годами ни одной записи, которая была бы пронизана счастьем или ликованием, так, мелкие успехи: нашел новую работу, купила новое платье. Годами никого не жалко, кроме себя. Никого, кроме себя, не жалко так, чтобы плакать, да и себя, если подумать, жалко не очень. Годами ни одной новости: блоггеры охотно размещают в своих дневниках ссылки на всякие статьи в прессе, но сами не видят вокруг себя ни событий, ни людей» (Панюшкин, 2008). Иными словами, по В. Панюшкину, блогосфера поражена болезнью бытового сознания. Однако в контексте развития социальных сетей это не просто пустота виртуальных личностей. Это отсутствие внутри виртуальных предпосылок для развития социальных сетей. Вы справедливо можете возразить: «Какие личности, такие и отражения». Но в пространстве офлайна эта пустота как раз компенсируется, скрывается поверхностностью и социальной ролью. А вот в мире виртуальных дневников она предстает во всей своей наготе через трансляцию личностных смыслов.

Чем больше развивается Интернет, чем больше он поглощает разные сферы нашей жизни, тем больше времени мы проводим в виртуальном пространстве. Отсюда конструирование своей виртуальной личности — это уже не прихоть досуга. Оно выступает как необходимое условие социального развития личности. Поэтому вопрос о том, как сделать блог привлекательным в качестве платформы для виртуального «Я», становится принципиально важным.

Давайте остановимся немного на потенциальных ресурсах «личностного контента». С одной стороны, виртуальный дневник может стать отражением глубины внутреннего мира человека, его мыслей, сомнений и эмоций, его личностных смыслов. Это могут быть как внутренние, интимные переживания, так и анализ того, что происходит вокруг, приобретающий самые разные жанровые формы — от литературных до опять же чисто дневниковых. Превращение же своего внутреннего мира в контент блога, так, чтобы при этом оно не было ни «вялым нитьем», ни чем-то слишком интимным, или же привлечение интереса при помощи анализа чего-либо, не базируясь уже на существующей репутации эксперта в области X (т.е. без предварительного пиара своих аналитических способностей), а только пытаясь ее таким образом создать, — задачи крайне сложные.

Существуют другие способы наращивания привлекательности блогов. Например, выкладывание чужого контента. Действительно, практика «копи-пейста» применяется в блогосфере очень часто, и это вовсе не обязательно негативное явление. Желание поделиться чем-то, что понравилось тебе, и выполнение функции мониторинга достойного контента для своих друзей вполне легитимно. Однако вторичность в большинстве случаев не может стать предпосылкой для развития сети, ибо она не выдерживает конкурса с себе же подобными. Еще один вариант — те или иные формы порнографии (текстовой или визуальной). Вряд ли кто поспорит, что здесь есть и эксклюзивность, и откровенность содержания, способные привлечь широкую аудиторию. Однако подобный контент порождает вокруг себя сети определенного характера и, что не менее важно, отталкивает целый спектр других возможных связей.

Но существует и другой ресурс для контента, который, по выражению известного психолога К. Левина (2000), начал бы обладать «побуждающим характером» — нести позитивную притягивающую валентность. Таким ресурсом является событийность повседневной жизни. Иными словами, формирование своей виртуальной личности и интереса к ней возможно через изложение того, что происходит вокруг этой личности в реальном пространстве. В таком случае тому, кто, например, работает в местах с большим потоком событий (милиционеру, врачу скорой помощи, пожарному) и при этом может их изложить, не опасаясь за место своей работы (как это, например, произошло с одной

стюардессой, рассказывавшей в блоге о своей работе), — в своем роде повезло. Характерный тому пример — известный ЖЖ милиционера, работавшего в московском метро. Подобного рода блоги могут позволить себе вести также депутаты парламента, хотя в данном случае это уже не только личностное пространство, а еще и инструмент политического пиара. Вместе с тем это не выходит за рамки принятых правил игры. Ведь *политики — это люди, которые ежедневно занимаются конструированием своей личности в публичном пространстве*. Однако в целом в связи с рядом указанных выше причин изложение потока событий «рабочей» жизни как «личностного контента» весьма лимитировано для многих профессий.

Событийность жизни — ведущий мотив профессиональной деятельности журналиста

И лишь для одной профессии — журналистики — поиск и изложение событий, претендующих на то, чтобы быть интересным контентом, — один из ведущих мотивов профессиональной деятельности. В рамках своей работы журналисты имеют дело с материей, которая позволяет максимально динамично и полноценно не только освещать поток событийности, но и использовать его для отображения собственной личности. Поэтому неслучайно, что журналисты стали во многом пионерами освоения блогов как пространства конструирования своей виртуальной личности, своего виртуального «Я». Но что же делать простым смертным, которые страдают от недостатка как внутреннего, так и внешнего «сырья» для построения своей виртуальной личности? Ответ прост: искать события для описания во внешнем мире, по известному выражению Бориса Пастернака «поверх барьеров» и регламентов социальной жизни. По сути, искать интересные события, которые можно описать или выложить их фотографии в своем блоге и таким образом внести еще одну лепту в строение своей виртуальной личности через переживание окружающего мира, его преломления через собственную индивидуальность. Это значит, что развитие себя как виртуальной личности требует сегодня от каждого быть своего рода журналистом.

Казалось бы, это парадокс: говорить о Другом, чтобы сконструировать себя. Но этот парадокс является парадоксом только в системе координат «здорового смысла». В феноменологической философии, герменевтике, культурно-исторической психологии четко обозначен вектор порождения личности: от Другого к Я, от интересубъективности к интрасубъективности, от социальной идентичности к личностной идентичности. И конструирование идентичности в социальных сетях строится по той же психологической логике «вращения социальной личности» от «Мы» к «Я» (Выготский 1982—1984; Асмолов 2007; Рикёр, 2008; От Я..., 1997). Информация во внешнем мире — это своего рода «Я-ресурс». Ведь если «материя» личности в социальном простран-

стве — это в какой-то мере загадка «Я», то в виртуальном пространстве личность — это банк данных, информация, сумма букв, картинок и звуков, представленных цифровым кодом. Именно поэтому в мире онлайн мы активно формируем себя через наше восприятие внешнего мира. Информация о внешнем мире может нести отпечаток «Я», потому что любая ретрансляция информационной картины содержит в себе выбор и интерпретацию. Последнее, т.е. подача информации о событии через призму определенной трактовки, известно специалистам по изучению медиа как «framing» (выбор рамки). Но и сам факт выбора того или иного события для описания уже несет в себе существенный информативный заряд. На языке теорий массовой коммуникации мы бы назвали это «agenda setting», т.е. определение «повестки дня» в контексте конструирования своей личности. Иными словами, описание некоего потока физических событий в виртуальном пространстве — это конструкция окружающего нас мира, которая содержит не только этот мир, но и нас самих. Главный вывод, который мы можем сделать, таков: конструирование виртуального «Я» требует активного поиска информации для ее ретрансляции в публичную онлайн-сферу. У подобной социальной практики есть имя — журналистика.

Влияние установок на поведение журналиста в блогосфере

Осенью 2008 г. «Технорати» — самый крупный интернет-сайт в области поиска и мониторинга блогов — опубликовал новое статистическое исследование глобальной блогосферы (Амзин, 2008). Среди большого количества разнообразных данных можно обнаружить один, на наш взгляд, удивительный факт. Согласно отчету «Технорати», половина блогеров посещают различные мероприятия специально для того, чтобы осветить их в блогах. По сути, это и есть своего рода доказательство того, что блогосфера превратилась в медиaprостранство. И дело тут не в результате этой деятельности, т.е. не в том, насколько контент соответствует профессиональным журналистским требованиям, а прежде всего в социальных и личностных установках блогеров. Журналистика — это в том числе поведение человека, мотивированное желанием получить информацию для того, чтобы перевести ее в публичную сферу и сделать доступной для всех. В данном контексте качество произведенной информации нас должно интересовать меньше. Главное в том, что налицо смена социальных и личностных установок в блогосфере. Существование виртуальной платформы заставляет блогеров изменять свое поведение в реальном мире. Журналистам по профессии, с которых мы начали наше обсуждение, этого просто не надо было делать. В контексте концепции блога как механизма расширения социальных сетей работники СМИ могли совмещать «приятное с полезным», вернее «полезное с полезным». Однако всем другим заинтересованным в

конструировании своего виртуального «Я» пришлось осваивать новые формы поведения.

Итак, внешняя информация является ресурсом для развития личности в виртуальном пространстве на базе платформы блогов, а освоение журналистских установок является условием для расширения своей социальной сети. Для успешного выполнения этой задачи виртуальная личность должна оставаться динамичной, т.е. ей необходима постоянная информационная подпитка. Иными словами, рядовой блогер, заинтересованный в развитии своей социальной сети не только за счет офлайн-связей, должен вести своего рода журналистский образ жизни. Этому, кстати, в какой-то степени способствуют и существующие пиар-практики. Часто те или иные фирмы ищут блогеров, вокруг которых уже выстроена социальная сеть, для того чтобы снабжать их информацией, которую те будут распространять далее, т.е. видят в блогерах своего рода посредников, медиаторов между источником информации и публикой.

Появление подобных новых установок не ограничивается появлением еще одного типа социального поведения у блогеров. Журналистика — это не только нацеленный сбор информации, но и особая модель или даже идеология восприятия окружающего мира. В идеале ответственность за донесение некой картины физической реальности до потенциального потребителя информации означает, что журналист — это тот, кто должен видеть событие своими глазами. Тот, кто не полагается на посредничество в передаче важной для него информации. Тот, кто формирует свое мнение на основе присутствия на месте события. Иными словами, журналист — это отказ от пассивной позиции в получении информации. И здесь роль информационных технологий как стимула виртуальной личности двойственна. С одной стороны, они создают мотивацию самостоятельного поиска информации и позволяют делать эту информацию публичной. С другой — предлагают широкий спектр механизмов информационных манипуляций (к примеру, с помощью визуальных редакторов и трехмерной графики). Еще Норберт Винер показал, что верная информационная картина — это основа выживания любой системы. Поэтому умение не позволять новым технологиям превращаться в инструмент манипуляции сознанием, мотивированность и способность добывать информацию, используя собственные глаза, становятся в информационном обществе вопросом экзистенциальным.

Процесс, который был детонирован социальными сетями, намного сложнее, чем просто создание мотивации искать информацию специально для блога у рядовых пользователей Интернета. Логику формирования журналистских установок емко передает знаменитая формула канадского исследователя СМИ Маршалла Маклюэна (2003): «Мы создаем технологии, которые создают нас». По мнению португаль-

ской исследовательницы Анны Висо (ныне профессора Университета Торонто), М. Маклюэн, сам об этом не догадываясь, стал фактически прямым последователем школы культурно-исторической психологии Л.С. Выготского (Viseu, 1999). Отметим, что А. Висо при анализе трансформаций личности в мире социальных сетей пользуется термином «электронная идентичность» (electronic identity), опираясь на работы известного последователя Л.С. Выготского и А.Р. Лурии американского психолога М. Коула (1997).

А. Висо, которая в 1999 г. одной из первых использовала для анализа личности в виртуальном мире культурно-исторический подход, утверждает, что в киберпространстве возникает уникальная ситуация. Граница между личностью и социальной средой стирается, и становится непонятно, где человек, а где окружающие его культурные артефакты (термин М. Коула). Поэтому, по мнению А. Висо, виртуальный мир выводит на другой уровень процесс интериоризации — вращивания социального пространства в личностное пространство (Л.С. Выготский), проявления культуры в чертах человеческой личности. А значит, изменение нашего поведения в социальном мире, т.е. освоение журналистских паттернов поведения, и эволюция методов потребления информации — это не только процесс формирования нашей виртуальной личности, но и трансформация нашей личности в целом. Не только мы врываемся в виртуальный мир своей идентичностью, но и виртуальный мир врывается в нас, достраивая и расширяя пространство нашего «Я».

Мы рассмотрели три основных элемента системы, в рамках которой обычные блогеры все больше пользуются журналистскими практиками. Первое. В отношениях между мирами оф- и онлайн люди играют роль своего рода механизма перевода информации из мира реального в мир виртуальный посредством изложения ее в цифровой коде и выкладывания ее на всем доступной платформе. Второе. Перевод информации из физического мира в виртуальное пространство так или иначе оставляет на информации «личный вклад» (В.А. Петровский) — след того, кто ее переработал, т.е. факт переработки информации через призму «Я» делает ее уникальной и тем самым превращает ее в элемент конструирования виртуальной личности. И, наконец, третье. Контент, выложенный в дневниковом пространстве (как на самом деле и на любой виртуальной платформе, которая имеет идентичность, связанную с конкретным человеком), играет *сетевобразующую* роль. Иными словами, контент наполняет оболочку, обозначенную внешними параметрами узла в сети, и тем самым привлекает к себе новые связи. Этот момент также способствует развитию виртуальной личности, ибо «личность в сети» — это явление, производное от своего контента и своих интеракций, поскольку интеракции тоже порождают новый контент.

Мы живем в эпоху становления виртуальной идентичности. По сути дела речь идет о параллельных процессах — о переводе в цифровой

код внешнего мира и переведении в цифровой код человеческой индивидуальности, создании ее информационного отпечатка в пространстве всемирной сети. Эти процессы способствуют постепенному увеличению процента времени и действий, которые мы изначально совершаем в рамках виртуального мира, т.е. они изначально совершаются в цифровом коде, а значит, не нуждаются в «переводе». И если сегодня мы говорим о развитии личности за счет информационных ресурсов мира офлайн, то о процессах конструирования идентичности в изначально виртуальном мире остается только догадываться. Эта загадка становится еще более фантастичной, если мы вспомним о развитии технологий трехмерной реальности. Первые тенденции подобных перемен мы уже можем наблюдать в мирах наподобие «Second Life», хотя вряд ли пока способны осознать их значение.

Однако существует еще одна тенденция, о которой, пожалуй, можно говорить с большей уверенностью. В последние годы не раз звучала идея о том, что всемирная сеть Интернета может стать инфраструктурой для идеи ноосферы в том смысле, как она была представлена В.И. Вернадским и автором «Феномена человека» Тейяром Де Шарденом, — сфера слияния человеческих разумов в единое целое и вместе с тем сохранения уникальности каждой человеческой индивидуальности. Отметим, что подобная ноосфера требует единого информационного и коммуникационного пространства. Перевод физической реальности в виртуальную и параллельный переход человеческой деятельности из оф- в онлайн способствуют созданию единого пространства, в котором любое действие должно стать не только действием, но и производством информации об этом действии в цифровом коде, т.е. возникновению реальности, где действие неотделимо от информации о действии. Тогда виртуальные дневники перестанут быть средством описания жизни и сотворения нашего виртуального отражения. Они превратятся в смысловой мир сознания личности. Мы будем жить дневниками, которые потеряют свою вторичность по отношению к описываемому событию. Внутренний мир человека все больше будет становиться неотъемлемой частью публичного пространства. И подобных трансформаций личности не описывала даже самая изощренная фантастика.

Однако информация — это только среда обитания в новой вселенной Интернета. Возникновение ноосферы невозможно до тех пор, пока в этой среде не возникнут виртуальные личности, достаточно содержательные для того, чтобы формировать сети, не нуждаясь при этом в обращении к миру физическому.

Уже сегодня многие социальные сети, например «Facebook», пытаются интегрировать в себя максимальное количество контент-платформ, включая связку между репрезентацией индивида в сети и его блогом. Но настоящую революцию следует ожидать после появления Сети Сетей, которая должна позволить объединить в одном пространстве разные

сети и контент-платформы. Известно, что работа над такой сверхсетью уже ведется сегодня в лабораториях компании «Гугл».

Появление такой сети может привести к удивительному эволюционному скачку. Если до сих пор задача по расширению конкретной сети стояла перед человеком, то с появлением Сети Сетей динамика может стать обратной. Базируясь на механизмах обработки информации, подобная сверхсеть будет сама связывать людей и плести социальные сети в зависимости от поставленных задач. Таким образом, сеть превратится в самостоятельную операционную систему коллективного разума, создавая формы межличностных связей так, чтобы они могли с максимальной эффективностью выполнять поставленные цели. Согласно оптимистической концепции, уходящей корнями в мировоззрение Тейяра де Шардена, новые модели глобального сетевого поведения не должны затрагивать уникальность каждого узла сети в отдельности — человеческой личности. Однако радикальная интериоризация — слияние индивидуальности с внешним миром — может порождать и иные сценарии, более близкие к антиутопиям Оруэлла, чем к гуманистическим идеям автора «Феномена человека».

Сегодня мы еще далеки от воплощения идеи «живой сети» как операционной системы человечества. Сегодня мы еще спорим о том, является ли блогосфера рассадником безнравственности, и приклеиваем к ней клеймо «культы любительского», вместо того чтобы, рождаясь в физическом мире, учиться, как становиться личностью в новом информационном мире и отстаивать свою индивидуальность в коммуникационном пространстве.

Таковы некоторые направления анализа и понимания трансформаций личности в виртуальном мире. И журналистика в блогосфере становится своего рода экспериментальной междисциплинарной лабораторией для исследований подобных трансформаций. Для понимания загадок приключения идентичности в социальных сетях понадобится еще немало усилий коллективного разума специалистов по теории коммуникаций, искусственному интеллекту, психологов, социологов, философов, которые придерживаются одной из самых перспективных парадигм современного мышления — парадигмы социального конструирования реальности в нашем прекрасном и яростном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амзин А. Введение в блогологию: Ресурс Technorati опубликовал всемирный блог-обзор, Сентябрь 2008. URL: <http://lenta.ru/articles/2008/09/24/technorati/>

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982—1984.
- Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
- Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
- Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.; Жуковский, 2003.
- Назаров М.М.* Массовая коммуникация и общество. М., 2004.
- Носов Н.А.* Виртуальная психология // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 6. М., 2000.
- Панюшкин В.* Презрение и сострадание. № 17 (104) 15 мая 2008. URL: <http://friday.vedomosti.ru/article.shtml?2008/05/15/12334>
- Петренко В.Ф.* Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М., 2008. С. 435—463.
- Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъективности. Ростов н/Д, 1996.
- Проблемы медиапсихологии /* Под ред. Е.Е. Прониной. М., 2002.
- Рикёр П. Я — сам как другой.* М., 2008.
- Шюц А.* Смысловая структура повседневной жизни. М., 2003.
- От Я к Другому: Сб. переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога.* Минск, 1997.
- Bard A., Soderqvist J.* NETOCRACY: the new power elite and life after capitalism. Stockholm, 2002.
- Gillmor D.* We the Media: Grassroots journalism by the people, for the people. Sebastopol, CA, 2006.
- Keen A.* The cult of the amateur: How today's Internet is killing our culture. N.Y., 2007.
- Poster M.* CyberDemocracy: Internet and the public sphere. University of California: Irvine, 1995. URL: <http://www/hnet.uci.edu/mposter/writings/democ.html>
- Turkle Sh.* Life on the screen: Identity in the age of the Internet. N.Y., 1995.
- Viseu A.* A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us». Preprint, 1999.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. И. Александров, Н. Л. Александрова

КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫХ ТИПОВ ПОЗНАНИЯ

В настоящей работе с позиций системного подхода обсуждается феномен культурной специфичности типов познания — обыденного и научного. В рамках этого обсуждения выделяются особенности российской науки. Рассматриваются аналогии между этапами индивидуального акта познания и познания как процесса, разворачивающегося на уровне мировой науки. Предполагается, что взаимодействие различающихся «локальных» наук принимает характер взаимодействия, направленного на достижение глобального результата — развития мировой науки.

Ключевые слова: субъективный опыт, культура, познание, наука, система, кросс-культурный подход.

The phenomenon of cultural specificity of the types of cognition — the everyday and scientific ones — is discussed in the present work in the frame of systemic approach. The discussion highlights the features of the Russian science. The analogies between the stages of an individual act of cognition, on the one hand, and cognition process at the level of world science, on the other hand, are considered. It is assumed that the interaction between different “local” sciences takes form of the mutual CO-operation aimed at achieving of global result — the development of world science.

Key words: subjective experience, culture, cognition, science, system, crosscultural approach.

Системный подход к анализу структуры и динамики субъективного мира

Существенный вклад в развитие системных представлений в психологии и нейронауках внесен разработкой нового направления — системной психофизиологии (Александров, 2004; Ведущие..., 1998;

Александров Юрий Иосифович — докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией ИП РАН. *E-mail:* yuraalexandrov@yandex.ru

Александрова Наталья Львовна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. ИП РАН. *E-mail:* nataliya-alexandrova@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-06-00250а) и Совета по грантам Президента РФ ведущим научным школам РФ (грант НШ-3752.2010.6).

Швырков, 2006), базирующейся на теории функциональных систем (ТФС). Создатель ТФС — П.К. Анохин — был не только одним из признанных лидеров физиологии, но причислялся и к «гигантам психологии» (Cole, Cole, 1971).

Почему именно теория П.К. Анохина (1975, 1978), сформулированная первоначально для решения проблем физиологии, оказалась весьма эффективной и для психологов? Эта теория позволяет подойти к анализу физиологических основ поведения и психики активного, достигающего цель, а не реактивного, реагирующего на стимул субъекта. В ТФС было разработано представление о системообразующем факторе, который ограничивает степени свободы ее элементов, создавая упорядоченность их взаимодействия, и оказывается изоморфным для всех систем. Свойство изоморфности обуславливает возможность использования ТФС для анализа самых разных объектов и ситуаций. Системообразующий фактор — это результат системы, под которым понимается полезный приспособительный эффект в соотношении организма и среды, достигаемый при реализации системы. Таким образом, в качестве детерминанты поведения и деятельности с точки зрения ТФС рассматривается *не прошлое по отношению к ним событие — стимул, а будущее — результат*.

Каким образом результат — событие, которое наступит в будущем, может детерминировать текущую активность, быть ее причиной? П.К. Анохин решил этот «временной парадокс», используя понятие о модели будущего результата — цели, которая и выступает в качестве такой детерминанты, и разработав представление об акцепторе результатов действия, формируемом до реального появления результата и содержащем его прогнозируемые параметры. Таким образом, Анохин устранил противоречие между каузальным и телеологическим описанием поведения, сделал последнее приемлемым даже для «каузалистов», т.е. тех исследователей, которые считают, что наука имеет дело только с причинностью и без нее невозможно никакое объяснение, никакой закон (Бунге, 1962).

В ТФС утверждается, что для понимания активности индивида следует изучать не «функции» отдельных органов или структур мозга в их традиционном понимании (как непосредственных отпращиваний того или иного субстрата, в том числе нервного: сенсорная функция, моторная, мотивационная, восприятие, внимание, любовь, эмоции и пр.), а организацию целостных соотношений индивида со средой для получения конкретного результата. Рассмотрев *функцию* как достижение этого результата, П.К. Анохин дал следующее определение *функциональной системы*. *Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретает характер **взаимоСодействия**, направленного на получение полезного результата*. Подобная «системная функция» не может быть

локализована ни в структуре или группе структур, ни даже в целом мозге. Она соотносима только с организмом как целым.

Применение идей ТФС для решения психологических проблем привело к разработке упомянутой выше системной психофизиологии. Одним из наиболее важных этапных результатов на этом пути стало системное решение психофизиологической проблемы. Суть его в следующем положении. Психические процессы, характеризующие организм и поведенческий акт как целое, и нейрофизиологические процессы, протекающие на уровне отдельных элементов, сопоставимы только через информационные системные процессы, т.е. процессы организации элементарных механизмов в функциональную систему. Иначе говоря, психические явления не могут быть напрямую сопоставлены с локализуемыми элементарными физиологическими явлениями (как это делается в традиционной психофизиологии), они могут быть сопоставлены только с процессами их организации. При этом *психологическое и физиологическое описание поведения и деятельности оказываются частными описаниями одних и тех же системных процессов*.

Это решение психофизиологической проблемы позволяет избавить психологию от редукции психического к физиологическому, появляющейся в традиционной психофизиологии, сопоставляющей психическое и физиологическое *напрямую*. Системная психофизиология отвергает *парадигму реактивности*, формулируя в рамках *парадигмы активности* положение о направленной в будущее активности не только индивида, но и отдельных нейронов, постольку она и обеспечивает для психологии (а также социологии, культурологи, нейроэкономики и т.д.), оперирующей понятиями активности и целенаправленности, возможность избавиться также и от эклектичных представлений, часто возникающих при использовании материала нейронаук (подробнее см.: Александров и др., 1999).

К позиции используемого здесь варианта системного подхода наиболее близко понимание *познания* как процесса активного взаимодействия со средой, порождающего знания в качестве средств достижения целей, или, в более широком смысле, как эффективного действия, которое позволяет индивиду продолжить свое существование в окружающей среде. При этом *познавать* — значит учиться индивидуальным актам или кооперативным взаимодействиям¹ (Maturana, Varela, 1987). В свою очередь *учиться акту* — значит разворачивать процессы системогенеза, т.е. формирования системы данного акта.

Формирование новой системы рассматривается как фиксация этапа индивидуального развития — образование нового *элемента субъектив-*

¹ Соглашаясь, заметим только, что отчет (самоотчет) о результате любого индивидуального акта дается в терминах социума при учете того, как содействует данный результат коллективному (подробнее см.: Александров, Александрова, 2009а).

ного опыта в процессе научения. В основе образования нового элемента опыта лежит не «переспециализация» ранее специализированных нейронов, а установление постоянной специализации относительно вновь формируемой системы отобранных в результате проб нейронов, рекрутированных из «резерва» ранее «молчавших» клеток, а также нейронов, появившихся в процессе неонейрогенеза. Специализация нейронов относительно вновь формируемых систем — *системная специализация* — постоянна, т.е. *нейрон системоспецифичен*. Таким образом, в процессе формирования субъективного опыта вновь образованные системы *не сменяют предсуществующие, а «наслаиваются»* на них, представляя собой «добавку» к ранее появившимся.

Специализация нейронов относительно элементов субъективного опыта означает, что в их активности отражается не внешний мир как таковой, а соотношение с ним индивида. Поэтому описание системных специализаций нейронов оказывается одновременно описанием субъективного мира, а изучение активности этих нейронов — изучением субъективного отражения.

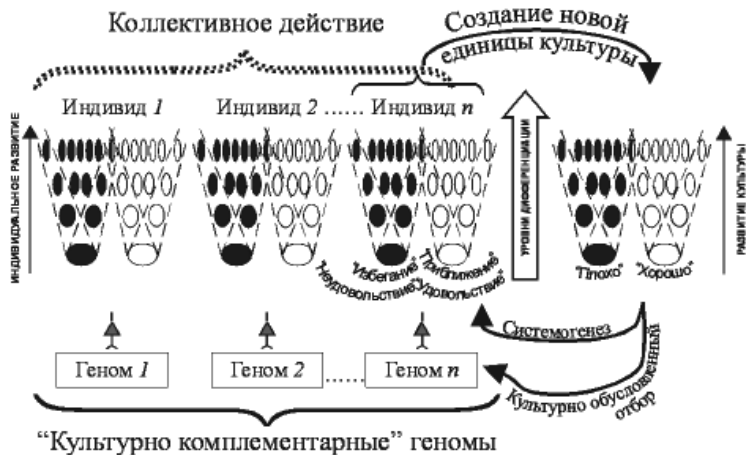
Формирование новых систем в процессе индивидуального развития обуславливает прогрессивное *увеличение дифференцированности* в соотношении организма и среды (Александров, 1989; Чуприкова, 1997; Tononi, Edelman, 1998; Werner, Kaplan, 1956; и др.). Системы, формирующиеся на *самых ранних стадиях онтогенеза*, обеспечивают *минимальный уровень дифференциации*: хорошо/плохо (approach/withdrawal); соотношение со средой на этом уровне дифференциации может быть описано в терминах «эмоций». Эти рано формирующиеся системы не являются «положительными» или «отрицательными». Все системы направлены на достижение положительных адаптивных результатов.

Системный подход к анализу структуры и динамики культуры

Культура с системных позиций может быть рассмотрена *как структура, представленная набором элементов (систем) и единиц, которые символизируют пути достижения коллективных результатов в данном сообществе на данном этапе его развития* (подробнее см.: Александров, Александрова, 2009а, б). Между системными структурами субъективного опыта и культуры могут быть обнаружены аналогии. Например: а) новые, все более дифференцированные элементы культуры и опыта, формируясь, не заменяют предшествующие, а наслаиваются на них; б) механизмы формирования в обоих случаях — селекция; в) актуализация единиц культуры и субъективного опыта обеспечивается за счет одновременной активации элементов, сформированных на последовательных стадиях развития индивида/сообщества.

На рисунке стрелка «уровни дифференциации» обозначает возрастание уровня дифференциации структур опыта и культуры по мере

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОПЫТ КУЛЬТУРА

Структуры субъективного опыта (слева) и культуры (справа).

Пояснения в тексте

их развития. Большие овалы внизу обозначают системы субъективного опыта и культуры наименьшей дифференциации. По мере развития число систем и уровень их дифференциации увеличиваются. «Белые системы» субъективного опыта обеспечивают реализацию поведенческих актов приближения (положительные эмоции), черные — избегания (отрицательные эмоции). В структуре культуры белые и черные овалы символизируют элементы культуры, задающие формирование в процессе системогенеза разрешенного (поощряемого) и запретного (не одобряемого) поведения соответственно. Пунктирные линии на фрагментах слева ограничивают наборы систем разного возраста и дифференциации, одновременная актуализация которых обеспечивает достижение результатов поведенческих актов, соответствующих тому или иному набору; справа — наборы систем-элементов культуры разного возраста и степени дифференциации, входящих в единицу культуры. Пересечение черных и белых овалов обозначает: слева — внешне одинаковые акты поведения, направленные на достижение разных целей (достижения, избегания); справа — возможность использования в разных ситуациях разных единиц культуры, принадлежащих к поощряемому или запретному поведению для формирования внешне одинаковых групп действий. Стрелка «культурно обусловленный отбор» иллюстрирует идею ген-культурной коэволюции, а стрелка «системогенез» — идею о том, что формирование элементов опыта происходит в культуре. Между прямоугольником «геном» и овалами, символизирующими элементы системы субъективного опыта, расположено схематическое изобра-

жение нейрона, указывающее на то, что реализация генома в данной культурной среде, выражающаяся в формировании систем субъективного опыта в процессе индивидуального развития, опосредствована селекцией и специализацией нейронов в отношении этих вновь формирующихся систем. «Культурная специализация» индивидов может быть рассмотрена как формирование такой структуры субъективного опыта в данной культуре, которая *комплементарна* структурам других индивидов. В данном контексте «культурная комплементарность» означает, что генетические predispositions и связанные с ними «культурные специализации» индивидов согласованны и взаимодополнительны внутри данного сообщества.

Формирование элементов субъективного опыта (систем в процессе системогенеза) зависит от того, в какой культуре научение происходит (подробнее см. ниже). Учет этой обусловленности необходим для того, чтобы избежать довольно распространенного в физиологии и психологии «когнитивного солипсизма», выражающегося в рассмотрении когнитивных процессов в связи с мозгом, но в отрыве от культуры (Donald, 2000).

Конечно, особенности формируемого опыта зависят и от характеристик имеющихся у индивида нейронов, специфика преспециализаций которых обусловлена особенностями индивидуального генома. Но и геном в определенной степени зависит от культуры. Культура не только определяет характер формируемых элементов субъективного опыта, но и влияет на отбор геномов («ген-культурная коэволюция»; Mesoudi et al., 2006; Rendell, Whitehead, 2001; и др.), обуславливая, в частности, «культурную комплементарность геномов» в сообществе (Alexandrov, 2001).

Системная психофизиология в мировой науке

Содержание ряда теоретических и экспериментальных статей, появившихся в последнее время, позволяет сделать следующие утверждения. Очевидно наличие движения нейронауки и психофизиологии от картезианского «стимульного» к «целевому» детерминизму и холизму (входящему в отношения оппозиции с редукционизмом; Лекторский, 1979), от «реактивной» идеологии в понимании поведения и деятельности к идее системности, активности и антиредукционизма (Петренко, 1999; Шишкин, 2006; Alexandrov, Järvillehto, 1993; Ellis, 1999; Engel et al., 2001; Fisher, Bidell, 2006; Freeman, 1997; Jordan, 1998; NSF Task..., 1996; Schall, 2001; Thompson, Varela, 2001; Vandervert, 1998; Waal, 1996; Webb, 2004; Wilson, 1998; Woese, 2004). Это движение еще не является мейнстримом (хотя, например, в журналах по нейронаукам и молекулярной биологии число статей, в которых используется термин «системный», возросло за указанный период в сотни раз), но становится им; оно набирает силу и получает поддержку авторитетных авторов

(а следовательно, «официализируется»). К.Р. Воуз отмечает «неизбежность перехода биологии от редуционизма (“eyes-down” perspective) к холистической (“eyes-up”) перспективе, которая превращается в новый мейнстрим» (Woese, 2004, p. 175). Это движение рассматривается даже как угроза для тех, кто не осознает неизбежности грядущих изменений: «Физиология как академическая дисциплина подвергается реальному риску быть отодвинутой на задний план организационно и административно развивающейся системной биологией. Чтобы избежать этой участи, физиологические учреждения и физиологи должны полностью принять основные положения системной биологии» (Strange, 2005, p. 972).

Настоящий этап развития, как это обычно бывает при переходе от одной парадигмы к другой, характеризуется выраженной эклектичностью. Методологическая база подавляющего большинства работ представляет собой эклектичное объединение «активного» и «реактивного»² детерминизма (о видах «активно-реактивной» эклектики см.: Александров и др., 1999).

Упомянутое смещение от аналитизма к холизму, по-видимому, может быть названо не новым движением, а его новой фазой. Так, например, П.К. Анохин около 70 лет назад писал: «Одним из характернейших штрихов современной физиологии является попытка подвергнуть критике громадный эмпирический материал, полученный главным образом на пути аналитического исследования, и создать синтетическую картину сложных динамических процессов, протекающих в целом организме. ... Холизм ... стремится заменить господство аналитизма в естествознании господством целостного проявления всех процессов природы» (1935, с. 9). Г.В. Иванченко (1999) подчеркивает наличие циклических процессов в социокультурной сфере, выражающихся, в частности, в смене «гносеологических предпочтений» (синтетических/аналитических) с периодичностью около 50 лет. Она приводит аргументы в пользу того, что такой режим функционирования выгоден для сложных систем. Поскольку мировая наука — единая организация (хотя и состоящая из неоднородных компонентов), ясно, что этот процесс каждый раз в той или иной степени «захватывает» все или большинство «локальных» наук отдельных стран. Однако может быть выявлена и некоторая неравномерность во времени и степени «захватывания».

² Интересно взглянуть на смену указанных парадигм с точки зрения возможного изменения отношения науки и религии. Характерное для западноевропейской мысли представление о мире-автомате, в том числе об организме как о реактивном автомате (рефлекторной машине по Р. Декарту), приводило к «европейской шизофрении» (J. Needham), поскольку автомат требует «внешнего бога». Если принять метафору о мире как функционирующем часовом механизме, то обязательно появляется бог-часовщик (Пригожин, Стенгерс, 2003).

Системная психофизиология, возникшая в России на основе сформулированной ТФС, в основном преодолев эклектичность, существенно опередила традиционную науку на «системном» пути. (Об эмпирических закономерностях, обнаруженных в системной психофизиологии много лет назад и ставших предметом внимания традиционной науки лишь в последнее время, см., напр.: Alexandrov, 2008.) Концептуальные переходы, которые уже совершила или совершает традиционная наука, во многом повторяют путь, пройденный системной психофизиологией. Имея в виду сказанное, можно полагать, что настоящее современной традиционной науки находится в прошлом системной психофизиологии.

Откуда берется это своеобразное опережение? Мы полагаем, что одним из существенных условий его возникновения является специфика культуры, в которой формировалась ТФС и системная психофизиология.

Мировая наука и ее культуроспецифичные компоненты

Наука, являющаяся частью культуры (Мамардашвили, 1982; Степин, 1979), имеет наряду с инвариантными характеристиками, отражающими ее глобальный, мировой характер, также и определенные локальные, национальные особенности (Абелев, 2006; Александров, 2005; Аллахвердян и др., 1998; Астафьев, 1996; Грэхэм, 1991; Пригожин, Стенгерс, 2003; Роуз, 1995; Слобин, 2004; Уорф, 1960; Шишкин, 2006; Юревич, 2000; Alexandrov, 2009; Gavin, Blakeley, 1976; Graham, Kantor, 2006; Lewontin, Levins, 1980; Nisbett, Masuda, 2003; Nosulenko et al., 2005; Peng et al., 2001; Waal, 1996; и др.). Как отмечал М.К. Мамардашвили (1982), знание — это не «бесплотный мыслительный акт» «видения через», а нечто, обладающее «культурной плотностью»³. Недавно В.Ф. Петренко, критикуя версию «копирующей» теории истины, справедливо заключил, что «познание вне рефлексии мотивов, системы ценностей ученого как представителя некоей культуры (или цивилизации) без анализа методических средств и языка описания в попытке “узнать, что есть на самом деле”, — такая же эфемерная задача, как попытка схватить руками голографическое изображение, чтобы пощупать, а какое же оно “на самом деле” без наблюдателя (2005, с. 98). Особенности есть как у фундаментальных, так и у прикладных областей, например у медицины (о коренных различиях между западной и индийской медициной см.: Singh, 2007).

Говоря о культурной обусловленности, мы подчеркиваем лишь специфику наук, принадлежащих к разным культурам, но не линейную

³ Хотя акты возникновения произведений искусства и продуктов научной деятельности — разные вещи, но закон Ома является так же культурным объектом, как «Сикстинская мадонна» Рафаэля (Мамардашвили, 1982).

причинную связь «культура—наука», которую, как полагают (Graham, Kantor, 2006), невозможно установить. Границы, отделяющие науку от других компонентов культуры, размыты, в частности, и потому, что научное знание включает значительные объемы знания обыденного (Лекторский, 1979; Полани, 1998; Ярошевский, 1991). Видов познания много, история их теряется в далеком прошлом и в этом смысле «западная наука» — лишь еще одна «глава в ддящемся с незапамятных времен нескончаемом диалоге человека и природы» (Пригожин, Стенгерс, 2003, с. 13).

Диффузия западной науки (начавшейся в XVII в., но имеющей свой источник в античной Греции) в незападные страны была связана с ее столкновением с незападными ментальностями, традициями, языком (Crombie, 1995), по-видимому, обусловившим модификации исходного варианта науки. Так, показано, что в одних культурах люди могут быть более склонны к конвергентному, а в других — к дивергентному стилю мышления (Peng et al., 2001); в азиатских и западных странах различаются характер «вероятностного мышления» (Whitcomb et al., 1995; Wright, Phillips, 1980) и понимание закономерностей отношения объекта и окружающей среды. Неверие в существование времени («время — иллюзия», по А. Эйнштейну) в значительной степени культурно обусловлено и связывается с особенностями естественно-научного мышления именно западного мира (Пригожин, Стенгерс, 2003). Эта точка зрения была связана с позицией, согласно которой предполагается независимость науки (закономерностей) от существования наблюдателя. С позицией Эйнштейна не соглашался Тагор, утверждавший, что если бы существовала абсолютная истина, она была бы недоступна человеку. Развитие науки происходит в направлении, намеченном Тагором, подчеркивают Пригожин и Стенгерс.

Очевидно, что разные языки, репрезентирующие культуры, — *не разные обозначения одного и того же явления, а разное его видение* (Гумбольдт, 1985; Слобин, 2004; Уорф, 1960; и др.). С этих позиций кажется обоснованным утверждение Л.К. Чуковской (2008) в письме А.И. Солженицыну от 14 марта 1976 г., что «на пути передачи опыта одного народа другому стоит язык».

В последнее время кросскультурные особенности мышления и восприятия продемонстрированы во многих работах, и это приходит в конфликт с широко распространенным представлением об универсальности когнитивных процессов (см. обзор: Henrich et al., 2010).

Так, носители разных языков выделяют разные (в том числе и по количеству) фрагменты при описании одних и тех же зрительных сцен (Stutterheim, Nüse, 2003; Stutterheim et al., 2002). Добавим, что у людей, свободно говорящих на двух языках, обнаруживаются те особенности дробления сцен и их описания, которые свойственны родному, первому из усвоенных ими языков (Carroll, Stutterheim, 2003). Однако эти данные

не означают, что выучивание второго языка есть лишь «нейтральное» добавление, не модифицирующее ранее сформированный стиль восприятия. На основании данных, полученных при сравнении эффектов влияния языка и культуры на классификацию объектов у билингвов, Л.-Дж. Джи с коллегами приходят к предположению о том, что выучивание второго языка не только привносит «новый путь мышления, но и модифицирует имевшийся ранее» (Ji et al., 2004, p. 64). Это предположение согласуется с нашим представлением о существовании аккомодационной реконсолидации, в соответствии с которой формирование нового опыта сопровождается приспособительной реорганизацией мозгового обеспечения ранее сформированной памяти (Александров, 2004).

Обнаружена также кросскультурная ковариация различий в языке и в когнитивных стратегиях, относящихся к пространственной ориентации (Haun et al., 2006), к решению задач различения характеристик объектов, в том числе цветов (Скотникова, 2008; Baranski, Petrusic, 1999; Tan et al., 2008; Winawer et al., 2007), к восприятию мимических выражений эмоций (Barrett et al., 2007), к оценке риска (Hsee, Weber, 1999) и уверенности в правильности сделанного выбора (Yates et al., 1996). Предполагается, что англичане и китайцы думают о времени по-разному и используют разные пространственные метафоры для отображения хода времени: первые — горизонтальные (например, «лучшие дни позади»), а вторые — также и вертикальные (например, «верхний» месяц в значении «последний») (Boroditsky, 2001⁴). Показано, что у испытуемых, родной язык которых английский или китайский, решение арифметических задач опосредуется использованием разных когнитивных стратегий и обеспечивается разными паттернами мозговой активации (Campbell, Xue, 2001; Cantlon, Brannon, 2007; Tang et al., 2006). Формирование ошибочных заключений связано с височно-теменной активностью у англоговорящих американцев и немецкоговорящих европейцев, но не у англоговорящих детей и англо-японоязычных билингвов (Kobayashi et al., 2006, 2007). Дж. Пернер и М. Эйхорн (Perner, Aichorn, 2008) рассматривают эти данные как аргумент в пользу того, *что культура или язык влияют на «локализацию мозговых функций», и против того, что формирование этих функций обеспечивается созреванием врожденно специфицированных мозговых субстратов.*

Культурно обусловленными оказываются и особенности научения. Мы сравнивали закономерности формирования опыта решения двух задач зрительной дискриминации у учеников российской и финской школ. Для обеих групп обнаружено, что влияние освоения первой задачи на последующее освоение второй (проактивная интерференция)

⁴ См. также возражения автору (Chen, 2007; January, Kako, 2007) и ее (автора) дополнительные аргументы, включающие в том числе данные о противоположной «направленности времени» по горизонтали у носителей иврита и английского языка (Boroditsky, 2008).

определяется тем, на каком эмоциональном фоне происходит обучение — положительном или отрицательном. Однако эффект проактивной интерференции на выборке финских школьников был выявлен только в негативной эмоциональной ситуации, а на выборке российских вообще выявлен не был. Эффект же положительного переноса на выборке финских школьников был выявлен в обеих ситуациях, а на выборке российских школьников — только в позитивной эмоциональной ситуации (Sozinov et al., 2009). Зависимость стратегий научения и мотивации к обучению от особенностей культур (коллективистские азиатские и индивидуалистские западные) была продемонстрирована ранее (Niles, 1995).

В последнее время приведены аргументы в пользу связи национальных особенностей мышления, культуры, политики, экономики с локальными особенностями самых разных областей науки: естественные науки в целом (Paló, 2008), космология (Kragh, 2006), статистика (Stamhuis, 2008), нейронаука (Debru, 2008), геология и география (Klemun, 2008; Yusupova, 2008). Подчеркивается связь развития науки в данной стране с изменениями в социоэкономической организации последней. М.Г. Ярошевский (1991) отмечает, например, «стремительный подъем советской науки на рубеже 20-х годов», связанный с революцией. О положительном влиянии созвучия революции в физике и революционной атмосферы социального переустройства на восприятие теории относительности в России указывают В.П. Визгин и Г.Е. Горелик (1988, с. 58), подчеркивая, что именно Россия, «несмотря на сильный информационный голод и тяжелые условия жизни» ... «породила одно из важнейших достижений в области ОТО (общей теории относительности. — Ю.А., Н.А.) после работ Эйнштейна 1915—1917 гг. — нестационарную космологическую модель Фридмана». В то же время развитие гендерной теории в России отставало от такового на Западе, что связывается с особенностями русской культуры и философии (Воронина, 2000).

Рядом авторов выделены особенности российской науки (Астафьев, 1996; Воронина, 2000; Грэхэм, 1991; Мироненко, 2007; Роуз, 1995; Шишкин, 2006; Юревич, 2000; Ярошевский, 1996; Gavin, Blakeley, 1976; Graham, Kantor, 2006; Nosulenko et al., 2005). К важнейшим из особенностей, как я полагаю, относятся «системность» и «антиредукционизм» (Александров, 2005; Alexandrov, 2009). По-видимому, именно с этими особенностями связано появление подробного обоснования системной парадигмы в «Тектологии» А.А. Богданова (1913—1917) в то время, когда создателю общей теории систем Людвигу фон Бергаланфи было всего 12 лет. Подобное опережение может быть отмечено и применительно к ТФС. С.А. Корсон, справедливо связывая создание ТФС с формированием системного подхода, «освободившего биологическое мышление от тупика картезианского механицизма», подчеркивает, что «разработка концепции функциональных систем Анохиным и его сотрудниками,

датируемая 1935 г., предвосхищает разработку как нейрокибернетики Норбертом Винером в 1948 г., так и общей теории систем Берталанфи в 1960-х» (Corson, 1981, p. 222; курсив наш. — Ю.А., Н.А.).

В то же время доминирование механицизма и картезианского редукционизма в науках о природе и обществе считается особенно характерным именно для западной науки (Graham, Kantor, 2006; Lewontin, Levins, 1980; Waal, 1996; Wilson, 1998; и др.). Конечно, антиредукционистские идеи могут формулироваться не только в России.

Живой предмет желая изучить, // Чтоб ясное о нем познание получить, — // Ученый прежде душу изгоняет, // Затем предмет на части расчлняет // И видит их, да жаль: духовная их связь // Тем временем исчезла, унеслась! Эти знаменитые строки трудно объяснить русской ментальностью автора. Они принадлежат Гёте и, скорее, могут быть связаны с идеями немецкой философии. А среди ее творцов были друзья и корреспонденты Гёте, которые вслед за Б. Спинозой («природа части детерминирована ее ролью в целой системе» — The encyclopedia..., 1967, p. 531) рассматривали системность как принципиальную характеристику познания, а знание — как систему. Эти идеи, несомненно, оказали значительнейшее влияние и на нашу науку. Видимо, особенности русской культуры и ментальности обусловили то, что «немецкая мысль и литература того времени *нигде* не имели столь глубокого и мощного отклика, как в России» (Кожин, 2002, с. 128).

Подчеркнем все же, что наиболее выраженный протест против механицизма, «исключительно заполонившего мысль Запада» (Астафьев, 1996, с. 101), «бунт против картезианства — основы и символа западного мышления — состоялся именно в России» (Gavin, Blakeley, 1976, p. 101). И именно «в истории русской и советской мысли имеет глубокие корни антиредукционистский подход» (Грэхэм, 1991, с. 102). С. Роуз (1995, с. 264, 265) отмечает: «Я противопоставил ... редукционизм англо-американской школы... гораздо более перспективным традициям... особенно тем, что создавались... в Советском Союзе [и обусловили развитие представлений о том, что] поведение несводимо к простой цепи сочетаний различных реакций с подкреплением; оно отражает целенаправленную активность, формулировку гипотез и многое другое». Причем в наибольшей степени именно «в советской психологии и физиологии существует особая русская традиция интерпретации исследований» (Грэхэм, 1991, с. 163).

Подчеркивается также связь национального стиля мышления в России с особенностями развития в ней математики, в частности с успехами в разработке теории множеств (Graham, Kantor, 2006). Что касается культурозависимости математики, которая может показаться особенно неожиданной, приведу высказывания почетного профессора и бывшего главы факультета математики Нью-Йоркского университета М. Клайна: «Поскольку внутренних критериев, позволяющих отдать предпочтение

одному ... из множества соперничающих направлений в математике ... перед другим или как-то обосновать принятое решение, не существует, математик вынужден при выборе направления руководствоваться внешними соображениями. ... Математические «истины» в такой же мере зависимы от людей, как восприятие цвета или английский язык. *Лишь относительно широкое принятие математических доктрин — по сравнению с политическими, экономическими и религиозными — создает иллюзию, будто математика представляет собой свод истин, объективно существующих вне человека. Математика может существовать независимо от любого человека, но не от культуры, которая его окружает»* (Клайн, 1994, с. 374—375, 377; курсив наш. — Ю.А., Н.А.). И физика не обладает «экстерриториальностью любого рода»; физики *«как ученые принадлежат своей культуре»* (Пригожин, Стенгерс, 2003, с. 263; курсив наш. — Ю.А., Н.А.). Как писал П.А. Флоренский (1990), в английских работах нечего искать чего-нибудь аналогичного теориям континентальных ученых-физиков.

Отмеченные межкультурные различия становятся понятней при учете наличия значимого (а, возможно, даже преобладающего) восточного компонента в российских культуре и мышлении (см.: Александров, Александрова, 2009а) и результатов исследований Р.Э. Нисбет с соавторами (Nisbett et al., 2001; Nisbett, Masuda, 2003). Последние, сравнив специфику когнитивных процессов у людей, принадлежащих к восточной (азиатской) и западной культурам, пришли к следующему заключению. В первой из культур *континуальность* рассматривается как принципиальное свойство мира; во второй мир представляется дискретным, состоящим из *обособленных объектов*. В первой относительно мало используется формальная логика, но применяется *холистический подход и «диалектическая» аргументация*, больше выражена *терпимость к противоречиям*; во второй — *аналитическое мышление, большее внимание к отдельному объекту, чем к целостности*. В западной культуре поведение объекта объясняется его принадлежностью к определенной категории и его собственными свойствами; в восточной, напротив, считается: ничто в природе не изолировано и все взаимосвязано, поэтому изоляция элементов от целого может вести лишь к заблуждениям, подчеркивается, что действие всегда происходит в поле взаимодействующих сил. Эти различия обнаруживаются при сопоставлении древнего Китая с Грецией (VIII—III вв. до нашей эры) и продолжают сохраняться до сих пор, характеризуя особенности современного Китая и других азиатских стран по сравнению с Северной Америкой и Европой.

В конкретных экспериментах эти различия проявляются, например, в том, что у жителей азиатских стран обнаруживается более холистическое восприятие: большее внимание к фону, на котором располагается объект, и к отношениям между разными объектами, изменениям фона

и отношений, чем у людей, живущих в западных странах. Последние демонстрируют больший аналитизм, обращая внимание главным образом на характеристики отдельных объектов, деконтекстуализируя объекты (Masuda, Nisbett, 2001, 2006).

Эти особенности восприятия выявляются не только при анализе результативности категоризации, но и при регистрации движений глаз. Китайцы достоверно чаще, чем американцы, фиксируют взор на деталях фона, а американцы достоверно быстрее переводят взор на целевой объект (Chua et al., 2005; см., однако, Chang et al., 2008). Авторы заключают, что, принадлежа к разным культурам, «мы видим разные аспекты мира и разным образом» (Chua et al., 2005, p. 12633). Кюхнен с коллегами (Kühnen et al., 2001) показали, что по критерию холистичность/аналитичность восприятия граждане России попадают в азиатскую группу, вместе с испытуемыми из Малайзии, достоверно отличаясь от испытуемых из США и Европы. Американцы, характеризуя специфичность подходов советских исследователей, специально отмечают в качестве важного аспекта специфичности подчеркивание взаимодействия индивида и окружающей среды (Holden, 1978). Россия попадает в азиатскую группу и при использовании *комплексных* классификационных оснований.

С.Г. Кирдина (2004) классифицирует страны по критерию преобладания в их организационной структуре признаков X или Y матрицы. Первая характеризуется унитарным политическим устройством, коммунитарной идеологией (коллективизм, «вертикальная» социальность иерархизированного общества) и редистрибутивной экономикой: Россия, страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Вторая — федеративным политическим устройством, субсидиарной идеологией (индивидуализм, горизонтальные отношения между личностями и социальными общностями) и рыночной экономикой: страны Европы, США. Связь когнитивных стилей (холистического и аналитического) с типом экономики обосновывает и Ускул с соавт. (Uskul et al., 2008). Подчеркивание *комплексности* здесь важно потому, что заставляет рассматривать концептуализации, основанные на *избирательном* связывании особенностей локальных наук с отдельными характеристиками целостности — только с экономикой *или* с политикой *или* со стилем мышления и т.п., — лишь в качестве начальной стадии анализа.

В связи со сказанным не вызывает удивления, что классификации объектов в упомянутых культурах строятся на разных основаниях: в азиатской в большей степени используются *отношения между объектами*, а в западной — на первый план выступает *таксономическая категоризация*, принадлежность объектов к определенной категории (Ji et al., 2004; Nisbett, Masuda, 2003).

(Окончание статьи и список литературы в № 3, 2010)

В. И. Моросанова

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОИЗВОЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена исследованию роли осознанной саморегуляции в развитии индивидуальной саморегуляции. Описана концепция осознанной саморегуляции произвольной активности человека и ее приложение в исследованиях лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО. На основе полученных результатов была разработана типология индивидуальных стилей саморегуляции и установлена их взаимосвязь с успешностью учебной и профессиональной деятельности. Показано, что личностные особенности обуславливают специфику индивидуального регуляторного профиля субъекта. Доказано, что система осознанной саморегуляции интегрирует динамические и содержательные аспекты личности, ее осознанные и неосознаваемые компоненты для достижения принимаемых субъектом целей.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, субъект, личность, индивидуальный стиль, профиль саморегуляции, личностные особенности.

This research is devoted to the investigation of the role of conscious self-regulation in human development and activity. The concept of conscious self-regulation of a subject's voluntary activity and the history of its research conducted in Psychological Institute RAE are discussed. The results of the research dedicated to the typology of individual styles of self-regulation and their relationship with educational and professional activity effectiveness are presented. Personal dispositions have specific influence on the individual peculiarities of regulatory profile. It is concluded that the integrated system of individual self-regulation includes dynamic and content aspects of a personality, its conscious and subconscious structures for development and achievement of goals.

Key words: individual differences in self-regulation, subject and personality, individual style, self-regulation profile.

Принцип активности — один из основополагающих в российской психологии — означает, что человек избирательно и в разной степени реагирует на окружающий его мир, а также способен создавать, сохранять или изменять среду своего существования. В процессе жизнедеятельности он непрерывно сталкивается с ситуацией выбора целей

Моросанова Варвара Ильинична — докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией саморегуляции ПИ РАО. *E-mail:* morosanova@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (Государственный контракт 02.740.11.0376).

поведения и деятельности, а также способов их достижения. Но если есть ситуация выбора, то снятие неопределенности возможно лишь средствами регуляции, а в случае психической регуляции — средствами саморегуляции (СР) в том смысле, что человек сам выдвигает цели, исследует условия и выбирает способы их достижения, контролирует и корректирует результаты. Именно в этом смысле он является открытой самоорганизующейся системой, существование и развитие которой обеспечивается целостной системой процессов СР, имеющей свои проекции на самых различных уровнях его индивидуальности.

Проблема психической СР в настоящее время привлекает внимание все большего числа исследователей и практиков. Трудно найти психологическую конференцию, на которой не были бы представлены доклады, посвященные проблемам самопроцессов. Так, в программе Всемирного психологического конгресса, проходившего в Берлине в 2008 г., таких докладов было заявлено более пятидесяти.

В данной статье представлены результаты исследований роли осознанной СР в процессах развития и деятельности человека. Эти работы, выполненные в Психологическом институте РАО, развивают фундаментальное направление в российской психологии — психологию саморегуляции.

В самом общем плане предмет психологии СР — это интегративные психические процессы, обеспечивающие самоорганизацию психической активности человека как субъекта действий, поведения, жизнедеятельности, а также целостность его индивидуальности. К проблематике этого направления относятся исследования регуляции функциональных состояний, общих закономерностей и индивидуальных особенностей СР поведения и деятельности, исследования по психологии принятия решений, когнитивной, личностной, эмоционально-волевой регуляции, проблемы индивидуальных стилей регуляции и реализации различных видов произвольной активности, природы СР и возрастных аспектов ее становления. Одна из главных перспектив современной психологии СР — создание интегративного подхода к изучению человека на основе представлений о его психике как самоорганизующейся подсистеме в целостной системе взаимодействия человека с миром.

Проблема осознанной СР занимает одно из центральных мест в контексте анализа развития и существования человека. Механизмом осуществления продуктивных отношений субъекта с предметной и социальной действительностью является целенаправленная регуляция собственной активности. Применительно к человеку, который сам принимает цели своих исполнительских действий и сам же их реализует доступными и приемлемыми для него средствами, можно говорить об осознанной СР.

О понятиях осознанной саморегуляции, субъекта и личности

Столь актуальная в настоящее время проблема психической СР стала предметом исследования в Психологическом институте РАО еще в 1960-х гг. Лаборатория психологии саморегуляции была основана в 1970 г. акад. РАО О.А. Конопкиным, который, развивая идеи Анохина, Бернштейна, Ошанина и Небылицына, заложил основы психологии СР как области знания в нашей стране. В первых исследованиях лаборатории сенсомоторное реагирование рассматривалось как деятельность, в которой есть психологическая СР. Ее структура и функции и были основным объектом изучения.

О.А. Конопкин (1980) предложил концептуальную модель, воспроизводящую наиболее общие структурно-функциональные моменты строения осознанной СР деятельности, выделив в ее процессе следующие основные функциональные звенья: цель деятельности (в том виде, в каком она понята и принята субъектом); субъективная модель значимых для достижения цели условий деятельности; программа деятельности; система критериев успешности достижения цели; звено оценки (обратной) информации о результатах деятельности; звено коррекций.

Концептуальные представления о модели СР были разработаны и экспериментально проверены первоначально на сенсомоторной деятельности человека, а затем успешно применялись и к анализу регуляторных процессов в учебной и различных видах профессиональной деятельности, а также в спорте высших достижений. Были выявлены основные общие закономерности СР и доказано, что успешность каждого из исследованных видов деятельности обеспечивается сформированностью целостной системы СР, а любой структурно-функциональный дефект процесса СР существенно ограничивает эффективность деятельности. Другими словами, как бы ни был когнитивно одарен и компетент человек, для высокой эффективности деятельности необходимо наличие у него развитой и совершенной системы регуляции достижения внешних (практических) и внутренних (направленных на себя, на решение своих проблем саморазвития) целей. Существование зависимости продуктивных аспектов деятельности от совершенства и развития системы осознанной СР нашло подтверждение почти во всех наших исследованиях вне зависимости от того, на материале каких видов деятельности или активности они проводились.

Начиная с 1990-х гг. проблема осознанной СР была поставлена и раскрыта в отношении произвольной активности человека. Разработанная ранее модель СР деятельности была уточнена и успешно применена к анализу произвольной активности человека, были развиты представления об общей способности СР, выделены операциональные и содержательные аспекты осознанной СР и раскрыта их специфика и взаимосвязь (Конопкин, 1995; Моросанова, 1995).

В настоящее время произвольная осознанная СР понимается нами как системный многоуровневый процесс психической активности человека по выдвижению целей и управлению их достижением. При этом термин «осознанность» не предполагает постоянной актуальной представленности в сознании субъекта всех моментов его активности. Смысл в том, что психическая СР принципиально осознаваема человеком по мере необходимости, например в случае возникновения трудностей или осознанного построения новых планов и программ поведения. И этим высший уровень СР, связанный со спецификой психики человека, отличается от СР у животных.

Нами был выделен, описан и системно исследован феномен индивидуальных особенностей СР, который проявляется в том, что люди отличаются уровнем развития осознанной СР, по-разному планируют цели своей деятельности, моделируют значимые условия их достижения, применяют отличающиеся способы и алгоритмы действий, имеют различные критерии успешности для оценки результатов (Моросанова, 1998).

Уже на первых этапах исследований мы увидели, что стиль СР соотносится с индивидуальностью человека. Рассмотрение этой проблемы потребовало не только развернутых эмпирических исследований, но и большой теоретической работы. Она была направлена в первую очередь на изучение представлений о том, как соотносятся понятия индивидуальности, личности и субъекта. Эти исследования были выполнены нами в то время, когда понятие субъекта стало завоевывать позиции в методологии и теории российской психологии. Мы искали ответ на вопрос, какова та психологическая реальность, для обозначения которой психологам необходимо изначально философское понятие субъекта. Каковы критерии выделения в многоуровневых и очень разнообразных проявлениях индивидуальности человека не только личностных, но и субъектных аспектов?

С нашей точки зрения, наиболее широким является понятие индивидуальности, которая является и субъектом, и личностью на всех стадиях индивидуального развития (Моросанова, 2002).

Рассматривая индивидуальность как субъекта разных видов активности, мы исследуем психическую СР, являющуюся функциональным средством субъекта и психологическим механизмом, позволяющим ему мобилизовать свои личностные и когнитивные ресурсы для реализации собственной активности, для выдвижения и достижения ее целей. Понятие субъекта подчеркивает активное созидательное начало в человеке, способность к постановке и достижению субъектно-принятых целей.

Существуют различные формы или уровни проявления субъектности. Операциональный уровень может быть описан регуляторным профилем развития процессов СР: планирования целей, моделирова-

ния условий, программирования, корректирования активности и ее результатов. Другим уровнем являются субъектные (или регуляторно-личностные) черты: ответственность, настойчивость, гибкость, надежность и др. Их выраженность у человека зависит от степени развития осознанной СР и своеобразия способов достижения целей («как действует человек»). В отличие от субъектных собственно личностные структуры определяют не то, как действует человек, а то, какие по содержанию цели он выдвигает, ради чего он действует и как относится к окружающему миру. Именно субъектные черты определяют способность человека преодолевать субъективные и объективные трудности достижения жизненных целей и наряду с индивидуальным регуляторным профилем являются основой для формирования индивидуальных стилей СР в конкретных видах деятельности.

Итак, понятия «субъект» и «личность» обозначают, с нашей точки зрения, различные аспекты индивидуальности человека, которые, взаимодействуя, формируют его внутренний мир и проявления в поведении. Субъектность проявляется в первую очередь в самодетерминации, в развитии осознанной СР активности. А личность определяет индивидуальные особенности СР в их взаимосвязи с темпераментом и характером, различными структурами самосознания и бессознательного.

Индивидуальный стиль саморегуляции и продуктивность деятельности человека

За последние годы были проведены исследования индивидуальных особенностей осознанной СР на различных выборках — профессионалов, спортсменов, школьников и студентов. Для изучения и диагностики описанных стилевых особенностей были разработаны и стандартизированы опросные методики: «Стиль саморегуляции поведения (ССПМ)», «Стиль саморегуляции спортсменов» (ССС), «Индивидуальный стиль саморегуляции студентов», «Стиль саморегуляции политика в избирательной компании» (Моросанова, 1998, 2004).

Утверждения в опросниках сгруппированы в набор шкал, которые диагностируют индивидуально-типические особенности регуляторных процессов планирования цели, моделирования ситуации, программирования действий и оценки результата. Результаты тестирования позволяют оценить индивидуальный уровень СР, а также построить индивидуальные профили развития стилевых особенностей основных регуляторных процессов и личностно-регуляторных качеств.

Согласно структурным и уровневым характеристикам было выделено два вида регуляторных профилей — гармоничный и акцентуированный. Субъекты с высоким развитием СР и одинаковым уровнем развития всех регуляторных свойств легче овладевают новыми видами деятельности и чаще достигают высокой эффективности в профессиональной сфере. Эффективные стили СР на основе гармоничных профилей чаще

наблюдаются в профессиях с предельно высокими требованиями к развитию психической СР. Так, у спортсменов высшей квалификации, прошедших отбор в олимпийские сборные, как правило, наблюдается гармоничный стиль СР спортивной подготовки (Моросанова, 1998). Полученные результаты ни в коем случае не должны быть истолкованы в том смысле, что для результативной деятельности необходимо формирование стиля на основе именно гармоничного типа СР.

Наши исследования СР учебной подготовки студентов показали, что если профиль акцентуирован, то формирование эффективного или неэффективного стиля зависит не только от уровня развития СР, но и от создания в процессе формирования стиля компенсаторных отношений между сильной и слабой сторонами регуляции. Так, нами были выделены три стиля с акцентуированной структурой профиля: автономный, устойчивый, оперативный (Моросанова, Сагиев, 1994).

В акцентуированных стилях, как и в гармоничных, специфика индивидуального профиля во многом определяется развитостью субъектных свойств. Так, для оперативного стиля стилеобразующей является гибкость, для автономного — самостоятельность, для устойчивого стиля — надежность. Позже было показано, что гармоничные стили характерны для людей с высоким развитием таких субъектных качеств, как ответственность, уверенность, настойчивость (Моросанова, Плахотникова, 2003). Следует особо подчеркнуть, что ни один из выделенных стилей не являлся более предпочтительным с точки зрения успеха учебной деятельности. Успеваемость выделенных групп испытуемых, характеризующихся различными способами регуляции, статистически не различалась.

Стилевые особенности индивидуальной саморегуляции и личностные диспозиции человека

В течение 15 лет на разном экспериментальном материале мы последовательно доказываем, что личностные структуры различного уровня влияют на то, какие цели и как ставит перед собой человек, а также модулируют специфическим образом индивидуальный профиль СР.

По существу речь идет о выделении новой области психологии индивидуальных различий в СР произвольной активности человека (см. наши статьи в: Личностные..., 2006; Субъект..., 2007). Традиционно устойчивые различия в поведении описываются психологами через понятия черт и типов темперамента, интеллекта, личности. Природа этих различий рассматривается, как правило, сквозь призму наследственных и средовых факторов и связывается с конституцией, физиологией и психофизиологией человека.

Исследования индивидуальных различий в осознанной СР позволяют по-новому взглянуть на многие проблемы психологии индивидуальных различий. В первую очередь — это влияние субъектной активности на проявления характера и темперамента человека. Разработанная нами

методология исследования позволяет теоретически и эмпирически обосновать следующее положение. Характер и темперамент, безусловно, задают некоторые детерминированные организмом индивидуальные особенности как поведения, так и его регуляции. В то же время собственная субъектная активность, механизмом которой является осознанная СР, влияет на проявления темперамента и характера, может раздвинуть норму реакции, позволяет существенным образом изменять продуктивные аспекты активности человека.

Среди исследуемых личностных конструктов центральное место в нашем проекте занимали основные личностные диспозиции — экстраверсия и нейротизм (по Г.Ю. Айзенку), представление о которых мы стремились расширить с точки зрения типичных структур индивидуальных особенностей СР. При обследовании 856 студентов 17—21 года с применением методик ЕРQ Айзенка и ССПМ нами было выявлено семь различных по структуре типичных профилей СР в типологических группах экстравертов, интровертов, эмоционально стабильных и нестабильных. По существу, в типичных профилях СР отражены основные, наиболее характерные для экстраверсии и нейротизма тенденции в самоорганизации произвольной активности, что позволяет говорить о существовании общей инвариантной регуляторной основы данных темпераментальных измерений личности. Эти данные нами подробно описаны (Моросанова, Коноз, 2000; Morossanova, 2003).

В этом же исследовании нами были показаны и основные тенденции в изменениях типичных профилей при различной степени сформированности осознанной СР. Оказалось, что при высоком развитии уровня осознанной СР у испытуемых может происходить формирование профилей с высокой развитостью и взаимосвязанностью основных звеньев, т.е. гармоничного стиля СР, позволяющего компенсировать влияние личностных особенностей и черт, препятствующих успешному достижению целей.

В типичных профилях среди слабых звеньев в системе СР выделяются такие, которые в меньшей степени корректируются за счет более высокого уровня осознанной СР и являются наиболее устойчивыми стилевыми особенностями СР, представляя тем самым ограничения для формирования эффективной СР. Для экстравертов и стабильных таким звеном является планирование, для интровертов — моделирование значимых условий, а для эмоционально лабильных — оценка результатов. Вместе с тем и среди сильных звеньев СР существуют такие, которые наиболее устойчивы к снижению уровня осознанной СР. У лиц с высоким нейротизмом и у интровертов звенья планирования и программирования в равной степени могут сохранять функциональную развитость даже при низком уровне осознанной СР, а для экстравертов и стабильных таким звеном в большей степени является моделирование.

Другое наше исследование (см. нашу статью в: Личностные..., 2006) было направлено на сравнение личностных особенностей по опроснику

Big 5 и структурных особенностей СР. В исследовании участвовали 708 школьников (16—17 лет); применялись опросники FFI-NEO (русская версия), EPQ и ССПМ. Были построены типичные профили СР субъектов с крайними значениями по экстраверсии и нейротизму. Было показано, что *открытость* (по шкале Big 5) коррелирует с общим уровнем осознанной СР, что указывает, на наш взгляд, на концептуальную и инструментальную близость этих конструктов. Развитие осознанной СР опосредствует влияние личностных предпосылок на поведение, компенсируя крайние проявления соответствующих особенностей темперамента. Так, при увеличении уровня осознанной СР открытость новому опыту, типичная для экстравертов, снижается, а у интровертов, закрытых от внешней стимуляции, при увеличении уровня осознанной СР открытость новому опыту увеличивается. В этом мы видим факт включения компенсаторных механизмов осознанной СР.

Тогда встает вопрос о направленности личности (о том, ради чего действует индивидуальность), свойствах социально-психологического уровня, в частности социальных мотивах и ценностях. Взаимосвязано ли их содержание со степенью развития осознанной СР поведения человека в социуме? Для ответа на этот вопрос мы сравнивали индивидуальные особенности СР лиц с про- и антисоциальной направленностью агрессивного поведения (Моросанова, Гаралева, 2009). Первую группу (223 чел.) составили мужчины, принимавшие участие в военных действиях; вторую (148 чел.) — осужденные за агрессивно-насильственные преступления.

Полученные результаты позволяют заключить, что уровень личностной агрессивности не определяет характер направленности агрессивного поведения. Ее показатели по методике Баса—Дарки были высокими в обеих группах. Основное отличие между группами заключалось в степени развития осознанной СР: у военных она была значимо выше, чем у преступников. Таким образом, чем выше уровень осознанной СР, тем ниже риск формирования антисоциального (агрессивно-насильственного) поведения. В то же время нельзя закрывать глаза на тот факт, что развитие осознанной СР создает лишь потенциальные возможности более эффективного контроля агрессивности. Но если цели и намерения преступны, то высокая СР является мощным инструментом планирования и организации преступления. Проявление просоциальной агрессии необходимо предполагает осознанный контроль агрессивных побуждений. И, по-видимому, для людей с развитой СР в сочетании с высокой личностной агрессивностью более характерно просоциальное агрессивное поведение, которое они реализуют в профессиях, где агрессивность является профессионально важным качеством.

В другом нашем исследовании (Моросанова, Аронова, 2007) изучалась регулирующая роль личностной направленности и самосознания. Для диагностики профилей СР и компонентов самосознания приме-

нялись следующие методики: методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности С.С. Бубновой; методика Т.В. Корниловой «Список личностных предпочтений»; САМОАЛ — тест для оценки уровня самоактуализации личности (Н.Ф. Калина); компьютерная версия методики исследования жизненных планов «LifeLine» (Кроник, Пажитнов, 1992); тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев); опросник ССПМ (В.И. Моросанова). Выборку составили ученики 10-х классов Москвы и Красноярска в количестве 342 человек (из них 150 юношей и 192 девушки) в возрасте 16—18 лет.

Оказалось, что в юношеском возрасте регулирующее влияние самосознания на поведение в среднем невелико. Исследование показало, что степень корреляционной взаимосвязи различных компонентов самосознания и СР неодинакова и в основном носит слабый и умеренный характер. Учитывая особенность юношеского возраста, можно предположить, что на этом возрастном этапе еще не достигнута согласованность базовых представлений о себе (на уровне ценностей и жизненных смыслов) и того, как молодой человек строит целенаправленную активность по достижению намеченного. Существуют элементы самосознания, способствующие и препятствующие развитию осознанной СР. Такие содержания самосознания, как стойкость в достижении цели, ориентация на настоящее, позитивное самоотношение и стремление к самоактуализации, способствуют развитию процесса СР в целом, а чувство вины препятствует этому развитию.

Наши исследования показали, что развитие осознанной СР «ведет за собой» развитие самосознания. Высокому уровню осознанной СР сопутствует развитие позитивных характеристик самосознания (высокое самоуважение, уверенность в своей жизненной перспективе, высокая потребность в познании, настойчивость в достижении цели, стремление к лидерству и самоактуализации), а также общей интегрированности самосознания.

Представления о личностных и регуляторных индивидуально-типических особенностях старшеклассников открывают путь к построению развивающих программ, включающих целенаправленное развитие навыков СР, а также осознание и изменение образа себя и желаемого будущего (Моросанова, Плахотникова, 2003).

Заключение. Обобщая исследования личностных аспектов индивидуальной особенностей саморегуляции, отметим следующее. Активность субъекта по выдвижению и достижению цели опосредствуется целостной системой индивидуальной регуляции, которая по существу является средством, связывающим и интегрирующим динамические и содержательные аспекты личности, осознанные и бессознательные ее структуры для выдвижения и достижения целей.

С нашей точки зрения, следует разводить индивидуальные особенности саморегуляции, детерминированные преимущественно

конституциональными особенностями человека, и собственно субъектно-личностную саморегуляцию, связанную со степенью субъектной активности и со способностью к самоизменению и до известной степени преодолению ограничений природной организации. В этом случае на первый план в качестве детерминант выступают не столько динамические, темпераментальные, сколько содержательные аспекты личности субъекта — направленность и самосознание, в том числе потребностно-мотивационная сфера. Ее структура формируется в процессе жизнедеятельности, актуализируется при решении конкретной задачи в зависимости от ее личностной значимости и может модулировать развитие и особенности индивидуальной саморегуляции.

По существу, развитие индивидуальности как субъекта — это развитие целостной системы саморегуляции, а точнее, ее проекций на все более высокие уровни индивидуальности человека с использованием все более широкого спектра психологических ресурсов индивидуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.

Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // *Вопр. психологии.* 1995. № 1. С. 5—12.

Кроник А.А., Пажитнов А.Л. Психологическая программа LifeLine 2.0: биографические тесты и медитации. Руководство. М., 1992. С. 27.

Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И. Моросановой. М., 2006.

Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // *Психол. журн.* 1995. Т. 16. № 4. С. 26—36.

Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998.

Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // *Психол. журн.* 2002. Т. 23. № 6. С. 5—17.

Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М., 2004.

Моросанова В.И., Аронова Е.А. Самосознание и саморегуляция поведения. М., 2007.

Моросанова В.И., Гаралева М.Д. Индивидуальные особенности саморегуляции агрессивного поведения // *Вопр. психологии.* 2009. № 3. С. 44—55.

Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // *Вопр. психологии.* 2000. № 2. С. 118—127.

Моросанова В.И., Плахотникова И.В. Развитие личностной саморегуляции. М., 2003.

Моросанова В.И., Сагиев Р.Р. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов // *Вопр. психологии.* 1994. № 5. С. 134—140.

Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В.И. Моросановой. М.: Ставрополь, 2007.

Morossanova V.I. Extraversion and neuroticism: The typical profiles of Self-regulation // *Europ. Psychologist.* 2003. Vol. 4. P. 279—288.

Поступила в редакцию
18.01.10

Т. В. Корнилова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА В СТРАТЕГИЯХ СОВЛАДАНИЯ

В работе поставлена проблема выявления связей показателей совладающего поведения с интеллектуальными и личностными составляющими единой динамической регуляции выбора в условиях неопределенности. На студенческих выборках ($n=480$) установлены корреляционные зависимости предпочтений продуктивных и непродуктивных копинг-стилей с успеваемостью, академическим и практическим интеллектом, имплицитными теориями интеллекта и личности (константными и инкрементальными), целевыми ориентациями в обучении, а также с личностными предпосылками преодоления неопределенности — готовностью к риску и рациональностью.

Ключевые слова: интеллектуально-личностный потенциал, копинг-стили, имплицитные теории, принятие неопределенности, интеллект, рациональность, готовность к риску.

The study is aimed at revealing interrelationships between coping behavior and intellectual and personality components of the dynamic regulation of choice under uncertainty in college students ($n=480$). We establish correlations between productive/unproductive coping strategies and academic achievement, analytical and practical intelligence, implicit theories of intelligence and personality, goal orientations and also such personality predictors of overcoming uncertainty as risk readiness and rationality.

Key words: intellectual and personality potential, coping strategies, implicit theories, acceptance of uncertainty, intelligence, rationality, risk readiness.

В предпочтении стилей и стратегий совладания (копингов) интеллектуально-личностный потенциал человека представлен в единстве процессов когнитивного оценивания, переживания и выбора путей разрешения проблемной (или стрессовой) ситуации. Однако в эмпирических исследованиях обычно внимание фокусируется лишь на одном из множества этих процессов. В данной работе представлен путь комплексного изучения копингов в их связях с интеллектуальными и личностными составляющими регуляции выбора субъектом способов разрешения трудных ситуаций, среди которых следует выделять ситуации неопределенности.

Корнилова Татьяна Васильевна — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* tvkornilova@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00416а).

В отечественной психологии обращение к проблематике копинг-стратегий обусловлено расширением представлений о формах личностной активности человека, вниманием к проблемам саморегуляции и усилением в рамках субъектно-деятельностного подхода одного из его полюсов — психологии субъекта. Понятие совладания, введенное в контекст отечественных исследований Л.И. Анцыферовой (2004), выступает в разных интерпретациях.

В зарубежной литературе этот конструкт претерпевал следующие изменения: 1) усиление диспозиционального или ситуационного фокуса его анализа, 2) отнесение к преодолению чрезвычайных и трудных жизненных ситуаций или к решению любых проблем, возникающих в жизнедеятельности человека, 3) выдвижение на первый план процессов когнитивной оценки (в теории Р. Лазаруса) или защитных механизмов личности. В связи с развитием представлений о преодолении стресса конструкт был включен в психологию функциональных состояний (концепции А.Б. Леоновой и В.А. Бодрова).

На наш взгляд, соотнесение категорий деятельностного подхода и саморегуляции (см.: Субъект..., 2007) предполагает преодоление упрощенной трактовки копинга только как поведения и прояснение его связей с показателями интеллектуально-личностного потенциала человека. Ресурсы, актуализируемые в стилях и стратегиях совладания, представляют динамическое единство когнитивных и личностных возможностей человека в выборе им направленности и способов действий.

Двуликость конструкта заключается в том, что он связан с целеобразованием (формированием целевых структур, целевых ориентаций), фокусирующим взаимодействие *осознанных* процессов постановки целей и *неосознаваемых* предвосхищений, за которыми стоят процессуальные влияния личностных предпочтений, мотивационных иерархий, автоматически используемых способов разрешения трудных ситуаций и т.д. Т.Л. Крюкова, автор первой отечественной монографии по проблемам совладающего поведения, считает, что «механизмы совладания используются человеком *сознательно и целенаправленно*». При этом субъект может владеть либо не владеть «этим видом поведения»; в последнем случае могут возникнуть «неблагоприятные последствия для его продуктивности, здоровья и благополучия» (Крюкова, 2008, с. 57). Но тогда возникает вопрос о связи осознания и «владения». Казалось бы, если копинги суть осознаваемые формы разрешения трудных жизненных ситуаций, тогда что мешает человеку осознать и адекватно использовать продуктивные стратегии совладания? Исследования обнаруживают как межиндивидуальную, так и кросс-ситуативную вариабельность разных типов копингов. Т.Л. Крюкова (2004) настаивает на том, что человек именно *выбирает* копинги.

Однако осознанный выбор интеллектуально и личностно опосредствован. Теория саморегуляции, разрабатываемая в рамках *функ-*

ционально-уровневой концепции принятия решений (Корнилова, 2003, 2007), предполагает представленность в *динамических регулятивных системах (ДРС)* решений и действий человека компонентов как осознаваемого, так и неосознаваемого уровня. Такое понимание включает утверждение о невозможности разделения процессуальной регуляции проявлений личностных или интеллектуальных компонентов единых ДРС и процессов метаконтроля (Корнилова, 2009). Самосознание выступает в качестве ведущего уровня в системе деятельностно-личностного опосредствования взаимодействия человека с миром (Леонтьев, 1975). Репрезентированные на уровне самосознания представления о своих возможностях и своем интеллекте, называемые имплицитными теориями, могут влиять на предпочтения стилей совладания, что проясняет роль последних в регуляции деятельности.

Цели исследования взаимосвязей копинг-стилей с интеллектуальным потенциалом и имплицитными теориями интеллекта и личности

Цель нашей работы — установление предполагаемых взаимосвязей между стилями совладания, с одной стороны, и характеристиками интеллектуального потенциала, личностными свойствами саморегуляции и имплицитными теориями — с другой.

Оценка интеллектуального потенциала включает использование шкал академического и практического интеллекта, а также креативности. В качестве личностных предпосылок, наиболее близких к уровням регуляции выбора копингов, мы выделили характеристики преодоления неопределенности, представляющие осознанные особенности саморегуляции в шкалах *готовности к риску* и *рациональности*, а также предположительно менее осознаваемые психологические образования — *имплицитные теории* (ИТ) интеллекта и личности (Корнилова и др., 2008 и др.). Последние мы вслед за К. Двек (Dweck, 1999) понимаем как глубинные уровни Я-концепции.

Установление значимых взаимосвязей между копинг-стилями и названными свойствами (креативностью, интеллектуальным ресурсом и личностными предпосылками) свидетельствовало бы о функциональном единстве интеллектуально-личностного опосредствования выбора копингов. Меньшая осознанность ИТ рассматривается как отличающая их от других личностных свойств, хотя соответствующие «житейские теории» (lay theories) представлены самосознанию и (как и осознаваемые особенности саморегуляции) диагностируются с помощью опросников. Уровень интеллекта выступает при этом в качестве важной сопутствующей переменной, поскольку включен в механизмы когнитивного оценивания ситуаций. Если данные о связях совладания с показателями интеллекта немногочисленны и инконсистентны (Алексапольский, 2008; Крюкова, 2004), то связи копингов с ИТ на отечественных выборах вообще не устанавливались.

Обращение к периоду взросления, охватываемому студенческими годами, может способствовать раскрытию динамики копингов, поскольку именно в эти годы развитие интеллекта максимально поддерживается образованием, а условия саморазвития благоприятны, что должно способствовать формированию продуктивных стратегий совладания. Еще один важный аспект этого периода жизни — достаточная неопределенность в условиях становления целевых структур (в ведущей деятельности учения), предполагающая саморегуляцию и саморазвитие личности.

ИмPLICITНЫЕ ТЕОРИИ И ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРЕДИКТОРЫ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ (ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ОБОСНОВАНИЕ ГИПОТЕЗ)

Разделение теорий интеллекта на эксплицитные и имплицитные было введено в работах Р. Стернберга (Стернберг и др., 2002), а конструкт ИТ интеллекта окончательно утвердился благодаря работе А. Фернхема (Furnham, 1988). Этот конструкт интересен тем, что предполагает определенные влияния на поведение и обучение со стороны обыденных представлений о сущности интеллекта. Представления об «умном человеке» включают предположения о том, как бы он действовал в той или иной ситуации.

В отечественной традиции распространено понимание ИТ личности в связи с теорией личностных конструктов Дж. Келли. Связь ИТ интеллекта и личности с эффективностью учебной деятельности показала американская исследовательница К. Двек (Dweck, 1999), а в последние годы за рубежом продуктивно изучается роль ИТ в целевых ориентациях (ЦО) в обучении (Blackwell et al., 2007).

По мнению Двек, ключевую роль в наличии или отсутствии у человека в ведущих для него видах деятельности (учебной, спортивной, профессиональной) ЦО на овладение мастерством (в противоположность ЦО на демонстрацию достигнутой компетентности) играет совокупность стихийно сложившихся у человека представлений о сущности и природе своего интеллекта. Автор условно разделяет людей на два типа в зависимости от того, какой ИТ они придерживаются. Для одних интеллект является свойством, «прирастающим» в процессе обучения (инкрементальная ИТ); для других — постоянным, неизменным свойством (стабильная ИТ). Приверженцы стабильной ИТ испытывают тревогу относительно того, насколько велик их интеллектуальный «багаж»; любой вызов жизни таит в себе угрозу для их самооценки, заставляет избегать трудностей. Аналогично строятся ИТ, подразделяющие людей на тех, кто считает личность не изменяющимся свойством, и тех, кто придерживается теории «обогащаемой личности», развивающейся в процессе обучения и в жизнедеятельности в целом. Проверка действенности шкал К. Двек в условиях отечественного образования (Смирнов, 2005) позволила дополнить опросник Двек шкалой самооценки обучения и получить таким образом опросник Двек—Смирнова.

Й. Хонг с коллегами (Hong et al., 1999) предположили, что ИТ прямо влияют на вес атрибуций, приписываемых разным факторам в объяснении негативных событий, и соответствующие интерпретации в итоге проявляются в реализуемых копинг-стратегиях. При этом приверженность инкрементальной ИТ влечет за собой объяснение результатов приложенными усилиями, а приверженность стабильной теории — высотой интеллекта. Студенты с инкрементальной ИТ, видя недостаточность навыков и приложенных усилий, будут чаще предпринимать что-то для повышения эффективности своей учебной деятельности; а приверженцы стабильной теории, даже осознавая необходимость дополнительных усилий для достижения успеха, не будут их прилагать из-за боязни обнаружить тем самым недостаточность своих способностей. С точки зрения авторов, зависимость ЦО от ИТ влияет на *выбор в обучении*, а значит, и на контроль своей учебной деятельности.

Н.Л. Смирнова — первый российский исследователь ИТ ума, справедливо отметила, что «имплицитные теории интеллектуальности, безусловно, имеют культурные границы... Особый интерес составляет включение России в общее поле кросс-культурных исследований и сравнение представлений, существующих в разных странах» (Смирнова, 1997, с. 114).

В ходе проведенного нами комплексного обследования студенческих выборок опросник Двек—Смирнова был валидизирован, установлены его психометрические характеристики (Корнилова и др., 2008). При использовании в том же исследовании теста структурного интеллекта Р. Амтхауэра не были установлены связи показателей ИТ с психометрическим интеллектом, за исключением шкалы *самооценка обучения*, которая коррелировала с *математическим интеллектом* — $r=0.136$, $p<0.05$. Однако в последнее время на русскоязычных выборках апробирована тестовая батарея, позволяющая проводить комплексную диагностику академических, практических способностей и креативности студентов (Григоренко, Корнилов, 2007; Корнилов, Смирнов, Григоренко, 2009). Обращение к новому психодиагностическому инструментарию, основанному на ином понимании интеллектуальных способностей (на теории Р. Стернберга), могло изменить представление об устанавливаемых связях.

По мнению Т.Л. Крюковой (2004), копинги могут быть не связаны с психометрическим интеллектом, но связаны с креативностью. Мы имели основания предположить, что именно шкала *практического интеллекта*, построенная на основе сравнений выхода человека из ситуаций межличностного взаимодействия, может выступать медиатором взаимосвязей ИТ интеллекта и личности с копингами в учебной деятельности.

Мы также предположили, что *принятие целей обучения* (в ЦО овладения мастерством или демонстрации достигнутого) может быть связано

с типами предпочитаемых копингов. Предпочтение продуктивных копингов (в частности, ориентированности на решение проблемы) может быть связано с высокими индексами такого личностного свойства саморегуляции, как *готовность к риску*, поскольку в нем проявляется влияние латентной переменной *принятие неопределенности* (Корнилова, 2009). Но, учитывая то, что субъективная *рациональность* (как нацеленность на максимальный сбор информации для решений и действий) также должна быть включена в регуляцию осознанного выбора копингов, мы увидели следующую проблему. На большой студенческой выборке ($n=743$) ранее нами была установлена отрицательная связь между двумя указанными свойствами саморегуляции ($\rho=-0.36$, $p<0.0001$), хотя при апробации опросника ЛФР, с помощью которого они диагностируются, была показана независимость двух факторов для женских выборок и отрицательная взаимосвязь между ними — для мужских выборок (Корнилова, 2003). Таким образом, мы предположили возможность разных связей готовности к риску и рациональности саморегуляции как с копингами, так и с ИТ.

Методика

В исследовании участвовали 480 студентов (средний возраст 19 лет, $\sigma=3.4$), из них 346 женщин и 109 мужчин; 25 участников не указали пол. У всех измерялись копинг-стили и свойства саморегуляции. 327 участников (248 жен. и 79 муж.) прошли также тестирование по шкалам опросника ИТ Двек—Смирнова; 254 (186 жен. и 68 муж.) — по тестовой батарее *ROADS*¹.

При групповом и индивидуальном тестировании использовались следующие методики.

— Тест «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС)², разработанный канадскими психологами Н.С. Эндлером и Дж.А. Паркером и апробированный на российских выборках Т.Л. Крюковой (2004). Тест позволяет выделить пять переменных, понимаемых как *стили совладания*: а) *проблемно-ориентированный копинг* (ПОК), отражающий направленность на решение проблемы; б) *эмоционально-ориентированный копинг* (ЭОК), означающий уход от решения проблемы в область переживаний по ее поводу; в) *копинг, ориентированный на избегание* (КОИ), который может рассматриваться в качестве составляющей общего фактора *избегания*, куда входит также ЭОК; г) и д) *отвлечение* (О) и *социальное отвлечение* (СО) — две шкалы, представляющие один и тот же копинг-стиль КОИ, отражающий поиск социальной поддержки или совладания с помощью других людей.

¹ Тестирование по этой методике выполнил С.А. Корнилов.

² Тестирование по этой методике выполнила С.И. Малахова.

— Опросник «Личностные факторы решений» (ЛФР — Корнилова, 2003). С его помощью диагностировались свойства саморегуляции, означающие готовность принимать решения и действовать в условиях неопределенности (*готовность к риску*), а также направленность на сбор информации для возможно более тщательной информационной подготовки решений и действий — *рациональность*.

— Опросник «Имплицитные теории» Двек—Смирнова, позволяющий получать индексы для 4 шкал: а) превалирование представления о *стабильном* или *приращаемом* интеллекте, б) превалирование представления о *неизменной* или *обогащаемой* личности, в) *принятие целей обучения* (высокий показатель означает ориентированность на процесс учения и мастерство), г) *самооценка обучения* (оценка вкладываемых в достижения усилий и отнесение себя к успешным или неуспешным студентам).

— Тестовая батарея *ROADS (Rapid Online Assessment Deployment System)*, или СБОО (Система быстрой онлайн-оценки), базирующаяся на триархической теории интеллекта Р. Стернберга (Sternberg, 2006а, б; см. также: Корнилов и др., 2009) и выявляющая за 80 мин. показатели:

а) *флюидного невербального интеллекта*: два субтеста из CFIT Кеттелла для студентов и лиц с ожидаемо высоким уровнем развития способностей;

б) *кристаллизованного вербального интеллекта*: вокабулярный субтест и субтест на определение отношений между словами (Григоренко, Корнилов, 2007);

в) *креативности*: субтест «Креативные рассказы» (Sternberg, 2006а), в котором испытуемому предлагается за 10 мин. придумать и написать максимально творческий рассказ на одну из 5 заданных тем (например, «Паучьи разговоры»). Субтест направлен на измерение уровня *вербальной креативности* на основе оценки продукта творчества по критериям: Оригинальность, Сложность, Эмоциональность, Соответствие Задаче³;

г) *практического интеллекта*: субтест «Студенческий опросник» (Cianciolo et al., 2006), который предназначен для выявления неявного знания и состоит из 10 проблемных ситуаций, связанных со студенческой жизнью (оплата обучения, распределение времени между учебной и работой, выбор специализации и научного руководителя и т.д.).

В исследовании также ставился вопрос о связи психодиагностических показателей с успеваемостью. Показателем успеваемости служил *средний балл* за последние три сессии.

³ При вычислении баллов по творческим способностям студентов (*Креативность*) в шкале логитов используется многоаспектная модель Раша, применяемая в IRT-подходе (Bond, Fox, 2007).

Результаты

Копинги и уровень интеллекта. Установлены две значимые отрицательные корреляции: 1) *практического интеллекта с проблемно-ориентированным копингом* ($\rho = -0.18$, $p < 0.01$); 2) *вербального (кристаллизованного) интеллекта с копингом избегания* ($\rho = -0.13$, $p < 0.05$). Первая отражает зависимость, обратную исходному предположению. Оказалось, что студенты с высоким практическим интеллектом реже выбирают копинг, ориентированный на разрешение проблемы, чем студенты с низким практическим интеллектом. Вторая связь была ожидаема: люди с более высоким *вербальным интеллектом* чаще отказываются от использования непродуктивного копинга *избегания*, чем люди с низким вербальным интеллектом. Этот результат позволяет нам принять гипотезу о том, что вербальный интеллект проявляется в такой оценке трудностей, которая влечет за собой отказ от непродуктивных стратегий копинга, каковыми являются избегание или отвлечение.

Копинги и академическая успеваемость студентов. Академические, творческие, и практические способности, измеренные с помощью тестовой батареи *ROADS*, оказались положительно и значимо связаны с академической успеваемостью студентов, что согласуется с результатами, полученными в аналогичных исследованиях (Григоренко, Корнилов, 2007; Sternberg, 2006a). В нашей работе установлено, что средний балл академической успеваемости связан: 1) положительно с *проблемно-ориентированным копингом* ($\rho = 0.14$, $p < 0.01$); 2) отрицательно с копингами *избегания* ($\rho = -0.14$, $p < 0.01$) и *отвлечения* ($\rho = -0.15$, $p < 0.01$).

Копинги и имплицитные теории. С предпочтением *проблемно-ориентированного копинга* оказались связаны ИТ развивающегося *интеллекта* ($\rho = 0.23$), *ЦО овладения мастерством* ($\rho = 0.25$), а также *самооценка обучения* ($\rho = 0.27$), связи значимы на уровне $p < 0.001$. Этот результат позволяет считать верифицированным предположение о том, что представление человека о возможности «приращения» интеллекта в процессе обучения играет позитивную роль в выборе продуктивных копингов. Соответствующая инкрементальная ИТ способствует более рациональному отношению к разрешению ситуации за счет направления усилий на проблемы, возникающие в жизни и учении. Косвенным подтверждением этого служат отрицательные корреляции трех ИТ — *приращаемого интеллекта, обогащаемой личности и ЦО приобретения мастерства с эмоционально-ориентированным копингом* ($\rho = -0.21$, -0.18 и -0.21 , все при $p < 0.0001$), что означает отказ от такой непродуктивной стратегии людей, верящих в возможности интеллектуального и личностного роста.

Копинг *отвлечение* также значимо чаще отвергался студентами с инкрементальной ИТ личности ($\rho = -0.122$, $p < 0.05$) и *ЦО овладения мастерством* ($\rho = -0.12$, $p < 0.05$).

Связи ИТ интеллекта и личности с *успеваемостью* обнаружены не были, но были установлены связи успеваемости с ЦО (значимый, хотя и небольшой по величине коэффициент $\rho=0.10$ при $p<0.05$, свидетельствующий о позитивной роли целей *овладения мастерством*) и с *самооценкой обучения*. Последняя из названных корреляций вообще была наивысшей из всех подсчитанных ($\rho=0.61$, $p<0.001$), поэтому ее анализу нами посвящена специальная работа (Kornilova, 2009).

Связи копингов с личностными свойствами саморегуляции и креативностью. Обе шкалы осознанной саморегуляции положительно коррелировали с предпочтением проблемно-ориентированного копинга (*готовность к риску* — $\rho=0.23$, $p<0.001$; *рациональность* — $\rho=0.12$, $p<0.01$). Это означает, что и принятие неопределенности, и нацеленность на максимальную информированность одновременно выступают личностными предпосылками предпочтения продуктивных стилей совладания с трудностями.

Креативность позитивно связана с ЦО *приобретения мастерства* ($\rho=0.15$, $p<0.05$), но ее связи со свойствами личностной саморегуляции не значимы.

Значимых связей показателей *креативности* с копинг-стратегиями обнаружено не было. Эти наши результаты противоречат данным Т.Л. Крюковой (2004). Однако следует сказать, что исследование Т.Л. Крюковой проводилось на выборках подростков и с использованием другой методики измерения креативности (КТТМ П. Торренса). В нашей методике «Составление рассказов» осуществлялась комплексная оценка продукта творчества, что говорит о лучшей репрезентативности показателей и более высокой (для нашей выборки) надежности данных.

ИТ и личностные свойства саморегуляции. Все четыре шкалы опросника ИТ были значимо связаны с личностной *готовностью к риску*. Принятие ИТ *приращаемого интеллекта*, *обогащаемой личности* и ЦО *овладения мастерством* — положительно ($\rho=0.18$, $\rho=0.11$ и $\rho=0.16$, все при $p<0.005$); *самооценка обучения* — отрицательно ($\rho=-0.08$, $p<0.05$). Отметим также, что с успеваемостью *готовность к риску* была связана также отрицательно ($\rho=-0.15$, $p<0.001$; $n=543$), а *рациональность* — положительно ($\rho=0.17$, $p<0.0001$).

Обсуждение

В целом полученные результаты свидетельствуют в пользу предположения о позитивной роли предпочтения продуктивных стилей совладания (направленных на анализ и решение проблемы) в достижении высоких академических успехов студентов и об отрицательном вкладе приверженности непродуктивным стратегиям совладания (избеганию трудных ситуаций, отвлечению как уходу от них). Это соответствует представленным в литературе предположениям, но не может служить доказательством понимания копингов как осознанных выборов.

За последнее десятилетие (данные системы *SCOPUS*) были опубликованы только две работы, посвященные поиску связей копингов с ИТ. В первой из них (Ruiselova, Prokopsakova, 2005) введено представление об опосредствующем звене (чувстве когерентности как уверенности в успехе), положительно связанном с приверженностью инкрементальным ИТ. Во второй статье копинг анализировался при сдаче студентами экзамена в университете (Doron et al., 2009). Было показано, что *проблемно-ориентированному* копингу сопутствуют более глубокие стратегии подготовки (он также включал поиск социальной поддержки). В этой работе предлагалось другое звено, опосредствующее взаимосвязи копингов с ИТ, — воспринимаемый контроль над ситуацией экзамена. Однако гипотеза о такой связи нашла лишь частичное подтверждение. Инкрементальные ИТ не были связаны с чувством контроля, хотя само оно было связано с активным продуктивным копингом и приверженностью стабильной ИТ, т.е. опосредствовало негативные эффекты влияния последней на копинги. Таким образом, данные этих авторов, как и установленные нами связи между ИТ и копингами, требуют дальнейшего прояснения процессов, опосредствующих взаимодействия.

В нашем исследовании не было обнаружено связи высокого интеллекта с предпочтением продуктивного копинга, но было установлено наличие связи низкого интеллекта с выбором непродуктивного копинга. Этот факт помогает понять неоднородность представленных в литературе данных (Алексапольский, 2008; Крюкова, 2004), полученных при проверке более простых гипотез о связях.

Не представлена в литературе и выявленная нами компенсаторная функция практического интеллекта (в том его пересечении с социальным интеллектом, которое репрезентировано выбранной тестовой батареей). Направленность на социальные взаимодействия скорее мешает действительному (содержательному) решению проблем.

Согласно нашим данным, ИТ интеллекта и личности не связаны с успеваемостью, но положительно связаны с готовностью к риску. Это свидетельствует о функциональной представленности ИТ в актах принятия неопределенности и требует пересмотра имеющихся в литературе мнений о наличии более прямого пути влияния ИТ на деятельностные структуры (Dweck, 1999).

Роль *ЦО овладения мастерством* в качестве базисной переменной, опосредствующей эффективную регуляцию решений и действий, проявилась в комплексном характере ее связей с готовностью к риску, предпочтением проблемно-ориентированного копинга, отказом от эмоционально-ориентированного копинга, а также с креативностью и академической успеваемостью.

Непродуктивные копинги проявили связи с другими ИТ интеллекта и личности и другой направленностью ЦО, чем продуктивные. Таким образом, были получены данные в пользу нашей гипотезы о роли

целобразования как ведущего процесса в иерархизации связей разноуровневых личностных предпосылок выбора разных типов копингов.

Учитывая отрицательную связь таких личностных свойств осознанной саморегуляции, как *готовность к риску* и *рациональность*, и при этом их положительную связь с предпочтением стиля *проблемно-ориентированного* совладания, следует предположить наличие разных путей включения этих личностных свойств в динамические регулятивные системы решений и действий человека.

Выводы

1. *Академический (вербальный) интеллект* проявляется не в предпочтении продуктивных стратегий совладания, а в отказе от непродуктивных.

2. *Практический интеллект*, относящийся к области коммуникативной компетентности, препятствует направленности на продуктивное разрешение проблем.

3. Установленные связи *копинг-стилей с целевыми ориентациями* в обучении и *успеваемостью*, выступающей показателем успешности интеллектуальной деятельности студентов и организации их учебной деятельности в целом, позволяют рассматривать их в качестве медиаторов широко понятой рациональности.

4. Предпочтению проблемно-ориентированного копинга сопутствуют высокие показатели *ориентированности на сбор информации* и *готовности к риску*, что означает наличие влияний со стороны латентных переменных принятия неопределенности и связанной с интолерантностью к неопределенности рациональности. Эти влияния представлены в актуалгенезе ДРС разными базисными процессами.

5. Предложенное понятие ДРС позволяет интерпретировать установленные связи следующим образом: оно означает возможность выхода процессов интеллектуального опосредствования на более высокие или более низкие уровни в комплексной интеллектуально-личностной регуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.А. Стилевые и уровневые свойства интеллекта как факторы совладающего поведения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.

Анциферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2004.

Григоренко Е.Л., Корнилов С.А. Академический и практический интеллект как факторы успешности обучения в вузе // Когнитивные и личностные факторы учебной деятельности / Под ред. С.Д. Смирнова. М., 2007. С. 34—48.

Корнилов С.А., Смирнов С.Д., Григоренко Е.Л. Современные средства диагностики интеллектуального потенциала: кросс-культурная адаптация зарубежных методических комплексов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2009. № 4. С. 55—66.

- Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М., 2003.
- Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности к неопределенности // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 6. С. 140—152.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Чумакова М.В. и др.* Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // Психол. журн. 2008. Т. 29. № 3. С. 106—120.
- Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения. Кострома, 2004.
- Крюкова Т.Л.* Человек как субъект совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М., 2008. С. 55—66.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Смирнов С.Д.* Модифицированный вариант методики К. Двек для оценки типов имплицитных теорий интеллекта и личности, присущих студентам // Труды СГУ. Гуманитарные науки. Психология и социология образования. М., 2005. Вып. 82. С. 40—55.
- Смирнова Н.Л.* Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М., 1997. С. 112—130.
- Стернберг Р., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж., Григоренко Е.Л.* Практический интеллект. СПб., 2002.
- Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В.И. Моросановой. М.; Ставрополь, 2007.
- Bond T.G., Fox C.* Applying the Rasch model: Fundamental measurement in the human sciences. 2nd ed. Mahwah, NJ, 2007.
- Blackwell L.A., Trzesniewski K.H., Dweck C.S.* Theories of intelligence and achievement across the junior high school transition: A longitudinal study and an intervention // Child Develop. 2007. Vol. 78. P. 246—263.
- Cianciolo A.T., Grigorenko E.L., Jarvin L. et al.* Practical intelligence and tacit knowledge: Advancements in the measurement of developing expertise // Learning and Individual Differences. 2006. Vol. 16. P. 235—253.
- Doron J., Stephan Y., Boiche J., le Scanff C.* Coping with examinations: Exploring relationships between students' coping strategies, implicit theories of ability, and perceived control // Brit. J. of Educat. Psychol. 2009. Vol. 79. N 3. P. 515—528.
- Dweck C.S.* Self-theories: Their role in motivation, personality, and development. Philadelphia, PN, 1999.
- Hong Y., Chiu C., Dweck C. et al.* Implicit theories, attributions, and coping: A meaning system approach // J. of Person. and Soc. Psychol. 1999. Vol. 77. N 3. P. 588—599.
- Furnham A.* Lay theories: Everyday understanding of problems in the social sciences. N.Y., 1988.
- Kornilova T.V.* Academic achievement in college: The predictive value of subjective evaluations of intelligence and academic self-concept // Psychology in Russia: State of the Art / Ed. by Y. Zinchenko, V. Petrenko. М., 2009. P. 309—326.
- Ruiselova Z., Prokopcakova A.* Coping style and anxiety in relation to the implicit theory of intelligence // Studia Psychologica. 2005. Vol. 47. N 4. P. 301—307.
- Sternberg R.J.* The Rainbow Project Collaborators. The Rainbow Project: Enhancing the SAT through assessments of analytical, practical and creative skills // Intelligence. 2006a. Vol. 34. N 4. P. 321—350.
- Sternberg R.J.* Wisdom, intelligence and creativity synthesized. N.Y., 2006b.

Поступила в редакцию
09.10.09

В. В. Знаков, Е. М. Турок

ПОНИМАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

В статье анализируются психологические и социально-демографические факторы, от которых зависит понимание и переживание террористической угрозы (ТУ). В эмпирическом исследовании, проведенном на 698 жителей Саранска и Смоленска, показано: 1) у женщин и молодых испытуемых индексы переживания ТУ выше, чем у мужчин и взрослых; 2) предикторами общего индекса переживания являются личностная тревожность, макиавеллизм и способность контролировать ситуацию; 3) понимание ТУ тревожными испытуемыми сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах терактов; 4) макиавеллисты понимают теракты как универсальные манипулятивные способы решения задач, достижения целей; 5) испытуемые с высокой способностью к контролю поведения подчеркивают запланированность терактов и целенаправленность действий причастных к ним людей.

Ключевые слова: террористическая угроза, понимание, переживание, тревожность, макиавеллизм, контроль поведения.

The article analyzes the psychological and socio-demographic factors that affect the understanding and experience of the terrorist threat. In empirical studies, held at the 698 residents of Saransk and Smolensk, shows: 1) women and young subjects, the indexes of experience a terrorist threat is higher than men and adults, and 2) predictors of the overall index are experiencing personal anxiety, machiavellianism and the ability to control the situation and 3) understanding the terrorist threat, disturbing the subjects focused on the emotional and irrational aspects of the attacks, and 4) Machiavellian people understand the attacks as universal manipulative ways to solve problems, achieve goals, 5) subjects with high ability to control behavior stress of planning the attacks and targeted actions of people involved in them.

Key words: terrorist threat, understanding, experience, anxiety, machiavellianism, behavior control.

Проблема

В современном мире терроризм приобрел такие масштабы, что представляет собой угрозу существованию всего человечества. По определению Министерства обороны США, терроризм — это «преднамеренное использование насилия или угрозы насилия для того, чтобы

Знаков Виктор Владимирович — докт. психол. наук, гл. науч. сотр. ИП РАН, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* znakov@rol.ru

Турок Елена Михайловна — ст. преп. Смоленского гуманитарного ун-та. *E-mail:* totem-Elena@yandex.ru

внушить страх, предназначенный для запугивания (принуждения) правительства или общества, достижения целей, которые, как правило, являются политическими, религиозными или идеологическими» (Todd, Wilson, Casey, 2005, p. 184). Неудивительно, что сегодня психология терроризма — одна из наиболее научно и практически значимых областей психологической науки. Она включает в себя исследования психологии террористов, изучение посттравматических стрессовых расстройств у прямых и косвенных жертв терактов, анализ роли СМИ в формировании образа врага по отношению к членам террористических организаций, рассмотрение терроризма как способа общения (в виде психологического насилия), направленного на запугивание, т.е. актуализацию страха у населения и власти.

В этой статье мы рассмотрим только один аспект многогранной и сложной проблемы терроризма: как понимают и переживают *террористическую угрозу* (ТУ) люди в небольших городах центральной России, в которых не было терактов. Под пониманием и переживанием ТУ мы вслед за Ю.В. Быховец и Н.В. Тарабриной будем иметь в виду субъективную оценку риска стать жертвой теракта. Психологическая структура понимания и переживания ТУ состоит из трех компонентов — когнитивного, эмоционального и поведенческого. Когнитивный — это антиципация и репрезентация осознаваемого уровня реальности угрозы, ее вероятности и возможных последствий. Эмоциональный компонент может быть как осозанным, так и не осознаваемым; он проявляется в возникновении психологического состояния, заключающегося в ощущении утраты контроля над обстоятельствами, значимыми для жизни субъекта. Поведенческий компонент проявляется, например, в увеличении потребления наркотических средств, алкоголя и сигарет после терактов (Быховец, Тарабрина, 2010).

Исследование понимания и переживания ТУ ставит перед психологами две взаимосвязанные проблемы: 1) как люди преодолевают страх смерти, неизбежно возникающий при упоминании о терактах (в СМИ или даже в условиях психологического эксперимента) и 2) в каких смысловых единицах они структурируют свое понимание мира, изменяющееся в результате терактов.

Первая проблема изучается преимущественно в рамках теории управления страхом смерти. Эта теория стала особенно актуальной после 11 сентября 2001 г. (Landau et al., 2004). Понимание неизбежности собственной смерти — одна из главных экзистенциальных проблем человеческого бытия. Можно рационально осознавать, что мир опасен и несправедлив, но на более глубоком подсознательном уровне чувствовать, что ты в безопасности, способен избежать неудачи. В данной теории утверждается, что подчинение культурным стандартам и ценностям предохраняет субъекта от чувства тревоги, возникающего вследствие понимания собственной уязвимости и смертности. Принятие обще-

ловеческих ценностей позволяет ему почувствовать себя необходимым, включенным в сообщество людей, соблюдающих примерно одинаковые социальные и моральные нормы. После резких катастрофических изменений люди ищут ответ на вопрос: может быть, то, что с нами произошло, — следствие несоблюдения или искажения моральных норм (распространенности однополых браков, проституции, аборт и т.п.)? Неудивительно, что после сентября 2001 г. некоторые ученые стали называть США «морализирующей нацией» (Janoff-Bulman, Sheikh, 2006).

Вторая проблема заключается в том, что понимание как ценностно-смысловое структурирование мира не может анализироваться без обращения к специфике ментального (Холодная, 2002) и экзистенциального опыта понимающего субъекта. Поскольку понимание ТУ рядовыми гражданами основывается не на достоверных знаниях (которыми могут располагать только сотрудники спецслужб, да и то в редких случаях), то можно предположить, что ментальный, умственный опыт субъекта задействован при этом в минимальной степени. Основную роль в понимании ТУ играет экзистенциальный опыт, состоящий, по крайней мере, из трех компонентов — *тезаурусного, интенционального и этического*. Первый компонент образуют неявные знания, включающие мнения, убеждения, отношения; второй — интенциональные структуры, определяющие направленность и избирательность индивидуальной психической активности; в третий компонент входят такие представления о морально должном, которые принципиально не поддаются полному осознанию. Следовательно, названные компоненты опыта характеризуются недостаточной доказательностью, осознанностью и вербализованностью (Знаков, 2009). Именно такой опыт становится семантическим основанием, внутренними неосознаваемыми условиями понимания субъектом ТУ. В частности, в работе Дж. Парк с соавторами показано, что у белых американцев только использование теста скрытых ассоциаций (и непосредственно после предъявления информации о терроризме) позволяет выявить неосознаваемые негативные установки по отношению к арабам-мусульманам. До этого, соблюдая политкорректность и социальную желательность, испытуемые не осознавали, что связывали с терактами именно мусульман (Park et al., 2007). Установки являются частью экзистенциального опыта субъекта, того ценностно-смыслового основания неявного знания о мире, на котором строится трудно описываемое словами иррациональное чувство, что ты можешь стать жертвой теракта.

Цель проведенного нами эмпирического исследования состояла в вывлении психологической специфики понимания и переживания ТУ испытуемыми, различающимися по полу, возрасту и личностным свойствам.

Выборка. В исследовании приняли участие 698 испытуемых (353 женщины и 345 мужчин) из Саранска и Смоленска — городов, в которых не было терактов. Испытуемые — студенты, работники сферы

обслуживания, инженеры, сотрудники ГУИН в возрасте от 17 до 57 лет (средний возраст $M=24.3$ года, стандартное отклонение $SD=7.87$). В обоих городах женщины и мужчины были представлены равномерно (количественные различия статистически не значимы): Саранск — соответственно 210 и 190, Смоленск — 143 и 155.

Авторы благодарят О.О. Полякову, Н.С. Полутину и С.И. Соболева, участвовавших в проведении исследования.

Методика

На первом этапе исследования испытуемые анонимно заполняли пять опросников: шкалу базисных убеждений (ШБУ) (Падун, Тарабрина, 2004), опросник Спилбергера—Ханина на личностную тревожность (Бурлачук, Морозов, 2004), методику исследования макиавеллизма личности (Знаков, 2001), опросник смысложизненных ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 2000), опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) (Быховец, 2007; Быховец, Тарабрина, 2010).

На втором этапе испытуемые по три раза продолжали каждое из трех незаконченных предложений: 1) Террористический акт — это ...; 2) Люди понимают террористическую угрозу ...; 3) Теракты совершают люди ... Результаты подвергались качественной обработке и контент-анализу. В ходе контент-анализа подсчитывались характеристики разной эмоциональной направленности (нейтральные, позитивные, негативные), а также выделялись группы, по которым можно распределить высказываемые испытуемыми суждения («Страх, боль, страдание», «Спланированная акция», «Насилие, направленное на запугивание», «Религиозные фанатики, психически нездоровые люди»).

Итоговые результаты по методике ОПТУ анализировались как показатели *переживания* испытуемыми ТУ. Совокупность продолженных предложений рассматривалась как выражение семантического пространства *понимания* обсуждаемой ситуации: что именно испытуемые понимают под угрозой террористического акта, как оценивают совершающих теракты людей, считают ли, что в современном мире теракты неизбежны, и часто ли задумаются над тем, как избежать участи жертвы. Во множестве ответов на пункты опросников и в продолжениях незаконченных предложений в конечном счете проявлялись семантические основания, внутренние и внешние условия понимания субъектом ТУ.

Обработка. Статистический анализ данных проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова—Смирнова, Манна—Уитни, биномиального критерия, χ^2 , а также корреляционного и регрессионного анализов.

Результаты

Рассмотрим полученные в исследовании половые, возрастные, личностные различия испытуемых в понимании и переживании ТУ.

Половые различия. По общему показателю ОПТУ (переживанию ТУ) результаты 353 женщин значимо выше результатов 345 мужчин: $M=53.9$ и $M=47.7$, $p<0.01$. Личностная тревожность у женщин также выше, чем у мужчин: $M=45.7$ и $M=38.7$, $p<0.001$. Вместе с тем по ШБУ у женщин ниже, чем у мужчин, «контролируемость» (убеждение в том, что люди могут контролировать происходящее с ними и способны предотвращать нежелательные последствия событий): $M=11.6$ и $M=12.5$, $p<0.001$, а также «способность контролировать ситуацию» (убеждение в том, что можно не только осознавать происходящее с тобой, но и поступать так, чтобы ситуация складывалась в твою пользу): $M=16.7$ и $M=17.6$, $p<0.001$.

Неудивительно, что, продолжая незаконченные предложения, женщины подчеркивают то, что нельзя контролировать: «Террористический акт — это акт агрессии психологически неуравновешенных людей с целью доказательства своего мнимого превосходства»; «Люди понимают террористическую угрозу как какое-то ужасное действие, которое никто не в силах предотвратить». Противостоять террору невозможно, потому что его основой является «психологический срыв, страх». У мужчин проявилась оценочная идентификация себя с террористами по качеству силы/слабости: «Угроза слабых мужиков с оружием беззащитным людям». Они также чаще указывают на социальную подоплеку, действительные, но скрытые причины терактов: «Насажение угрозами и насильственными методами чьих-то идей».

Возрастные различия. Сравнение 190 молодых испытуемых из нижнего квартиля распределения по возрасту ($M=18.8$ года) и 184 взрослых испытуемых из верхнего квартиля ($M=35.4$ года) обнаружило, что у младших выше, чем у старших, показатель ОПТУ ($M=53.0$ и $M=50.5$, $p<0.01$), тревожность ($M=44.5$ и $M=41.6$, $p<0.01$) и макиавеллизм ($M=75.0$ и $M=69.2$, $p<0.001$). Однако у младших ниже оценки по базисным убеждениям в доброжелательности мира (мир в целом — достойное место для жизни, неудачи в нем происходят довольно редко, а субъекта окружают в основном порядочные, достойные доверия люди, которые при необходимости придут на помощь): $M=30.7$ и $M=33.9$, $p<0.01$; по справедливости (убеждение в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости: каждый получает то, что заслуживает): $M=17.5$ и $M=18.4$, $p<0.04$; по общему показателю СЖО: $M=101.7$ и $M=108.5$, $p<0.005$.

Продолжая незаконченные предложения, девушки нередко подчеркивают несамостоятельность принятия решения террористами, невозможность противостоять чужой воле: «Теракты совершают люди под влиянием какого-либо лидера, которому не могут сопротивляться; они слабые и поддающиеся уговорам, внушению». Для юношей важно нарушение своего понимания современной социальной действитель-

ности: «Люди понимают террористическую угрозу как непонимание действий тех, кто совершает такие поступки».

Личностные различия. Регрессионный анализ показал, что двумя значимыми предикторами, по которым можно предсказать оценки по суммарному показателю ОПТУ для всей выборки (698 человек), являются личностная тревожность ($Beta=0.40$, $p<0.001$) и макиавеллизм ($Beta=-0.15$, $p<0.001$). Эти результаты дали новое направление обработки данных: выяснение того, чем различаются испытуемые с высоким и низким уровнем выраженности названных личностных черт.

Сначала сравнивались данные 180 испытуемых из нижнего ($M=56.2$) и 189 из верхнего ($M=86.6$) квартиля распределения по шкале макиавеллизма. У первых выше оценки по шкале «Антиципация» ОПТУ: $M=18.6$ и $M=17.4$, $p<0.03$ (входящие в эту шкалу утверждения позволяют оценить уровень предвосхищения субъектом новых терактов: насколько вероятным он считает их повторение и прогнозирует возможность их осуществления). Антиципация в значительной степени связана с когнитивной оценкой, осознанием и пониманием угрозы риска стать жертвой теракта. Она проявляется в согласии испытуемых, например, с такими утверждениями: «В общественных местах я стараюсь обращать внимание на подозрительных лиц, похожих на террористов»; «У меня возникают мысли о том, что теракты будут повторяться»; «Из-за угрозы терактов лучше не строить планы на будущее». Очевидно, что такие ответы испытуемых основаны на общих знаниях о терроризме и понимании конкретных социальных ситуаций, в которых можно оказаться. Судя по оценкам по шкале «Антиципация», возможные теракты реже оказываются предметом осознания, размышления и понимания макиавеллистов, чем немакиавеллистов. По-видимому, первые в меньшей степени переживают возможность стать жертвой теракта (общие показатели ОПТУ: $M=49.7$ и $M=51.4$, различия не значимы).

Фундаментальная характеристика мировоззрения макиавеллистов — представление о необходимости и универсальности манипуляции в общении. Они понимают теракты прежде всего как способы решения задач, достижения определенных целей самими террористами и теми, кто за ними стоит: «Попытка решить свои проблемы за чужой счет», «Фанатики, управляемые умными людьми», «Умышленное масштабное причинение вреда экономике и людям в той или иной стране по политическим или идеалистическим взглядам». Макиавеллисты полагают, что теракты в современном мире неизбежны: «Это угроза обществу, которую нельзя предотвратить». В качестве причин терактов называют власть, религиозную веру, деньги. Немакиавеллисты, указывая на недопустимость такого мировоззрения и поведения, считают, что «террор — один из самых грязных способов заработать деньги». У них выше, чем у макиавеллистов, общий показатель СЖО ($M=110.7$ и $M=96.8$, $p<0.001$), но ниже тревожность ($M=40.3$ и $M=44.4$, $p<0.005$).

В отличие от антиципации тревожность тесно связана с эмоциональной сферой личности и может не осознаваться. Высоkotревожные люди более интенсивно реагируют на события или обстоятельства, которые потенциально содержат возможность неудачи или угрозы. Сравнение результатов 187 испытуемых с высокой тревожностью ($M=53.8$) и 176 с низкой ($M=31.3$) показало, что у высокотревожных выше оценки по общему показателю ОПТУ ($M=55.3$ и $M=45.1$, $p<0.001$) и уровень макиавеллизма ($M=75.8$ и $M=69.3$, $p<0.001$), но зато значительно ниже общий индекс СЖО: $M=93.5$ и $M=116.1$, $p<0.001$. Следовательно, высокотревожные люди сильнее низкотревожных переживают ТУ, более склонны к манипуляции, подозрительности и враждебности. Однако они менее удовлетворены осмысленностью, эмоциональной насыщенностью, целенаправленностью и управляемостью своей жизни.

Понимание ТУ высокотревожными испытуемыми сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах этого явления: «Террористический акт — это глобальное уничтожение, страх смерти, страх за своих близких»; «Смерть, боль, страдание». Низкотревожные считают, что люди должны знать о терактах, «но не должны об этом думать постоянно». Если уж трагедию невозможно предотвратить, то нельзя забывать о необходимых мерах безопасности: «Нужно продолжать жить, пока жизнь есть, и надо принимать определенные меры предосторожности».

С позиций психологии понимания, несомненно, важно выявить индивидуально-психологические особенности испытуемых, различающихся по «способности контролировать ситуацию» ШБУ. Такая способность построена на когнитивном моделировании, осознании и понимании происходящего. Сравнивались данные 198 испытуемых с низкой способностью к контролю ($M=13.5$) и 227 — с высокой ($M=20.4$). Низкой способности к контролю и контролю соответствует более высокий уровень ОПТУ, а высокой — более низкий уровень: $M=52.0$ и $M=49.4$, $p<0.01$.

Испытуемые, более способные к контролю, в большей степени согласны с утверждением: «В общественных местах я стараюсь обращать внимание на подозрительных лиц, похожих на террористов» ($M=3.0$ и $M=2.6$, $p<0.025$). Однако они не согласны с тем, что «из-за угрозы терактов лучше не строить планы на будущее»: $M=1.4$ и $M=1.6$, $p<0.05$.

При осмыслении обсуждаемой проблемы испытуемые с высоким контролем подчеркивают запланированность терактов и целенаправленность действий причастных к ним людей. Террористический акт — это «подготовленное событие», «спланированное мероприятие», «действия, направленные на ухудшение жизни людей», «ошибка служб безопасности». Они понимают теракты как средство достижения политических, религиозных и других целей: «Теракты совершают люди, которые боятся (и потому бьют из-за спины), но не знают других методов». Испытуемые с низким контролем наоборот отказываются признать

последовательность и целенаправленную успешность действий террористов. «Террористический акт — это бессмысленные смерти людей, он не приводит к какой-то нужной цели». Если же плановый характер действий признается, то отрицается достижение желаемого эффекта: «Это хорошо спланированная акция, но бессмысленная, так как сила не всегда приносит желаемый результат».

Обсуждение результатов

Общим контекстом, «семантическим фоном» понимания российскими испытуемыми ТУ являются стереотипные и не соответствующие действительности представления о террористах как необразованных, психически неуравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит. Без преувеличения можно сказать, что 99% из 698 испытуемых понимают психологию террористов так: «Ожесточенные на кого-то, затаившие обиду психически больные люди»; «Не любящие свой народ, бедные умом, безнравственные, бесчувственные, потерянные, озлобленные, запрограммированные на смерть»; «Религиозные фанатики, не способные контролировать свои действия из-за психологического или иного воздействия на их волю, им плевать на человеческие жизни в угоду денег»; «Люди, которые ненавидят весь мир»; «Самоубийцы, не задумывающиеся о других людях, о чужих жизнях, потерявшие веру в добро и мир на земле».

Такой психологический портрет террориста совершенно не соответствует научным данным. Анализ фактов показывает неверность утверждений о том, что у террористов высокий уровень психопатологии (Moghaddam, 2005). Наоборот, М. Криншоу «пришла к выводу, что “самой общей характеристикой террористов является их нормальность”». К аналогичным выводам пришел К. Хескин, который изучал членов Ирландской республиканской армии (*IRA*). Эмоционально неустойчивых людей или людей с расстройствами среди них обнаружено не было» (цит. по: Соснин, Нестик, 2008, с. 116). Как отмечает М. Гримланд с соавторами, типичный палестинский террорист-смертник религиозен, нормален, вежлив и серьезен. Его действия главным образом мотивированы военно-стратегической эффективностью суицидального терроризма, ненавистью к Израилю и США, а также необходимостью отомстить за национальное и личное унижение. Руководители террористических акций нередко проводят целенаправленную работу по исключению психически нестабильных людей из списка кандидатов в террористы-смертники. Одним из последствий этого оказалось то, что нападавшие 11 сентября 2001 г. на башни-близнецы оставались спокойными и целеустремленными в течение долгого времени до совершения теракта. Наблюдатели описывали их как тихих, отчужденных и немногословных людей, что весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого террориста (Grimland et al., 2006).

Не соответствует действительности и суждение о том, что террористами становятся представители беднейших слоев населения, имеющие низкий уровень образования. Например, Умар Фарук Абдулмуталлаб, 25 декабря 2009 г. пытавшийся взорвать летевший из Европы в США пассажирский лайнер, — сын известного нигерийского банкира, получивший высшее образование в Лондоне. М. Атта, руководивший в 2001 г. нападением на торговый центр в Нью-Йорке, и двое членов его террористической группы имели высшее образование (получили степень магистра в техническом университете в Гамбурге). Большинство членов этой группы происходили из обеспеченных семей среднего класса Саудовской Аравии и Египта. Они были уже сформировавшимися взрослыми людьми, подчинившими свою индивидуальность организации (Post, 2005).

Таким образом, у наших испытуемых наблюдается весьма искаженное понимание психологического облика и мотивов поступков террористов. В основе понимания лежит образ врага — *чужого*, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. Очевидно, что отсутствие достоверных знаний препятствует использованию ментального опыта (Холодная, 2002), построению правдоподобных когнитивных схем, которые могут стать основой понимания ситуаций ТУ. Понимание строится преимущественно на экзистенциальном опыте испытуемых, осуществляющем ценностно-смысловую регуляцию и направляющем весь ход жизни человека. Можно предположить, что незначительный, явно недостаточный для понимания проблем терроризма ментальный опыт испытуемых обусловлен не только отсутствием достоверных знаний, но и нежеланием задумываться, психологической отдаленностью ТУ от их реальной жизни. Иначе обстоит дело в тех регионах нашей страны, в которых нередко происходят теракты. В опросе об отношении к терроризму, проведенном среди студентов Дагестанского госуниверситета, почти каждый пятый из опрошенных давал положительные оценки терроризму: «Это способ защиты своей земли и своего народа», «Месть за родных и близких», «Борьба за свободу, свою веру». Разные варианты позитивных ответов составили 32% у юношей и 15% у девушек (Собкин и др., 2004). Очевидно, что в ментальном опыте жителей тех регионов, для которых ТУ — печальная правда повседневной жизни, содержится больше знаний о политических, религиозных и экономических основаниях терактов. Такие знания приводят к иному, отличному от выявляемого у жителей центральной России, пониманию проблем, связанных с ТУ.

Перейдем к анализу половых различий. Полученные данные о более интенсивном переживании ТУ женщинами, чем мужчинами, соответствуют результатам других исследований, в частности проведенных Ю.В. Быховец и Н.В. Тарабриной (2010). В диссертации Н.В. Родионо-

вой (2004) обнаружено, что женщины склонны приписывать себе более высокие оценки возможности пострадать от действия радиации, причем это относится как к объективно опасным, так и объективно неопасным ситуациям. Женщины более эмоциональны, чем мужчины, и менее устойчивы по отношению к экстремальным ситуациям (Grossman, Wood, 1993). События 11 сентября 2001 г. американские женщины описывают психологам в более эмоциональных терминах и чаще сообщают об испытываемом дистрессе. Одно из правдоподобных объяснений страха женщин перед терактами заключается в том, что они считают себя более уязвимыми и чаще видят в качестве жертв социальной несправедливости (Chu et al., 2006). Отношение к опасностям по-разному представлено в картине мира мужчин и женщин. Мужчины в целом расценивают как опасные меньшее количество ситуаций. У женщин «более широкий спектр объектов опасности, а кроме того, они в большей степени беспокоятся не только за себя, но и за благополучие своих близких. Женщины больше подвержены социальным страхам, например в отношении предательства и одиночества» (Лаврова, 2009, с. 73).

Ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях нам не удалось найти ответа на вопрос: почему молодые люди переживают ТУ в большей степени, чем взрослые? Пока единственную причину можно увидеть в различии личностных качеств. Как и в общей выборке, предикторами ОПТУ является тревожность, однако у молодых величина коэффициента ниже, чем у взрослых ($Beta=0.323$ и $Beta=0.473$; $p<0.001$). На первый взгляд это парадоксально, потому что в молодежной выборке преобладают девушки (113 и 77; $\chi^2=6.82$; $p<0.01$), у которых личностная тревожность значительно выше, чем у юношей ($M=46.45$ и $M=41.71$, $p<0.005$). У взрослых 79 женщин тревожность также выше, чем у 105 мужчин ($M=44.9$ и $M=39.0$, $p<0.005$). Однако причину разницы в величине показателей переживания ТУ, по-видимому, следует искать в неодинаковости системы связей всех анализировавшихся личностных характеристик у молодых и взрослых испытуемых. У первых показатель ОПТУ не связан ни с чем, кроме тревожности. У взрослых он связан с теми личностными чертами, которые еще на этапе планирования исследования выделялись нами как содержательно включенные в когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты переживания и понимания ТУ. У них ОПТУ отрицательно связан с общим показателем СЖО ($r=-0.26$) и убежденностью в возможности контролировать окружающее ($r=-0.23$). Вместе с тем показатель СЖО отрицательно связан с макиавеллизмом ($r=-0.35$) и тревожностью ($r=-0.54$).

Теперь обсудим связи личностных характеристик с пониманием и переживанием ТУ, установленные на всей выборке. В работе обнаружен закономерный факт понимания макиавеллистами терактов как способов решения коммуникативных задач, достижения конкретных целей. Это соответствует мировоззрению макиавеллистов, основанному на пред-

ставлении о неизбежности манипуляции в общении, в том числе человеческой жизнью. Понимание-принятие макиавеллистами моральной допустимости манипуляции жизнью человека, в том числе собственной, выявлялось уже в нескольких исследованиях (Знаков, 2005, 2010).

Неудивительно, что индекс переживания ТУ выше у испытуемых с высокой личностной тревожностью. «Тревожность — индивидуальная психологическая особенность, состоящая в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях, в том числе и тех, объективные характеристики которых к этому не располагают» (Бурлачук, Морозов, 2004, с. 309). Субъективный, индивидуально-личностный характер переживания ТУ не вызывает сомнения: вряд ли объективные обстоятельства жизни людей в Смоленске и Саранске можно назвать располагающими к навязчивым мыслям о возможности стать жертвой теракта. Переживания — непрменный атрибут интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни. Современные исследования показывают, что переживание является опосредствующим звеном во взаимоотношениях психических состояний и процессов (Фахрутдинова, 2008). В понимании ТУ психический феномен переживания — один из центральных. Переживание как идентификация познающего субъекта с познаваемым объектом дает возможность преодолеть барьеры, встающие на пути познания внешнего мира (Марцинковская, 2004). Именно посредством идентификации переживание может способствовать пониманию причин терроризма («Теракты совершают люди, отстаивающие свои права», «Террористический акт — это протест против чего-либо»).

Очень значимым и важным нам представляется и такой обнаруженный в исследовании факт: высокому уровню способности контролировать ситуацию соответствует низкая степень выраженности переживания ТУ. Этот факт подтверждается данными зарубежных исследований. В частности, А. Тодд с коллегами показала, что способность к контролю может способствовать снижению страха стать жертвой теракта; у интерналов этот страх меньше, чем у экстерналов (Todd et al., 2005).

Итак, исследование показало, что террористическая угроза неодинаково понимается и переживается людьми, различающимися по полу, возрасту и психологическим свойствам личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 2004.

Быховец Ю.В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2007.

Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М., 2010.

- Знаков В.В.* Методика исследования макиавеллизма личности. М., 2001.
- Знаков В.В.* Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия // *Вопр. психол.* 2005. № 6. С. 3—12.
- Знаков В.В.* Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия // *Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева и др.* М., 2009. С. 211—225.
- Знаков В.В.* Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов // *Вопр. психол.* 2010. № 2. С. 90—100.
- Лаврова Е.В.* Представления об опасности и их изменения под воздействием новостных передач // *Вестник Университета (Государственный университет управления).* 2009. № 20. С. 72—74.
- Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2000.
- Марцинковская Т.Д.* Сравнительный анализ подхода к проблеме переживания в философии и психологии // *Категория переживания в философии и психологии.* М., 2004. С. 261—278.
- Падун М.А., Тарабрина Н.В.* Когнитивно-личностные аспекты переживания посттравматического стресса // *Психол. журн.* 2004. Т. 25. № 5. С. 5—15.
- Родионова Н.В.* Понимание ситуаций радиационной опасности профессионалами и непрофессионалами: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Собкин В.С., Ениколопов С.Н., Кропачев В.М.* Студенческая молодежь Дагестана об отношении к терроризму // *Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования.* Т. IX. Вып. XVI / Под ред. В.С. Собкина. М., 2004. С. 114—132.
- Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М., 2008.
- Фахрутдинова Л.Р.* Психология переживания человека. Казань, 2008.
- Холодная М.А.* Психология интеллекта. СПб., 2002.
- Chu Th. Q., Seery M. D., Ence W. A. et al.* Ethnicity and gender in the face of a terrorist attack: A National longitudinal study of immediate responses and outcomes two years after September 11 // *Basic and Appl. Soc. Psychol.* 2006. Vol. 28. N 4. P. 291—301.
- Grimland M., Apter A., Kerkhof A.* The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // *Crisis.* 2006. Vol. 27. N 3. P. 107—118.
- Grossman M., Wood W.* Sex differences in intensity of emotional experience: A social role interpretation // *J. of Person. and Soc. Psychol.* 1993. Vol. 65. N 5. P. 1010—1022.
- Janoff-Bulman R., Sheikh S.* From national trauma to moralizing nation // *Basic and Appl. Soc. Psychol.* 2006. Vol. 28. N 4. P. 325—332.
- Landau M. J., Johns M., Greenberg J. et al.* A function of form: Terror management and structuring the social world // *J. of Person. and Soc. Psychol.* 2004. Vol. 87. N 2. P. 190—210.
- Moghaddam F. M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // *Amer. Psychologist.* 2005. Vol. 60. N 2. P. 161—169.
- Park J., Felix K., Lee G.* Implicit attitudes toward arab-muslims and the moderating effects of social information // *Basic and Appl. Soc. Psychol.* 2007. Vol. 29. N 1. P. 615—636.
- Post J. M.* When hatred is bred in the bone: Psycho-cultural foundations of contemporary terrorism // *J. of Political Psychol.* 2005. Vol. 26. N 4. P. 615—636.
- Todd A., Wilson J. C., Casey Sh. N.* Comparing British and Australian fear of terrorism pre and post the Iraqi war // *Psychiatry, Psychology and Law.* 2005. Vol. 12. N 1. P. 184—193.

Поступила в редакцию
09.02.10

Н. Н. Полонская

СЛУЧАЙ ЗРИТЕЛЬНОЙ АГНОЗИИ У БОЛЬНОЙ С ДВУСТОРОННИМ НАРУШЕНИЕМ МОЗГОВОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ В ЗАДНИХ МОЗГОВЫХ АРТЕРИЯХ

Сообщение 2. Исследование нарушений зрительного узнавания лиц, пространства, цвета и букв

В статье продолжается рассмотрение случая зрительной агнозии у 70-летней пациентки Б. Применяется метод нейропсихологического исследования. Анализируются следующие нарушения: трудности в узнавании лиц близких людей и своего собственного; выраженная топографическая агнозия, не позволяющая ориентироваться в окружающем пространстве; трудности в узнавании и выборе названия цвета предметов при сохранном цветовом зрении; расстройства обобщенного восприятия буквенных знаков и чтения при сохранном процессе письма. Эти нарушения возникли в результате двустороннего поражения задних височно-теменно-затылочных отделов головного мозга.

Ключевые слова: оптический гнозис, отдельный случай, узнавание лиц, прозопагнозия, пространственная агнозия, оптическая алексия без аграфии, агнозия и аномия на цвета.

The article describes a case study of visual agnosia in which neuropsychological assessment was carried out on a 70-year-old woman B. She cannot recognize familiar faces and even her own. She exhibits a sheer case of topographical agnosia being unable to recognize familiar surroundings. Although she passed standard color tests she fails to recognize color pictures and to name colors. She has problems with recognizing letters despite retaining writing skills. These deficiencies have been caused by the bilateral lesions of the inferior areas of the temporal-parietal-occipital lobes.

Key words: optic perceptual, case study, face recognition, prosopagnosia, topographic agnosia, pure alexia without agraphia, color perception, color anomia.

В предыдущем сообщении¹ была дана общая характеристика зрительной предметной агнозии (1), приведены факты из истории заболевания пациентки Б. (2), проанализированы возникшие у нее нарушения

¹ Полонская Н.Н. Случай зрительной агнозии у больной с двусторонним нарушением мозгового кровообращения в задних мозговых артериях. Сообщение 1. Исследование нарушений зрительного предметного гнозиса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2009. № 4. С. 32—43.

Полонская Наталия Николаевна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* Npolonskaya@yandex.ru

зрительного предметного гнозиса (3). В данном сообщении нумерация тематических подзаголовков продолжается.

4. Анализ нарушения узнавания лиц

Лица людей многообразны и индивидуальны. Их тонкие различия нелегко вербализовать, и словесный портрет вряд ли может полностью передать портрет реальный. Выбор изображения лица из ранее показанных и новых вызывает больше трудностей, чем в аналогичном эксперименте с другими категориями стимулов. Оpozнание лица как целостного объекта среди подобных требует тонких дифференцировок. Человек способен различать, узнавать, вспоминать, сравнивать множество лиц своей расы, но затрудняется делать это внутри даже небольшой группы людей, относящихся к другой расе (например, китайцев). В первом случае опознание происходит в момент восприятия объекта — симультанно, путем целостного сравнения, во втором случае переработка зрительной информации, вероятно, требует дополнительного развернутого анализа отдельных признаков. Исследования в этой области направлены на поиск мозговых механизмов, обеспечивающих процессы их различения и узнавания.

Нарушение узнавания хорошо знакомых лиц, названное Бодамером в 1947 г. «прозопагнозией», описано многими клиницистами-неврологами. В отношении синдрома лицевой агнозии существуют разные мнения. Одни исследователи относят ее к специфической и изолированной форме нарушения, другие рассматривают ее внутри более общих расстройств зрительного гнозиса или же среди нарушений узнавания разных объектов, имеющих индивидуальные признаки (например, коллекция туфель, сумок и др.). Описаны случаи, когда больные с прозопагнозией также не отличали свою собаку от собак других пород, не ориентировались в видах цветов и деревьев, затруднялись в определении марки машины и др. Можно предположить, что специфическая способность распознавания лиц определяется их абсолютно иным комплексом признаков и свойств по сравнению с восприятием всех прочих объектов, а нарушение узнавания других категорий предметов с близкими и индивидуальными признаками связано с проградентным нарушением зрительно-предметного гнозиса. Согласно данным фМРТ-исследования, нарушения восприятия лиц связаны с патологией правополушарных или двусторонних затылочно-височных структур, в том числе веретенной извилины (вентральный путь). Предполагается, что лицевая агнозия обусловлена невозможностью сравнения специфических деталей целого объекта. Неразличение индивидуальных компонентов, отличающих одно лицо от другого, нарушает целостное сравнение и опознание. Существуют разные подходы к пониманию характера операций переработки информации при опознании индивидуальных образов объектов как сложных конфигураций в отличие

от простых: от первичного анализа уникальных компонентов объекта к созданию перцептивной гипотезы в отношении целостного образа или же в направлении от восприятия целого образа к уточнению его компонентов (Farah, 2004 и др.).

У пациентки Б. неузнавание лиц оставалось самыми грубым дефектом на протяжении нескольких лет. Больная не узнавала мужа, детей, внуков и себя в зеркале. Если в процессе узнавания предметов и их изображений у нее часто могли возникать гипотезы и ошибки, способствовавшие опознанию, то при встрече со знакомыми людьми или при предъявлении их портретов она отказывалась от заданий, поскольку не имела никаких предположений. Догадка могла возникнуть при опоре на другие внешние признаки (голоса, прически, роста, и т.д.), узнавание которых способствовало узнаванию человека.

В ходе исследования мы показывали больной портреты очень известных людей. В момент предъявления она никого не опознавала, и лишь после длительного рассматривания, рассуждений и наводящих вопросов экспериментатора (Э.) у Б. иногда возникали правильные догадки. Например: **Пушкин** (художник О. Кипренский) — *по позе рук и этим волосам кудрявым я предполагаю, что это Пушкин*; **Ленин** (художник Н. Андреев) — *глаза, нос, усы, борода, уши, залысины — мужчина, на козлика похож.* (Э.: Это был самый известный человек в нашем государстве.) — *Ближе всего к Ленину*; **Брежнев** (фото) — *нет, не знаю.* (Э.: Посмотрите на его брови.) — *Ну, тогда это Брежнев*; **Маркс** — *окладистая борода... Это Маркс?* **Юрий Гагарин** (фото) — *очень улыбчивый. Мужчина или женщина? Застегнут направо, значит мужчина. Но кто это?; Лев Толстой* — *это руки, а не лапы, ноги, раз босой, брюки. Борода? Рот, нос. Это что? Лысина? Нет, не знаю...; Горький* (художник И. Бродский) — *не знаю.* (Э.: Это писатель.) — *У Горького была шляпа и усы.* О своих близких Б. сказала: «Когда передо мной стоят мой муж и дочь, я могу определить их, но не по лицам, а по разнице в росте или прическам. Но моих одинаковых внучат узнать невозможно и я спрашиваю всегда “ты кто?”».

Через два года после второго инсульта у Б. можно было наблюдать некоторую положительную динамику в отношении восприятия знакомых лиц. Первое, что ею было замечено, — это движение глаз с последующим ощущением их различий на лицах двух внуков. Б. описывает это так: «Раньше все лица выглядели одинаковыми и аморфным. С какого-то момента я стала различать глаза, носы, ротки. Я их даже вижу как разные. Они, особенно когда они движутся, всегда разные. Сейчас я вижу лицо, черты лица, но не могу сказать еще, кому оно принадлежит. Я никого не помню, как они выглядят. Я их не представляю мысленно». Подчеркнем, она впервые говорит, что *не помнит*, кто и как выглядит, а не то, что *не видит, не различает* лица. Вероятно, при идентификации лица не происходит целостного узнавания виденных

ранее тонких различий его черт, лицо не опознается и выглядит для большой как незнакомое.

В данном случае характер нарушения опознания лиц указывает на то, что этот процесс не является собственно перцептивным, а реализуется механизмами сложной функциональной системы, в которую входят процессы восприятия и памяти (Кроль, 1995; Невская, Леушина, 1990 и др.). Важным представляется определение факторов, связанных с успешностью запоминания лиц, а также роли межполушарного взаимодействия в процессе опознания. Это требует особого рассмотрения. Надо заметить, что эмоциональный компонент восприятия лиц у Б. оказался относительно сохранным. Об этом она говорит так: «Черты лица не могу выделить, а вот настроение могу понять».

Нарушение лицевого гнозиса нередко встречается у больных наряду с предметной, оптико-пространственной, топографической, цветовой агнозией. Однако при правосторонних поражениях, приводящих к прозопагнозии, синдром оптической агнозии на буквы с «чистой алексией» не встречается. Их совместное проявление возможно при билатеральных поражениях широкой зрительной сферы.

5. Исследование буквенной агнозии и оптической алексии

При левосторонних нарушениях для синдрома зрительной агнозии характерны расстройства буквенного гнозиса и оптическая алексия без аграфии. Левополушарные механизмы обработки зрительной информации анализируют преимущественно отдельные признаки буквенных знаков. Оптические нарушения анализа и синтеза в восприятии букв нередко сочетаются и с оптико-мнестическими расстройствами и возникают при задних затылочно-височных поражениях левого полушария головного мозга. Первичные расстройства буквенного гнозиса проявляются в неузнавании отдельных букв и невозможности их назвать. Больные неправильно воспринимают отдельные признаки графем, расположение их элементов, путают близкие в графическом отношении буквы. В результате устойчивый и обобщенный образ той или иной буквы у них не возникает (Лурия, 1962; Цветкова, 1972 и др.). В зависимости от степени выраженности этих трудностей процесс чтения может нарушаться в разной степени: от утраты беглости до развернутого, аналитического чтения с элементами угадывания и в конечном счете до невозможности понимания смысла прочитанного. Автоматизированный навык чтения отчасти способствует глобальному способу чтения без детального анализа отдельных букв.

У пациентки Б. нарушение зрительной обработки буквенной информации было первичным, поскольку процесс собственного письма или под диктовку оставался абсолютно сохранным, но она не могла

прочсть написанное. Различие механизмов локализации в нашем случае подтверждалось течением болезни. Приведем высказывания самой больной:

Б.: После первого инсульта у меня все было нормально, кроме того, что я забыла, как называются все буквы. Хотя написать я их могла как угодно — по одной по порядку, вразбивку.. Это не составляло труда. Прочитать ни одной буквы, ни единой цифры не могла. Вот так у меня сразу ушла информация о том, как буквы называются и как они считываются. Когда я на них смотрела, я видела набор знаков. Как сказать? Я знаю, что это буква, но я не знаю, какая она — русская или другая. Мой муж в день выписки пришел в больницу за мной и в руках держал журнал. Я беру у него журнал и спрашиваю: «А на каком языке у тебя журнал?»

Э.: А что это за журнал?

Б.: Он касался технических вещей. Оказалось, что я вижу лишь, что все буквы разные. Вот если их положить рядом, я скажу, что это одна буква, а это другая. Но что за буква, я не знала независимо от того, простая она, как А, или другая. Я ни одной буквы не знала. И тут я поняла, что я не читаю... Постепенно в занятиях уже в другой больнице они (буквы. — *Н.П.*) стали появляться».

Э.: А что-нибудь было с речью?

Б.: Почти ничего. Так, иногда слово подыскивала, но мне это не мешало. Память была такая же, как и до болезни, — очень хорошая. Сейчас я должна среди других некоторые буквы вычислять, а не считывать их. Когда я не понимаю, что за буква, у меня шевелятся пальцы, и я пытаюсь прописать и вспоминать. Это мне помогает. Но есть буквы такие — всегда знакомые, а другие всегда путаю, например: Б и В, П и Н, У—Ч, Э—З, Ш—М, Б—Ю, Е—З, П—Т, Д—Ц, Е—С. Некоторые просто не помню. Сразу я букву не узнаю.

В результате нарушения зрительных образов букв автоматизированный навык чтения у больной распался, а процесс чтения стал замедленным, угадывающим, с многократными возвращениями к прочитанному для уточнения понимания смысла. Опора на дополнительную двигательную афферентацию могла способствовать обобщенному восприятию буквы, выделению сигнальных признаков, припоминанию названия графемы и преодолению глобального восприятия буквенных знаков.

6. Исследование зрительно-пространственных представлений

А.Р. Лурия (1973) в своей концепции о совместной работе ряда аналитических систем при реализации пространственных функций делает вывод, что нарушения этих процессов являются наиболее сложными, комплексными и возникают при поражении височно-теменно-затылочных отделов головного мозга (зона ТРО). Трудно переоценить способность к ориентации в окружающей обстановке. Нарушение пространственных синтезов и ориентировки в пространстве часто осложняется явлениями зрительной предметной агнозии при правополушарных и двусторонних

поражениях. Ориентировка в предметах — одно из условий правильного отражения окружающего пространства. Понятно, что нарушение предметного зрительного гнозиса сильно затрудняет реализацию оптико-пространственных функций и бытовых операций, предполагающих наглядное схватывание пространственных соотношений и опору на значимые предметы. Оптико-пространственные нарушения различаются в зависимости от стороны очага поражения и степени выраженности. Субдоминантный синдром иногда характеризуется появлением предметной и лицевой агнозий, что объясняется, возможно, меньшей дифференцированностью нарушений при правосторонних поражениях широкой зрительной сферы (Кок, 1967 и др.). Можно предположить, что расстройство топографической ориентации и прозопагнозия связаны с утратой памяти на знакомые объекты и их расположение в пространстве. Вместе с тем последнее сочетание симптомов нарушения зрительного гнозиса необязательно, описаны изолированные проявления этих дефектов. Локальные поражения обнаруживаются в тех же структурах, что и прозопагнозия, — в задних медиальных затылочно-височных отделах, включая веретенную и лингулярную извилины правого полушария. Существенную роль играет поражение белого вещества и прерывание связей внутри и между полушариями, что нарушает межполушарное взаимодействие.

По выражению Б., еще одной из ее «потерь» явилось нарушение ориентировки в ранее знакомом пространстве квартиры, больницы, улиц, площадей, зданий и др.: «Я не только не ориентируюсь, но и не помню, что и где находится». Она испытывала серьезные трудности даже в собственной квартире, не была уверена, где расположен тот или иной предмет (например, диван или стол), как и с какой стороны к нему подойти. Не знала, как расположены объекты относительно друг друга на кухне или на полках в шкафу. Надо также сказать, что у Б. оказались утраченными многие знания о расположении улиц, заданий, о маршрутах транспорта и пр. «Я знаю, — говорит она, — что это близко. Я знаю, что здесь проходят Ленинский проспект, Ломоносовский и еще один... забыла название (просп. Вернадского. — *Н.П.*). Но я не могу представить, нарисовать их расположение относительно дома и даже относительно друг друга».

Поскольку Б. воспринимала все ранее хорошо известные объекты в городе как незнакомые, а их расположение не помнила, можно говорить о нарушении у нее не только собственно пространственного, но и оптико-мнестического фактора. Возможность обратиться к зрительной информации, хранящейся в памяти, позволяет правильно ориентироваться в пространстве и воспринимать окружающую обстановку как целостную и знакомую. В ответ на вопрос: «Какие сооружения, здания есть на Красной площади?» больная неуверенно назвала мавзолей, добавив, что на фото она его не узнала. «Я знаю, что там есть мавзолей,

хотя я его не представляю зрительно, а другие здания там даже не помню», — сказала она.

Приведем примеры высказываний Б. в ответ на предъявляемые фотографии известных мест и объектов. Э.: Это **Красная площадь**. Что за здания здесь? — *Я вам не скажу даже, что это Красная площадь. Все, что я могу по этому поводу сказать, так только то, что это, безусловно, центр Москвы; крейсер «Аврора» — не знаю. Э.: А что такое Аврора? — Это крейсер в Ленинграде и еще женское имя. Но где он стоит в Питере, я не вспомню. Не помню, как он выглядит. Вот вы показываете — я не узнаю, хотя то, что это корабль, я с трудом узнаю, так как есть определенные признаки, позволяющие так думать; «Медный всадник» — Лошадка петровская. Я помню по вздыбленной лошади.*

Заметим, что толчком к узнаванию памятника Петру I явилась характерная поза, передающая движение лошади, что и помогло правильно восприятию объекта. Сочетание топографических трудностей с предметной агнозией полностью лишает большую зрительных опор.

Идя домой или в магазин, Б. не может отталкиваться от знакомых ориентиров (домов, магазинов, киосков, оград, деревьев и т.д.), которые встречаются по пути и обычно помогают двигаться в нужном направлении. Вот как она описывает свое состояние: «Я помню, как найти мой дом, если я гуляю с детьми всегда в одном месте. Во дворе я выучила, куда надо идти и где мой подъезд, но если я буду идти из другого места, то никогда не найду нужное направление. Потеряюсь. Вокруг меня будут одинаковые для меня дома, и я не смогу определить свой». Это объяснение подтверждает представления о том, что восприятие знакомого в прошлом объекта и его расположения включено в систему образов зрительной памяти. Сохранность механизмов целостного сравнения и узнавания возможна в случае, если у больного нет нарушений пространственной ориентации.

Анализ результатов исследования и отчеты больной о своих «потерях» свидетельствуют, что грубые нарушения топографической ориентировки определяются двумя факторами — зрительно-пространственным и оптико-мнестическим. В результате больная лишилась понимания пространственного расположения объектов, возможности перемещаться в пространстве и «пользоваться» им. По данным И.М. Тонконового и А. Пуанте (2007), расстройства этого типа не возникают у больных с односторонними левополушарными поражениями головного мозга.

7. Исследование цветового гнозиса

Цвет является *свойством предмета*, он воспринимается и присваивается ему. Однако названия многих цветов кодируются самим объектом. Например, известны следующие предметно названные цвета: сиреневый, морской, вишневый, лимонный, серебряный, медовый, оливковый, лососевый, дымчатый, кофе с молоком, купоросный,

терракотовый, винный, небесный и многие другие. Речь обладает функциями обобщения и категоризации, что позволяет с ее помощью пользоваться названиями цветов, обозначать оттенки. Многообразие этих названий группируется вокруг основных цветов. Обычно в речевом обиходе человек употребляет не более 30—40 названий цветов. Являясь свойством объектов, цвет остается устойчивым признаком предмета вплоть до частотных словосочетаний: красный мак, черный дым, желтый цыпленок, голубое небо, серые тучи, белый снег, синий платочек, зеленый горошек. В отдельных случаях определение цвета предмета становится объектом, а потребность в назывании предмета — избыточной. Например, всякую съедобную траву на грядке мы называем «зеленью», говорим «краснота», «чернота», «белизна», «синева». Вместе с тем необходимо различать процессы восприятия цвета и его вербального обозначения.

Существование агнозии на цвета и цветовая аномия могут выступать в качестве разных нейропсихологических симптомов, хотя в зависимости от латерализации и размера очага поражения возможны комплексные сочетания симптомов. Больному с цветовой агнозией при сохранном цветоощущении трудно подобрать оттенки одного цвета, дифференцировать, классифицировать и вообразить их (Кок, 1967 и др.). В случае агнозии цвет «отчуждается» от своей чувственной ткани — предмета — и перестает его определять. И это качество предмета перестает осознаваться, что проявляется в невозможности соотнесения цвета с объектом. Цвет утрачивается как представление, переживание реальности. Однако у части больных бывает нарушено и собственно называние цветов. В результате можно наблюдать гностические и речевые расстройства, характер которых не всегда легко определяется. Чистые нарушения номинации цветов (аномию на цвета) относят к афатическим расстройствам семантического уровня.

Агнозия на цвета чаще описывается в связи с левополушарными поражениями затылочно-височной доли и реже — в связи с правополушарными и билатеральными поражениями этих же отделов головного мозга. Имеются данные о вовлечении медиальных височно-затылочных отделов, веретенообразной извилины в развитие этих синдромов, а при аномии на цвета — и задних отделов мозолистого тела. Одни исследователи рассматривают гностические расстройства цвета и речи как одно нарушение разной степени выраженности. Другие указывают на непостоянную, необязательную связь двух симптомов. При левополушарных нарушениях возможны сочетания с оптической алексией, а при правополушарных и двусторонних — с прозопагнозией (Кок, 1967; Тонконогий, Пуанте, 2007).

Больные с гностическими нарушениями часто путают цвета, но улавливают различия в их яркости и насыщенности и классифицируют цвета на этих основаниях. Описание собственных ощущений больных

и анализ данных экспериментального исследования в какой-то мере помогают представить и понять их трудности. Например, пациентка Б. так описала свои ощущения: «Был период, когда я видела все в каком-то аморфном состоянии цвета. Я их (цвета. — *Н.П.*) не могла ни понять, ни назвать. Потом я стала различать цвета и оттенки темного цвета. Я начала различать зеленые и синие и их оттенки и сравнивала их с красным. Вижу очень приблизительно. Оценивала их как теплые/холодные, более темные/более светлые. Различия определяются насыщенностью, а затем я сравниваю. Я их внутренне не представляю, но что-то возникает лишь тогда, когда я *сравниваю цвета*. Когда я забываю название, то первая буква дает название, а дальше идет перебор».

Изучение гностического уровня переработки цветовой информации требовало уверенности в отсутствии у больной первичных нарушений цветоразличения. Выполнение всех заданий по полихроматическим таблицам Е.Б. Рабкина (2005) не выявило патологии.

Исследование цветовой агнозии у пациентки Б. включало две группы проб. К первой группе относились преимущественно перцептивные задания: 1. Совмещение цветовых оттенков; 2. Классификация цветовых оттенков; 3. Оценка неправильно раскрашенных изображений предметов; 4. Собственное раскрашивание контурных изображений предметов. Вторая группа включала ряд зрительно-вербальных проб: 5. Направленная актуализация слов, обозначающих цвета; 6. Припоминание цвета предмета (предмет→цвет); 7. Выбор названий предметов одного цвета (цвет→предмет); 8. Называние цвета по образцу; 9. Понимание цвета по слову-наименованию (показ карточки нужного цвета).

Проба 1 — совмещение цветовых оттенков. Перед больной в случайном порядке раскладываются два одинаковых набора карточек (по 32 в каждом) разных цветов и их оттенков. Требуется к каждой карточке из первого набора найти карточку того же цвета из второго набора. Выполняя эту пробу, Б. не испытывала больших трудностей. Она допустила только одну ошибку, но работала в медленном темпе и каждую карточку *прикладывала* к нескольким другим, пока не находила идентичную. Таким образом, она осуществляла развернутый сравнительный анализ в процессе идентификации цветов.

Проба 2 — классификация цветовых оттенков. Перед больной лежало семь мотков цветных ниток. Ей в случайном порядке давались мотки ниток разных цветовых оттенков с просьбой разложить их так, чтобы они подходили по цвету к образцам. Рассмотрим результаты (жирным выделен цвет образца, курсивом дан комментарий больной по поводу цвета образца): **зеленый** — *мягкий и теплый*. Выбранные цвета: зеленый, болотный, морской волны, светло-зеленый, салатный; **голубой** — *не яркий, не темно-синий и не холодный*. Выбранные цвета: голубой, сиреневый, светло-сиреневый, голубой, светло-коричневый, салатный, светло-серый светлый, ярко-салатный, светло-зеленый; **красный** —

мягкий, темный, теплый. Выбранные цвета: красный, охра, оранжевый, розовый, фиолетовый, бордо, темно-розовый (*не нравится мне он*); **фиолетовый** — *темный, и мягкий, и яркий.* Выбранные цвета: четыре оттенка фиолетового, коричневый, темно-кирпичный, темно-синий; **желтый** — без комментария. Выбранные цвета: три оттенка желтого, розовый, сиреневый, светло-зеленый; **синий** — *холодный и темный.* Выбранные цвета: три оттенка синего, светло-синий, темно-голубой, светло-голубой, черный, коричневый, темно-фиолетовый.

Как мы видим, у Б. имеется неполное обобщение цвета по параметрам тона и яркости. Например, она правильно выбирает несколько оттенков желтого цвета, но далее перестает учитывать тон и соскальзывает на другой признак цвета — светлоту (выбирает светлые оттенки розового, сиреневого, светло-зеленого). Эта стратегия выбора хорошо заметна и в отношении синего цвета, когда после ряда правильных ответов сравнение с образцом осуществляется не по признаку цвета и его оттенков, а по параметрам светлоты и яркости разных цветов. Интересно, что в группе зеленого цвета нет неправильных выборов, хотя в нее попали не все предложенные оттенки. Ошибки в организации групп определяются нарушением классификации цветов по их оттенкам и вызваны затруднением процессов категоризации цветовых признаков и формирования целостного перцептивного образа определенного цвета.

Проба 3 — оценка цветных изображений предметов. Б. должна была оценить правильность цветов на раскрашенной картинке. Прежде с ней уточняли изображение предмета и его название. Далее в случайном порядке предлагали правильно и неправильно раскрашенные картинки (всего 30). Б. адекватно оценила только 10 картинок, на которых были изображены достаточно знакомые по цвету объекты: крокодил, джинсы, слон, лимон, вишня, роза, светофор, лягушка. Можно думать, что для правильной оценки цвета предмета мнестический компонент играет определенную роль. Хорошо знакомые цветные предметы несколько чаще опознавались правильно, чем незнакомые. Однако правильность ответов не была стабильной.

Проба 4 — раскрашивание контурного изображения предмета. Задание состояло в раскрашивании контурного изображения предмета подходящим цветом. Приведем комментарий больной: **слон** — *чтобы знать, каким цветом покрасить, надо знать, как этот цвет называется, иначе исключено.* (Э.: А вы вспомните, представьте цвет слона.) — *Исключено. Мне надо вспомнить, надо знать, какого цвета бывает слон, а я не представляю. Он темный, черный, зеленый?* (Э.: Давайте я буду называть цвета, а вы скажите: слон голубой?) — *Нет, нет...* (Э.: Слон серый?) — *Возможно. Мне выбирать всегда чуть легче, уже можно сопоставлять;* **яблоко** — *это яблоко? Оно красное. И зеленым может быть, желтым;* **лиса** — *хитрая лиса. Зеленая?;* **крокодил** — *я его вычислила. Он зеленый;* **мышь** — *серенькая мышка (раскрашивает в голубой цвет); виш-*

ни — синие; **горох** — коричневый; **банан** — это растение... Даже близко нет (догадки. — Н.П.). При этом я совсем не представляю, он зеленый или коричневый.

Итак, мы отчетливо видим, что у Б. страдают как способность соотнесения цвета с предметом, так и возможность представить присущий ему цвет. Это позволяет расценивать данные трудности как преимущественно гностические.

Проба 5 — направленная актуализация названий цветов. Б. просили назвать как можно больше разных цветов в течение 3 минут. За 1-ю минуту она припомнила 7 слов: *красный, желтый, зеленый, синий, оранжевый, голубой, белый*. За 2-ю — 5 слов: *палевый, кирпичный, оливковый, розовый, серый*. За 3-ю минуту — только 2: *фисташковый и черный*.

Основным проявлением трудностей в этом задании является низкая продуктивность, длительные паузы между словами со снижением числа названий от первой минуты к последующим. Столь низкое количество слов-наименований у Б., по нашему мнению, определяется двусторонним поражением височно-затылочных отделов головного мозга, участвующих в возникновении зрительных цветовых представлений и в выборе точного вербального значения цвета.

Проба 6 — припоминание цвета предмета. В этом задании в ответ на название предмета Б. должна была вспомнить и назвать его цвет. Приведем некоторые примеры: **снег** — белый; **уголь** — черный; **мак** — красный; **арбуз** — сверху зеленый, внутри красный; **банан** — коричневый, синий, зеленый, салатный; **лимон** — красный, фиолетовый; **горох** — желтый, зеленый; **соль** — белая; **сыр** — коричневый, зеленый; **слон** — серый. Я посчитала, что с другими цветами не вяжется; **подсолнух** — желтый; **вагон** — зеленый; **канарейка** — голубая; **крокодил** — желтый, синий, зеленый.

По-видимому, наиболее устойчивые и упроченные в опыте человека словосочетания (черный уголь, белый снег и т.д.) облегчают актуализацию названия цвета. Выбор отдельного цветового признака объекта осуществлялся с трудностями (голубая канарейка, коричневый сыр и т.д.). Похожие результаты были получены в пробе 3 (см. выше). По данным разных исследователей, больной, затрудняющийся раскрасить изображения предметов или неправильно оценивающий раскрашенные, является «цветовым агностиком».

Проба 7 — выбор названий предметов одного цвета. Б. просили припомнить предметы одного определенного цвета. Нахождение предмета с определенным качеством является обратным по отношению к присвоению ему конкретного качества. И если мы называем цвет, то поиск предмета определенного цвета облегчается, поскольку названный цвет помогает его припоминанию. Это задание оказалось более доступным, чем предыдущее, хотя также вызвало трудности. Примеры: **красный** — арбуз, помидор, морковь, мясо, рыба, икра, яблоко, одуванчик; **зеленый** — листья, яблоко, апельсин, крапива, виноград, огурец, забор; **синий** — бакла-

жан, троллейбус, небо, море, синий платочек; желтый — груша, картошка, подсолнух, трава, янтарь, одежда, солнце, лимон, яблоко, капуста; черный — чернила, тушь, чернослив, небо в грозу, виноград; голубой — небо; белый — яблоко, луна, снег, молоко, сметана, белье, скатерть, кошка; серый — заяц серый, заяц белый, лошадь, серый мышинный; рыжий — лиса; розовый — розы; оранжевый — верблюд.

Сложность этого задания проявлялась не только в ошибках, но в трудностях выбора названий объектов нужной цветовой категории, на что указывает незначительное количество слов, актуализируемых на некоторые цвета. Сама Б. в ходе выполнения задания пояснила: «не сопоставляется цвет с предметом, он (цвет) не вызывает ассоциаций».

Проба 8 — называние цвета по образцу. Материалом для называния служили цветные образцы красок — карточки. Б. просили назвать цвет карточки. Задание вызвало серьезные затруднения. Примеры: **бордо** — *зеленый*; **красный** — *не синий и не зеленый, я сравниваю с белым*; **синий** — *голубой, зеленый, синий*; **голубой** — *серый*; **зеленый** — *синий*; **коричневый** — *темно-зеленый, коричневый*; **розовый** — *красный*; **желтый** — *белый, желтый?*; **фиолетовый** — *синий*.

По-видимому, сам по себе абстрактный цветовой образец, лишенный предметной отнесенности и конкретности, не способствовал выбору точного названия цвета.

Проба 9 — понимание значения слов, обозначающих цвета. Перед Б. раскладывали по 10 карточек разных цветов и оттенков, называли цвет карточки, которую больная должна была выбрать среди прочих. Это задание, как и предыдущее, вызвало у Б. серьезные затруднения. Вместе с тем называние цвета экспериментатором несколько снижало уровень трудности понимания значения слов, обозначающих цвета. Примеры: **красный** — *розовый*; **синий** — *зеленый, голубой*; **фиолетовый** — *фиолетовый*; **розовый** — *«светлый цвет, ближе к красному, красный потемнее»* (не находит карточку); **желтый** — *желтый*; **голубой** — *«это светло-синий»* (показывает на желтую карточку); **зеленый** — *черный, зеленый*; **желтый** — *охра*; **оранжевый** — *оранжевый («но я сомневаюсь, внутренне его у меня нет»)*; **черный** — *черный («самые темные — коричневый, и этот темнее»)*; **синий** — *голубой, фиолетовый, коричневый*.

Нарушение понимания значений слов, обозначающих цвета, носит комплексный характер, который определяется в первую очередь гностическими трудностями из-за нарушения межполушарных связей у больной с билатеральным поражением височно-затылочных отделов. Напомним, что после первого (левополушарного) инсульта у нее не обнаруживалось расстройств ни семантического, ни гностического уровней цветового восприятия. Последняя серия эксперимента, направленная на исследование цветовой агнозии, позволила говорить о нарушении у больной целостного внутреннего представления о цвете

как свойстве предмета. Нарушение категоризации цветовых признаков затруднило процесс идентификации цвета с предметом и его названием. Сама больная замечала: «Чтобы представить предмет в цвете или раскрасить его, надо знать, к какому предмету относится тот или иной цвет, и удерживать его значение в памяти». Без таких пояснений проникнуть в суть внутренних трудностей больного невероятно сложно. Наша пациентка анализировала свое состояние и объясняла причины и характер ошибок, хотя не всему могла дать ясные нам пояснения.

Подытоживая результаты анализа цветового гнозиса у пациентки Б., можно сказать, что выполнение всех проб, за исключением первой, протекало у нее с отчетливыми трудностями. Анализ этих трудностей привел нас к выводу о преимущественно цветовой агнозии и амнестических ошибках названия цвета у данной пациентки.

Заключение

Рассмотренный редкий случай практически всех видов зрительной агнозии в результате двух последовательных ишемических инсультов в обеих задних мозговых артериях с двусторонними поражениями нижних затылочно-височно-теменных отделов головного мозга является яркой иллюстрацией возможных форм зрительных агнозий. Можно думать, что наличие зрительных агнозий при двусторонних поражениях мозга обусловлено не только локальными поражениями определенных мозговых структур, но и нарушением межполушарных и внутриполушарных связей.

Применение нами комплекса методик и качественного анализа полученных результатов позволило рассмотреть практически все виды агнозий. Следует подчеркнуть некоторые особенности в характере выполнения пациенткой Б. зрительных и зрительно-пространственных задач. Грубое расстройство перцептивных процессов актуализирует произвольные способы организации нарушенной деятельности, а также поиск смысловых опор в ходе опознания лиц, предметов и их пространственного расположения. Эти особенности способствовали формированию у нее возможных индивидуальных способов относительно успешной компенсации. К таким способам можно отнести: 1) развернутое речевое опосредование в решении любых зрительных гностических задач; 2) обращение на этой основе к произвольному, аналитическому и последовательному способу деятельности при нарушенных симультанных стратегиях зрительной перцептивной деятельности, характерных для более выраженных нарушений оптико-гностических функций.

На наш взгляд, метод описания отдельного случая может иметь определенные преимущества перед анализом групповых результатов исследования, позволяя полнее и ярче представить картину расстройств, и быть полезным для дальнейшего изучения редких и сложных процессов нарушения зрительного гнозиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кок Е.П.* Зрительные агнозии. Л., 1967.
- Кроль В.М.* Специфика работы зрительных механизмов правого и левого полушарий мозга человека // Журн. ВНД им. И.П. Павлова. 1995. Т. 5. № 6. С. 1075—1084.
- Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека. М., 1962.
- Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М., 1973.
- Невская А.А., Леушина Л.И.* Асимметрия полушарий головного мозга и опознание зрительных образов. Л., 1990.
- Рабкин Е.Б.* Полихроматические таблицы для исследования цветоощущения. М., 2005.
- Тонконогий И.М., Пуанте А.* Клиническая нейропсихология. СПб., 2007.
- Цветкова Л.С.* Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. М., 1972.
- Farah M.J.* Visual agnosia. 2nd ed. Cambridge, MA; L., 2004.

Поступила в редакцию
28.02.08

В. Е. Спиваковский

О ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ РЕФЛЕКСИИ ГРУППОВОЙ (КОМАНДНОЙ) РОЛИ С ТИПОМ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье излагаются результаты исследования взаимосвязи между степенью развития умения сотрудника адекватно отображать в сознании (рефлектировать) собственную групповую (командную) роль и организационной культурой компании, в которой этот сотрудник работает. Выдвигается и проверяется гипотеза о том, что в различных организационных культурах процесс рефлексии командной роли идет по-разному. Организационная (корпоративная) культура рассматривается как один из важнейших факторов успешного позиционирования (ролевого распределения). Определяются и операционализируются понятия «организационная культура» и «рефлексия командной роли».

Ключевые слова: организационная культура, рефлексия командной роли, позиционирование, ролевая модель Белбина, модель Камерона—Куинна.

In the present article the interrelation between the level of coworker's ability to adequately reflect in consciousness his or her own group (team) role and the type of corporate culture of the company, where this coworker works, has been investigated. The following hypothesis: «the process of reflecting the team role is different in different corporate cultures» is proposed and verified. Corporate culture is viewed as one of the most important factors of successful positioning (role assignment). The terms, such as «corporate culture» and «reflection of the team role» are defined and operationalized in the article.

Key words: corporate culture, reflection of the team role, positioning, Belbin's roles model, Cameron-Quinn's model.

Успех команды (группы сотрудников) той или иной организации (компании) зависит от характера поставленных задач, межличностных отношений, знаний, навыков, опыта ее членов и многих других факторов. В качестве определяющей детерминанты эффективности команды принято выделять успешность позиционирования (ролевого распределения) ее членов (Кричевский, Дубовская, 2001; Методы..., 2004; Уайтли, 2005).

Мы фокусируем внимание на одном из аспектов проблематики позиционирования, а именно на детерминантах степени отрефлекси-

Спиваковский Валентин Евгеньевич — аспирант кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* well1985@rambler.ru

Работа выполнена под руководством докт. психол. наук Ю.М. Жукова.

рованности сотрудниками своих ролей в команде (*командных ролей*). Очевидно, что эффективное позиционирование невозможно, если у команды отсутствуют рефлексивные средства (Павлова, Журавлев, 2006). Поэтому мы рассматриваем *рефлексию командной роли* (РКР) в качестве ключевого фактора, обуславливающего успешность позиционирования в команде.

Проблематика позиционирования рассматривается во многих отечественных и зарубежных изданиях (Донцов, Дубовская, Жуков, 2002; Жуков, Журавлев, Павлова, 2008; Методы..., 2004; Maxwell, 2002; Parker, 1996). Тем не менее некоторые авторы выражают сожаление по поводу того, что в большинстве исследований, посвященных командам, за единицу анализа берется группа в целом, а индивидуальным различиям ее членов не уделяется должного внимания (Maxwell, 2002; Parker, 1996; Warr, Bunce, 1995). Другое существенное упущение состоит в том, что ученые зачастую рассматривают роли в отрыве от их носителей — субъектов позиционирования (Sinclair, 1992).

Нас интересуют детерминанты успешности протекания процесса РКР, вследствие чего нашей целью является проверка предположения о том, что степень отрефлексированности сотрудником своей командной роли связана с типом *организационной культуры* (ОК) компании, в которой он работает. Ведь характеристики команды и отдельных ее членов в различных компаниях варьируются самым неожиданным образом в зависимости от ОК, стиля руководства и других особенностей конкретной организации (Иванов, Шустерман, 2006; Павлова, Журавлев, 2006). Командный стиль работы в организации возможен только в том случае, если в ОК присутствует открытость, сотрудники имеют право высказывать любые мысли, не боясь потерять статус или доступ к информации (Иванов, Шустерман, 2006). Таким образом, можно предположить, что в одних ОК процесс РКР идет лучше, а в других — хуже, и какие-то ОК являются своеобразной «питательной средой» для развития РКР, а какие-то — нет.

Основные теоретические подходы к анализу организационной культуры

Несмотря на огромное количество публикаций, единой концепции ОК не существует (Statt, 1994). Тем не менее попробуем дать определение этого понятия, которым будем пользоваться в дальнейшем.

Для начала рассмотрим определения, встречающиеся в отечественной и зарубежной литературе: 1. «Организационная культура — это атмосфера (социальный климат) в организации, общее понимание членами организации ожидаемого поведения» (Организационное поведение..., 2006, с. 422). 2. «Организационная культура — это ценности, представления, а также формальные и неформальные модели поведения, которым привержены работники организации» (Курс..., 2007, с. 346).

Несмотря на чрезмерную обобщенность этих двух определений, их достоинством является указание на тот факт, что ОК поддерживается большинством сотрудников компании.

Два следующих определения более детализированы и претендуют на статус «канонических»: 3. «Культура организации — это то, что для нее ценно, каковы стиль ее лидерства, язык и символы, процедуры и повседневные нормы, а также то, как определяется успех. Другими словами — все то, что определяет уникальность характера организации» (Камерон, Куинн, 2001, с. 45). 4. «Организационная культура — это разделенные верования, ценности, установки и ожидания в совокупности с не подвергающимися сомнению умозаключениями, которыми обладает каждый сотрудник касательно способа функционирования организации, ее традиций и т.п.» (Statt, 1994, p. 37). В этих определениях показано, что ОК — это не только ценности, верования, нормы, символы, стиль лидерства, модели поведения, но и, что очень важно, понимание успеха и способов его достижения. Однако в них упущено то, что адекватное представление об успехе невозможно без детального изучения истории компании, апелляции к примерам успешного функционирования организации в прошлом и перенесения этих примеров (паттернов) на настоящее и будущее компании.

На наш взгляд, данное упущение преодолено Э. Шейном, охарактеризовавшим ОК как «паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых организацией при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем» (Шейн, 2002, с. 31—32). Эту емкую и точную характеристику мы будем использовать в качестве рабочего определения понятия ОК.

Модели классификации и диагностики ОК

Существует достаточно большое количество моделей и концепций классификации и диагностики ОК. К наиболее популярным на данный момент можно отнести модели Г. Хофштеда, Р. Лайкерта, Т. Дила и А. Кеннеди, Л. Константина, К. Камерона и Р. Куинна (подробнее см.: Камерон, Куинн, 2001; Липатов, 1997, 2005; Deal, Kennedy, 1999). Мы использовали модель Камерона—Куинна по следующим соображениям: в ее рамках разработан наиболее мощный диагностический инструментарий, она характеризуется высокой степенью апробированности и валидности, а процедура диагностики удобна и не предполагает больших временных и энергетических затрат. Рассмотрим типы ОК, выделенные Камероном и Куинном.

1. *Клановая ОК* (тип А). Организация такого типа: а) является очень дружественным местом работы, где у людей много общего; б) по-

хожа на большую семью; в) характеризуется тем, что ее руководители воспринимаются как воспитатели и, возможно, даже как родители; г) ориентирована на осуществление внутренней интеграции благодаря преданности и традициям; д) делает акцент на высокой степени сплоченности коллектива и моральном климате; е) характеризуется пониманием успеха как позитивного отношения к клиентам и заботы о них, равно как и о своих сотрудниках; ж) поощряет участие сотрудников в бизнесе и взаимопонимание в коллективе.

2. *Адхократическая (новаторская) ОК* (тип Б). Организация такого типа: а) является динамичным, предпринимательским и творческим местом работы; б) характеризуется тем, что ее сотрудники готовы идти на риск; в) ориентирована на преданность работников экспериментированию и новаторству, поддерживаемую руководством; г) нацелена на необходимость деятельности на переднем рубеже; д) в долгосрочной перспективе направлена на рост и обретение новых ресурсов; е) характеризуется пониманием успеха как производства/предоставления уникальных и новых продуктов и/или услуг; ж) поощряет личную инициативу и свободу.

3. *Рыночная ОК* (тип В). Организация такого типа: а) ориентирована на результат; б) характеризуется тем, что ее сотрудники целеустремленны, иногда возникают ситуации конкуренции между ними; в) отличается высокой требовательностью и непоколебимостью руководства; г) связана воедино общим стремлением побеждать; д) ориентирована на репутацию и успех; е) в долгосрочной перспективе нацелена на конкурентные действия и решение конкретных задач; ж) характеризуется пониманием успеха в терминах проникновения на рынки и завоевания лидирующей позиции в своей отрасли.

4. *Иерархическая ОК* (тип Г). Организация такого типа: а) является очень формализованным и структурированным местом работы; б) предполагает строгую регламентацию работы сотрудников; в) характеризуется рациональностью и организованностью руководства и персонала; г) ориентирована на поддержание плавного хода деятельности; д) в долгосрочной перспективе нацелена на обеспечение стабильности и рентабельности выполняемых операций; е) характеризуется пониманием успеха в терминах стабильности компании и гарантии долгосрочной занятости для сотрудников.

Следует отметить, что диагностика ОК всегда базируется на опросных методиках, поэтому, по сути, является диагностикой представлений сотрудников (носителей культуры) об ОК их компании. «Организационная культура имплицитна, она живет в сознании людей. Это не что-то, что существует и может быть рассмотрено отдельно, само по себе. Компоненты организационной культуры являются впитанными социальными конструктами, социально детерминированными способами восприятия той или иной ситуации и неотделимы от их носителя», — пишет по этому

поводу английский ученый П. Бейт (Bate, 1984, p. 45). Таким образом, мы исследуем влияние интериоризированной, а не декларируемой в официальных документах, корпоративных печатных изданиях или социально желательных высказываниях ОК на процесс РКР.

Основные концепции командного позиционирования

В настоящее время существуют разнообразные подходы к позиционированию членов команд. Среди наиболее известных — концепции Р.М. Белбина и Ч. Маргерисона (Белбин, 2003а, б; Жуков, Журавлев, Павлова, 2008). В качестве методического инструментария нашего исследования была выбрана модель Белбина, которая имеет наиболее развитый и удобный в применении диагностический (опросник командных ролей) и методический аппарат и поэтому позволяет проводить эффективное позиционирование.

Белбин выделяет 8 командных ролей: практик, контролер, координатор, мотиватор, аналитик, генератор идей, гармонизатор, исследователь (искатель информации). Каждая имеет свои сильные и слабые стороны (подробнее см.: Белбин, 2003а; Жуков, Журавлев, Павлова, 2008).

Исследование взаимосвязи уровня рефлексии командной роли и организационной культуры

Цель данного исследования состояла в выявлении специфики влияния различных типов ОК на процесс и качество РКР. Объектом исследования являлась случайная выборка: 65 человек в возрасте 19—53 лет (39 женщин и 26 мужчин), работающих в компаниях с различными ОК. Гипотеза: тип ОК связан с уровнем РКР. Сотрудники, работающие в компаниях с различными ОК, отличаются друг от друга по уровню РКР.

Методики

1) Опросник командных ролей Р.М. Белбина: респондентам предлагается 7 блоков по 8 утверждений, касающихся особенностей поведения человека в команде. В каждом блоке респондент должен распределить 100 процентов между всеми утверждениями, приписывая каждому число от 0 до 100 по принципу «большой процент — большая степень согласия с утверждением».

2) Фрагмент опросника Камерона—Куинна, предназначенный для диагностики ОК компании. Данный фрагмент включает 6 блоков, каждый из которых содержит по 4 утверждения (А, Б, В и Г). Так, А представляет клановую ОК, Б — адхократическую, В — рыночную и Г — иерархическую ОК. Несмотря на то что пары утверждений А-В и Б-Г основаны на конкурентных и во многом взаимоисключающих друг друга ценностях, в реальности могут встречаться все 4 варианта сочетания (АВ, ВА, ГБ, БГ). Однако следует заметить, что большая часть этих сочетаний все же встречается довольно редко. Особенно редким является-

ся сочетание адхократической (новаторской) и иерархической культур, особенно в варианте преобладания адхократического компонента (тип БГ). Такой тип ОК практически отсутствует в реальных организациях (Камерон, Куинн, 2001). В каждом блоке опросника респондент должен распределить 100 процентов между 4 утверждениями (приписать каждому утверждению число от 0 до 100 по принципу «большой процент — большее согласие с утверждением»), причем установка дается на оценку *текущего* состояния ОК компании.

Обработка данных велась в программе SPSS for Windows 11.5.

Этапы исследования

Этап 1 — выявление представления каждого респондента о типе ОК компании, в которой он работает, при помощи фрагмента опросника Камерона—Куинна.

Этап 2 — получение объективного ролевого профиля каждого участника исследования. Респонденты заполняли опросник Белбина. Далее их ответы обрабатывались по стандартной процедуре, описанной Белбином, в результате чего получались объективные ролевые профили — ряды из 8 чисел, обозначающих выраженность каждой из 8 ролей модели Белбина в процентном соотношении и в сумме дающих 100 % (Белбин, 2003а).

Этап 3 — проведение имплицитного позиционирования. Респондентам выдавались буклеты с описанием 8 командных ролей модели Белбина (таблицы имплицитного позиционирования). Респондент должен был в соответствующих ячейках, расположенных напротив каждой роли, распределить 100 процентов (приписать каждой роли число от 0 до 100 по принципу «большой процент — большая степень согласия с описанием») по всем восьми описанным ролям в соответствии с собственными представлениями о том, какие роли он выполняет, работая в команде. В результате были получены имплицитные ролевые профили — ряды из 8 чисел, обозначающие процентное отношение, которое респондент приписывает каждой роли, и в сумме дающие 100%.

Этап 4 — сопоставление имплицитного и объективного ролевых профилей. Степень совпадения объективного и имплицитного ролевых профилей является индикатором уровня РКР (обоснование см. ниже). Для определения этого уровня по каждому испытуемому подсчитывался коэффициент корреляции Пирсона между двумя рядами чисел, описывающими названные профили.

Этап 5 — присвоение каждому респонденту одного из пяти уровней РКР на основе полученного ранее коэффициента корреляции (r), характеризующего связь объективного и имплицитного ролевых профилей. Уровень 0 — r отрицательный; уровень 1 — $0.00 < r \leq 0.25$; уровень 2 — $0.25 < r \leq 0.50$; уровень 3 — $0.50 < r \leq 0.75$; уровень 4 (наивысший) — $r > 0.75$.

Этап 6 — выявление взаимосвязи между уровнем РКР и особенностями ОК. Для этого были подсчитаны средние уровни РКР в каждой ОК.

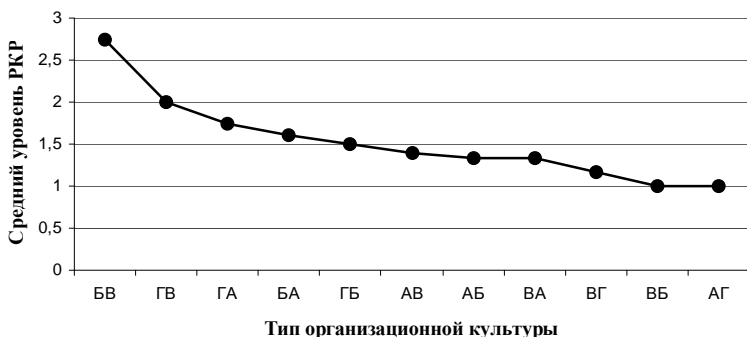
Обработка

В результате диагностики представлений 65 респондентов об ОК их компаний было установлено, что тип ОК, приписываемый респондентом своей компании, определяется как совокупность двух наиболее выраженных вариантов ценностей, предложенных в модели Камерона—Куинна (А, Б, В, Г). Причем первый вариант, указанный в буквосочетании, описывающем ту или иную ОК, является доминирующим. Так, например, БВ — это адхократически-рыночная культура с преобладанием адхократического компонента, а ВБ — это рыночно-адхократическая культура с преобладанием рыночного компонента.

Используя рассчитанные коэффициенты корреляции между объективными и имплицитными ролевыми профилями респондентов, мы определили различия между ОК по критерию успешности (среднему уровню) протекания в них процесса РКР. Для этого представили каждый из пяти выделенных нами уровней в виде баллов. Нулевой уровень — 0 баллов, первый уровень — 1 балл и т.д.). В результате каждому из респондентов можно было приписать два параметра — тип ОК компании, в которой он работает, и балл по РКР. Наиболее успешной будет считаться ОК с наивысшим средним баллом по РКР. Для подсчета среднего балла в каждой ОК использовались два показателя — общий накопленный балл РКР и количество участников исследования, являющихся носителями данной ОК. Средний балл получается путем деления первого показателя на второй. Такая процедура позволяет сравнивать показатели успешности РКР в разных по количеству респондентов группах, выделенных по критерию принадлежности к той или иной ОК.

**Таблица для расчета среднего уровня рефлексии командной роли (РКР)
в разных типах организационных культур (ОК)**

Тип ОК	Кол-во респондентов	Кол-во респондентов, получивших тот или иной балл РКР					Накопленный балл РКР
		0	1	2	3	4	
АБ	21	7	4	7	2	1	28
АВ	5	2	1	0	2	0	7
АГ	2	1	0	1	0	0	2
БА	5	2	0	2	0	1	8
БВ	4	0	0	2	1	1	11
ВА	3	1	0	2	0	0	4
ВБ	7	2	4	0	1	0	7
ВГ	6	1	3	2	0	0	7
ГА	4	1	1	1	0	1	7
ГБ	2	1	0	0	1	0	3
ГВ	6	0	2	2	2	0	12

Взаимосвязь среднего уровня рефлексии командной роли (РКР) и типа организационной культуры (ОК). Условные обозначения типов ОК: БВ — адхократически-рыночная; ГВ — иерархически-рыночная; ГА — иерархически-клановая; БА — адхократически-клановая, ГБ — иерархически-адхократическая, АВ — кланово-рыночная, АБ — кланово-адхократическая, ВА — рыночно-клановая, ВГ — рыночно-иерархическая, ВБ — рыночно-адхократическая, АГ — кланово-иерархическая

Результаты

Данные, использованные для подсчета накопленного балла РКР, приведены в таблице. Тип БГ отсутствует, поскольку, как уже было сказано выше, данный тип встречается в реальных организациях крайне редко, и даже на довольно больших выборках маловероятно, что набралась бы группа его носителей. Поэтому представляется возможным исключить тип БГ из рассмотрения в рамках данной работы, тем более что в нашей выборке он не встретился ни разу.

На рисунке, где отражены взаимосвязи среднего уровня РКР с типом ОК, видно, что в различных ОК средний уровень РКР значительно различается, а также то, что наиболее способствующей успешному протеканию процесса РКР является адхократически-рыночная ОК. Такой результат представляется нам неслучайным, поскольку именно в адхократически-рыночной ОК от сотрудников требуется наиболее четкое понимание своего места в команде. Данная ОК как никакая другая ориентирована на новаторство и творчество, разработку оригинальных продуктов, обретение конкурентного преимущества. Достижение этих целей невозможно без наличия синергетического эффекта, способности делать большее меньшими силами, т.е. без развитых принципов командной работы и продуманного позиционирования участников, которое в свою очередь не будет успешным, если у команды отсутствуют необходимые для этого рефлексивные средства.

Итак, наши данные подтвердили заявленную в исследовании гипотезу: в различных ОК степень успешности РКР также различна.

Заключение

Нам представляется, что степень совпадения объективного и имплицитного ролевых профилей является надежным критерием выявления уровней РКР по следующим соображениям. РКР можно рассматривать как часть более обширного конструкта под названием «Я-концепция» или «Образ-Я» (Батаршев, 2003). Данный конструкт состоит из трех компонентов: когнитивного, эмоционального и конативного (поведенческого). Соответственно и рефлексия командного профиля может рассматриваться как трехчастный психологический конструкт. Для того чтобы заключить, что тот или иной человек обладает высоким уровнем РКР, необходимо в первую очередь убедиться в том, что когнитивный и поведенческий аспекты его командно-ролевой самокатегоризации имеют высокую степень связанности. На наш взгляд, удобным и обоснованным средством операционализации когнитивного и конативного компонентов РКР являются опросник и ролевая модель Белбина. Так, заполняя опросник Белбина, в результате чего получается объективный ролевой профиль, респондент тем самым осуществляет самокатегоризацию в терминах поведенческих паттернов (ведь утверждения опросника Белбина — это не что иное, как набор паттернов поведения человека, работающего в команде). Поэтому заполнение опросника Белбина отражает конативный компонент РКР. Соответственно, заполняя таблицу имплицитного позиционирования, респондент осуществляет когнитивную самокатегоризацию и имеет дело с целостными конструктами ролей, а не с отдельными поведенческими паттернами, где ему неизвестно, к какой роли какой поведенческий паттерн относится, что отражает когнитивный компонент РКР. Именно поэтому в настоящей работе мы использовали данный критерий как принцип выделения уровней РКР.

Мы полагаем, что развитию умения рефлексировать командную роль могут способствовать специально организованные социально-психологические тренинги, разрабатываемые с учетом особенностей той или иной ОК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батаршев А.В.* Личность делового человека: Социально-психологический аспект. М., 2003.
- Белбин Р.М.* Команды менеджеров. Секреты успеха и причины неудач / Пер. с англ. М., 2003а.
- Белбин Р.М.* Типы ролей в командах менеджеров / Пер. с англ. М., 2003б.
- Донцов А.И., Дубовская Е.М., Жуков Ю.М.* Группа—коллектив—команда. Модели группового развития // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002. С. 96—115.
- Жуков Ю.М., Журавлев А.В., Павлова Е.Н.* Технологии командообразования. М., 2008.

Иванов М.А., Шустерман Д.М. Организация как ваш инструмент: Российский менталитет и практика бизнеса. 3-е изд. М., 2006.

Камерон К.С., Куинн Р.Э. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. СПб., 2001.

Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: Учеб. пособие для вузов. М., 2001.

Курс МВА по менеджменту / Под ред. А.Р. Коэна / Пер. с англ. 4-е изд. М., 2007.

Липатов С.А. Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1997. № 4. С. 55—65.

Липатов С.А. Опросник «Шкалы организационных парадигм» Л.Л. Константина // Журн. практ. психолога. 2005. № 2. С. 186—198.

Методы практической социальной психологии: Диагностика. Консультирование. Тренинг. (Учеб. пособие для вузов) / Под ред. Ю.М. Жукова. М., 2004.

Организационное поведение: Учебник для вузов / Под ред. Г. Р. Латфуллина, О.Н. Громовой. СПб., 2006.

Павлова Е.Н., Журавлев А.В. Технологии командообразования // Социальная психология: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов / Под. ред. Т.В. Фоломеевой. М., 2006. С. 293—323.

Уайтли Ф. Мотивация / Пер. с англ. М., 2005.

Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство: построение, эволюция, совершенствование / Пер. с англ. СПб., 2002.

Bate P. The impact of organizational culture on approaches to organizational problem-solving // *Organizat. Stud.* 1984. Vol. 5. N 1. P. 43—66.

Deal T.E., Kennedy A.A. The new corporate cultures: Revitalizing the workplace after downsizing, mergers and reengineering. N.Y., 1999.

Maxwell J.C. The 17 essential qualities of a team player: Becoming the kind of person every team wants. Nashville, TN, 2002.

Parker G.M. Team players and teamwork. San Francisco, 1996.

Sinclair A. The tyranny of a team ideology // *Organizat. Stud.* 1992. Vol. 13. N 4. P. 611—626.

Statt D.A. Psychology and the world of work. N.Y., 1994.

Warr P., Bunce D. Trainee characteristics and the outcomes of open learning // *Personnel Psychol.* 1995. Vol. 48. Iss. 2. P. 347—375.

Поступила в редакцию
12.05.09

МЕТОДИКА

И. А. Дегтяренко, И. В. Бурмистров, А. Б. Леонова

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРФЕЙСОМ ИНТЕРНЕТ-САЙТА

Удовлетворенность пользователей является важной характеристикой качества программных продуктов, в частности интернет-сайтов. Существенным препятствием в эмпирических исследованиях удовлетворенности является отсутствие общепринятых методических средств ее оценки. В статье представлены результаты разработки новой психодиагностической методики, пригодной для использования в этих целях. Она представляет собой стандартизированный и хорошо сбалансированный по составу тест-опросник, обладающий высокой внутренней согласованностью и дифференцирующей чувствительностью. Использование этой методики обеспечивает получение многокомпонентной оценки удовлетворенности пользователя как основы для более эргономичного дизайна интерфейса интернет-сайтов.

Ключевые слова: пользовательский интерфейс, юзабилити интернет-сайтов, удовлетворенность пользователей, эргономическая оценка программных продуктов.

User satisfaction is one of the key characteristics of software products including the web-sites' quality. An absence of generally accepted instruments for evaluation of the user satisfaction creates a significant impediment for empirical studies on usability of software products. In the paper there are discussed the results of elaboration of a new psychodiagnostic tool that can be used for these purposes. It is presented in the form of a standardized questionnaire with well-balanced content, high internal consistency and differential sensitivity. The instrument provides a multidimensional evaluation of user satisfaction as a way for ergonomic redesign of a web-site interface.

Key words: user interface, web-site usability, user satisfaction, ergonomic evaluation of software products.

Дегтяренко Иван Александрович — аспирант кафедры психологии труда и инженерной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* idegtiarenko@acm.org

Бурмистров Иван Викторович — науч. сотр. лаборатории психологии труда ф-та психологии МГУ. *E-mail:* ivan@interUX.com

Леонова Анна Борисовна — докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией психологии труда ф-та психологии МГУ. *E-mail:* ableonova@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 08-06-00284а).

Эргономическое проектирование информационных систем и программных средств относится к числу наиболее перспективных направлений исследований в современной инженерной психологии и психологии труда (Мунипов, Зинченко, 2001; Тидвелл, 2008). Традиционно эргономичность *программного продукта* (ПП) оценивается на основе таких показателей, как результативность, производительность и удовлетворенность пользователя при работе с ним (ISO..., 1998). Однако если первые два критерия достаточно четко операционализированы и описаны в специальной литературе, то единое понимание природы удовлетворенности ПП, ее детерминант и адекватных методов исследования пока еще не сложилось (Lindgaard, Dudek, 2003). Отсутствуют также и конкретные методики оценки удовлетворенности пользователей интернет-сайтов, хотя работа по проектированию последних является в настоящее время наиболее актуальной и востребованной, что определяется расширением круга пользователей Интернета во всем мире за последние годы. Так, если к концу 2007 г. им регулярно пользовались около 20% населения Земли, то в начале 2009 г. эта цифра возросла до 23.8%, а, по прогнозам, к концу этого года к Интернету будет обращаться каждый 4-й житель планеты. При этом эксперты отмечают, что две трети пользователей (66.8%) посещают различные социальные сети и блогговые системы, т.е. активно работают с интерфейсами соответствующих интернет-сайтов (Cox, Fisher, 2004). Поэтому проблема оценки удовлетворенности и удобства работы с ПП такого типа становится центральной не только для специалистов по «человеческому фактору», но и для производителей и маркетологов (Нильсен, Лоранжер, 2007).

Удовлетворенность средством или продуктом труда, т.е. высокая «субъективная оценка его качества» (Большой..., 2006, с. 555), отражает личностное отношение к нему пользователя. Оно формируется на основании предшествующего опыта взаимодействия человека с определенным объектом, в ходе которого у него неоднократно возникали состояния комфорта и чувство удовлетворения. В свою очередь термин «удовлетворение» можно определить как «чувство того, кто доволен исполнением своих стремлений, желаний, потребностей» (Ожегов, Шведова, 1999, с. 827). Таким образом, в содержательном плане удовлетворенность проявляется в комплексе позитивно окрашенных эмоционально-потребностных переживаний.

В работах по психологии мотивации (Хекхаузен, 2003), как и в сфере исследований взаимодействия человека с компьютером и юзабилити-инженерии (Бурмистров, Бельшкин, 2005; Cox, Fisher, 2004; Lindgaard, Dudek, 2003), подчеркивается принципиально важная роль ожиданий, личностных диспозиций и предпочтений субъекта в процессе возникновения разных видов эмоциональных состояний. Так, Х. Хекхаузен, цитируя мнение Д. Мак-Клелланда и соавт., пишет: «Определенные стимулы, или ситуации, вызывающие рассогласования между ожида-

ниями и восприятием, служат источниками первичного, ненаучаемого аффекта, который по своей природе либо позитивен, либо негативен» (Хекхаузен, 2003, с. 78). Центральным психологическим конструктом, позволяющим анализировать особенности отражения объекта (предмета, события или ситуации) через призму отношения к нему субъекта, является понятие *образа* (Ломов, 2006; Lazarus, 1991). Последний, по определению А.Н. Леонтьева (2004), является «предметным», «константным» и «пристрастным».

Опора на эти положения применительно к решению прикладных задач — в частности, эргономического проектирования интерфейсов — означает, что ключевую роль в понимании удовлетворенности ПП должны играть реконструкция *образа конкретного продукта*, с которым имеет дело пользователь, и учет его представлений об оптимальном продукте той же категории (Ломов, 2006; Мунипов, Зинченко, 2001). Поэтому для того, чтобы исследовать удовлетворенность ПП, необходимо провести разработку адекватных методических инструментов, позволяющих дать содержательную характеристику сложившегося у пользователя образа-представления об оцениваемом объекте с учетом его структурного состава. К числу основных компонентов такого образа-представления ПП можно отнести: ментальную репрезентацию, или собственно образ объекта («Что из себя представляет ПП в зависимости от его соответствия потребностям пользователя?»); образ результата («Чего можно достичь с помощью использования этого объекта?»); образ действий («Каким способом может быть получен ожидаемый результат?»).

Образ объекта характеризуется местом ПП в категориальном пространстве сходного круга явлений и их признаков, которые задействуются при восприятии информационных систем с учетом опыта, знаний, личных пристрастий и других индивидуальных характеристик пользователя. Образ результата и образ действий представляют собой целевой и операциональный аспекты «ментальной» программы действий, на основе которой собственно и организуется деятельность пользователя (Ломов, 2006; Павлов, 2007). При этом соответствие или несоответствие образов результата и действий реальному положению дел по механизму обратной связи влияет на трансформацию образа объекта. Наряду с этим ментальная репрезентация (или собственно образ объекта) дает возможность пользователю сформировать некий «прототипный» вариант образа результата и образа действий даже по отношению к неизвестному ему ПП. Так, например, опытный пользователь Интернета обычно легко догадывается, как начать работать на совершенно незнакомом сайте. Это происходит благодаря тому, что «новый» сайт находит определенное место в уже сформировавшемся у него категориальном пространстве представлений о данном классе ПП. Другими словами, в процессе регуляции деятельности все выделенные

компоненты образа-представления ПП взаимодействуют между собой. Поэтому мы полагаем, что для более полного и содержательно емкого анализа удовлетворенности пользователя работой с компьютеризованными средствами деятельности необходимо уделить специальное внимание реконструкции состава и структурных взаимосвязей между выделенными компонентами образа-представления ПП.

Непосредственная цель нашего исследования — подготовка рабочей версии структурированной и достаточно компактной методики для оценки удовлетворенности пользователей работой с конкретным интернет-сайтом. Методика предназначалась для проведения массовых дистанционных обследований, что предполагало ее реализацию в форме стандартизованного тест-опросника. Разработка такого психодиагностического инструмента включала решение следующих задач: (1) подбор релевантного вербального материала для создания предварительного варианта методики; (2) выделение основных компонентов в структуре субъективных оценок интернет-сайта; (3) определение состава основных шкал тест-опросника и формирование рабочего варианта методики; (4) предварительная оценка психометрических качеств и диагностической пригодности подготовленного варианта методики.

Подготовка предварительного варианта методики

Процедура подбора вербального материала. Для отбора информативных признаков, которые могли быть включены в состав предварительного варианта методики, был подготовлен априорно избыточный массив вербальных формулировок, характеризующих различные аспекты отношения пользователей к интернет-сайтам. В этот массив вошло 400 простых высказываний, подобранных на основании следующих источников: 1) авторский перевод пунктов ряда англоязычных опросников, предназначенных для оценки удовлетворенности пользователей различными типами интерфейсов: WAMMI (Kirakowski et al., 1998), CSUQ (Lewis, 1995), SUS (Brooke, 1996), USE (Lund, 2001); 2) вербальные формулировки личностных конструкторов, полученные в исследовании Д.О. Павлова¹ по оценке удобства работы с электронными устройствами и компьютерными программами с помощью методики репертуарных решеток Дж. Келли и любезно предоставленные автором для проведения нашего исследования; 3) наиболее частотные высказывания, выделенные нами при анализе результатов предварительных бесед с разными категориями пользователей Интернета.

Избыточный перечень утверждений подвергался многоступенчатой процедуре лексического и семантического отбора: (а) исключение идентичных формулировок и повторов, отличающихся несуществен-

¹ См.: Павлов Д.О. Удовлетворенность пользователя при человеко-ориентированном подходе к проектированию технических устройств. Дипл. работа. СПбГУ, 2007.

ными для общего смысла словами; (б) проведение предварительной сортировки пунктов на сходные по семантике группы с последующим выделением в каждой из них наиболее удачных вербальных формулировок; (в) исключение из списка разговорных оборотов, жаргона, сокращенных высказываний. В результате первоначально подготовленный список был сокращен до 136 пунктов. В качестве примеров включенных в него пунктов можно привести следующие высказывания: «Справочная информация на сайте понятна», «Я бы с удовольствием порекомендовал этот сайт другу», «Я могу решить ту же самую задачу, не прибегая к помощи данного сайта» и пр.

Экспертная оценка избыточного перечня высказываний. Исходя из того, что цель работы заключалась в создании достаточно компактной методики для оценки удовлетворенности интернет-сайтом (включающей не более 25—30 пунктов), составленный избыточный перечень высказываний требовал дальнейшего сокращения². Для этого был проведен экспертный опрос, к участию в котором привлекались лица разной квалификации — профессиональные разработчики интерфейсов, специалисты по созданию диагностических тестов, а также рядовые пользователи с достаточным опытом работы с Интернетом (всего 23 чел.).

Процедура экспертного оценивания включала 3 этапа. На первом этапе (10 экспертов) применялась методика свободной сортировки (Петренко, 2005). Участники классифицировали карточки с высказываниями, раскладывая их в группы и подгруппы. На основе обработки данных, проведенной с помощью иерархического кластерного анализа по методу полной связи, были выделены 38 кластеров, при этом 39 высказываний не вошли в состав ни одного из кластеров.

На втором этапе (12 экспертов) был проведен опрос, в ходе которого эксперты выбирали внутри каждого кластера высказывания, с их точки зрения имеющие наибольшую диагностическую ценность. По результатам частотного анализа этих данных в перечне было оставлено 81 высказывание.

На третьем этапе (6 экспертов) применялась методика субъективного шкалирования каждого из этих высказываний по двум критериям: важности/уместности высказывания и четкости формулировки. На основании полученных суммарных оценок по всей группе экспертов было отобрано 51 высказывание.

Отметим, что согласованность ответов экспертов, полученных на последнем этапе отбора релевантных пунктов, оценивалась по показателям коэффициента конгруэнтности между индивидуальным профилем

² Согласно рекомендациям, приводимым в психометрической литературе (Nunnally, 1978), список пунктов до проведения факторного анализа должен быть в 1.5—2 раза больше конечного варианта методик, т.е. включать 45—60 утверждений.

ответов эксперта и усредненным профилем оценок по всей группе. Значения этих показателей варьировались в диапазоне от 54 до 80% (в среднем — 66%), что говорит о достаточно высокой степени согласованности данных. Коэффициент корреляции Спирмена между оценками по двум выделенным критериям составил 0.608 ($p < 0.001$). Полученные результаты подтверждают, что перечень из отобранных 51 высказываний является полноценной основой для его дальнейшего использования в качестве предварительного варианта методики.

Факторная структура оценок удовлетворенности интернет-сайтом

Выделение обобщенных компонентов в структуре частных оценок удовлетворенности интернет-сайтом осуществлялось на основе факторного анализа большого массива данных, собранного по результатам специально организованного интерактивного опроса. Лицам, регулярно пользующимся Интернетом, предлагалось принять участие в исследовании по оценке их отношения к различным аспектам работы с интернет-сайтами. В случае согласия потенциальные респонденты должны были выбрать из заранее подготовленного списка сайтов те, с которыми они чаще всего работают, и оценить каждый по всему набору пунктов, включенных в состав предварительного варианта методики.

Материалы и процедура проведения исследования. В список было включено 18 достаточно известных интернет-сайтов, по тематике относящихся к следующим категориям: (1) электронная почта («Mail.ru», «Mail.Yandex.ru», «Gmail.com»); (2) социальные сети («В контакте», «Одноклассники», «Facebook.com»); (3) деловые социальные сети («Мой круг»; «LinkedIn.com»); (4) онлайн-дневники («Живой журнал», «Блоги@Mail.ru», «Liveinternet.ru», «Nabrahabr.ru»); (5) энциклопедия («Wikipedia.org»); (6) информационные порталы («Росбизнесконсалтинг», «Auto.ru»); (7) тематические коллекции и хранилища файлов — музыки, видеороликов и др. («Last.fm», «YouTube.com», «RapidShare.com»). Каждый из участников исследования мог выбрать из предложенного списка произвольное количество сайтов, причем в дальнейшем каждый из них оценивался отдельно.

Опрос проводился путем заполнения респондентами бланка предварительного варианта методики, размещенного на специально организованной интернет-странице. Формат страницы включал инструкцию для участника исследования, поля для ввода его имени и дополнительной информации, а также полный перечень пунктов предварительного варианта методики (51 высказывание), расположенных в случайном порядке. В ответах респонденты отмечали степень своего согласия/несогласия с каждым утверждением, используя 7-балльную оценочную шкалу. Для этого рядом с каждым высказыванием располагалось семь элементов управления типа «радиокнопка», пронумерованных от 1 до 7

и соответствующих следующим градациям: «1» — «категорически несогласен», «4» — «затрудняюсь с ответом», «7» — «полностью согласен». Выбор такой процедуры шкалирования определялся принятыми в современной психодиагностике правилами, согласно которым использование прямых 7-балльных шкал обеспечивает достаточную надежность и минимизирует смещение субъективных оценок в сторону завышения, как это бывает в случае применения пяти оценочных градаций или биполярных шкал, — от «-3» до «+3» баллов (см.: Schwarz et al., 2001).

Приняв приглашение к участию в исследовании, респонденты знакомились с вводной инструкцией, а затем заполняли анкету, содержащую ряд вопросов социально-демографического характера (указывая, в частности, свой пол, возраст, опыт работы в Интернете и частоту его использования). После этого они переходили к работе с основной частью интернет-страницы, содержащей опросный бланк методики с конкретной инструкцией по его заполнению, и оценивали один из выбранных им сайтов. Закончив работу, участники исследования имели возможность перейти к оценке следующего сайта. Время на заполнение опросника не ограничивалось.

Участники исследования и подготовка банка данных. Всего в опросе приняли участие 138 человек (73 женщины и 65 мужчин) в возрасте 16—54 лет (средний возраст — 23.77 года). В выборку вошли активные пользователи Интернета, обращающиеся к нему не менее 1 раза в день³. Каждый участник оценил от 1 до 13 сайтов, что в сумме составило 340 заполненных бланков опросника. Незначительная часть из них была исключена в дальнейшем из рассмотрения вследствие наличия многочисленных выбросов частных оценок при подсчете расстояний Махаланобиса (значения >88.0, что превышает критическую величину χ^2 для $p=0.001$, $df=51$). В конечном итоге для проведения дальнейшего статистического анализа использовался банк данных, составленный на основе 319 заполненных бланков опросника. Обработка результатов осуществлялась с помощью стандартного пакета статистических программ SPSS for Windows 13.0.

Результаты факторного анализа данных. Предварительный анализ собранного массива данных показал, что согласно коэффициенту корреляции Пирсона оценки по каждому пункту опросника имеют достоверные связи не менее чем с одним ($r \geq 0.4$) и несколькими другими ($r \geq 0.3$) пунктами. По критерию Бартлетта матрица корреляций значимо отличается от единичной ($\chi^2=10.688$, $p < 0.001$), а значение статистики Кайзера—Мейера—Олкина составляет 0.956. Показатели критерия

³ По этому показателю выборка является репрезентативной для широкого круга потенциальных респондентов, так как, по данным Фонда общественного мнения, в Центральном и Северо-Западном округах России более половины всей совокупности пользователей посещают Интернет ежедневно (ФОМ, 2007).

выборочной адекватности для отдельных пунктов также находятся в диапазоне высоких значений (от 0.869 до 0.981). Приведенные статистические характеристики свидетельствуют о том, что собранный массив данных достаточен для проведения факторного анализа. Кроме того, семь пунктов, входящих в состав предварительного варианта опросника, были исключены из дальнейшего рассмотрения, так как для них было обнаружено наличие корреляций с другими пунктами с предельно высоким уровнем значимости ($r \geq 0.75$, $p < 0.001$).

Факторизация всего массива данных, проведенная с помощью метода главных компонент параллельно (а) с использованием Varimax-вращения и (б) с использованием косоугольного вращения методом Direct Quartimin, позволила получить содержательно сходные результаты и выделить устойчивую 4-факторную структуру пунктов опросника, описывающую 60.3% общей дисперсии. Для дальнейшего анализа была применена более простая факторная структура, полученная с использованием вращения Direct Quartimin (табл. 1).

Выделенные факторы хорошо дифференцируются по составу пунктов опросника, получивших максимальные нагрузки. На уровне качественного анализа различия между факторами легко проинтерпретировать как относящиеся к разным аспектам удовлетворенности работой с интернет-сайтом. Так, наиболее мощный фактор 1 объединяет пункты, характеризующие степень надежности, отсутствия сбоев/затруднений и

Таблица 1

Факторная структура пунктов предварительного варианта методики

Факторы	Примеры пунктов с максимальной факторной нагрузкой
1-й фактор «Эффективность» Факторный вес: 11.5	Этот сайт часто работает некорректно (-0.832) На сайте отсутствуют некоторые из нужных мне функций (-0.720) Сайт заставляет совершать много лишних действий (-0.618) При работе с сайтом возникают трудности (-0.596)
2-й фактор «Простота использования» Факторный вес: 12.1	Мне было просто понять, как работать с сайтом (0.888) По внешнему виду сайта легко понять, как выполнить какое-либо действие (0.745) Все действия, выполняемые на сайте, для меня привычны и знакомы (0.744)
3-й фактор «Полезность» Факторный вес: 10.1	Этот сайт нужен мне для работы (0.952) Сайт экономит мое время (0.837) Предоставляемая сайтом информация хорошо помогает в решении моих задач (0.796)
4-й фактор «Эмоциональная привлекательность» Факторный вес: 10.6	Этот сайт помогает мне развлечься и расслабиться (0.884) Мне интересно пользоваться этим сайтом (0.801) Данный сайт весьма оригинален (0.664)

оптимальности функциональных взаимодействий, обеспечивающих *эффективность работы* пользователя с сайтом. Фактор 2 включает оценки легкости, понятности и доступности овладения действиями, которые необходимы для работы с сайтом, что можно интерпретировать как *простоту* его использования. Фактор 3 содержит пункты, указывающие на ценность результатов, достигаемых при работе с сайтом (экономия времени, ресурсов, помощь при решении значимых для пользователя задач), т.е. на *полезность* сайта. В фактор 4 входят различные аффективно окрашенные оценки, характеризующие возможность удовлетворения различных потребностей и интересов пользователя при работе с сайтом, или его *эмоциональную привлекательность*. Таким образом, описанная факторная структура позволяет выделить различные смысловые блоки в списке утверждений, включенных в предварительный вариант методики, что создает основу для подготовки ее более компактной и структурированной версии.

Рабочий вариант методики оценки удовлетворенности интернет-сайтом

Процедура подготовки рабочего варианта методики состояла в выделении *основных шкал* опросника, соответствующих составу описанной четырехфакторной структуры, и отбора наиболее *информативных утверждений* по каждой из них. Выбор осуществлялся по величине факторной нагрузки отдельных пунктов (не менее 0.4) и отсутствию отрицательного вклада в общий показатель надежности-однородности соответствующей шкалы (по критерию α -Кронбаха). В результате из предварительного перечня утверждений было отобрано 25 пунктов, по количеству равномерно распределенных между шкалами методики. При этом на основе повторной факторизации в составе первой шкалы было выделено две субшкалы, характеризующие разные аспекты субъективной оценки эффективности работы с сайтом («надежность» и «функциональность»). Ниже в более подробном виде дано описание структуры и состава подготовленного рабочего варианта методики. В скобках указаны факторные нагрузки.

Шкала 1. «Эффективность»

Субшкала 1a — «Надежность»: «Сайт работает стабильно» (0.508); «Этот сайт подводит меня в важный момент» (-0.790); «Этот сайт часто работает некорректно» (-0.832); «При работе с сайтом возникают трудности» (-0.596).

Субшкала 1б — «Функциональность»: «Сайт устраивает меня такой, как есть, не требуя каких-то изменений или настройки» (0.437); «Некоторые особенности сайта меня раздражают» (-0.536); «Сайт заставляет совершать много лишних действий» (-0.618); «Сайт обладает всеми функциями, которые я от него ожидал, и вполне удовлетворяет всем моим нуждам» (0.426); «На сайте отсутствуют некоторые полезные

функции, к которым я привык, используя другие сайты» (–0.578); «На сайте отсутствуют некоторые из нужных мне функций» (–0.720).

Шкала 2. «Простота использования»

«По внешнему виду сайта легко понять, как выполнять какое-то действие» (0.745); «Все действия, выполняемые на сайте, для меня привычны и знакомы» (0.744); «Пользоваться сайтом легко» (0.667); «Информация на сайте легка для понимания» (0.713); «Мне было просто понять, как работать с сайтом» (0.888).

Шкала 3. «Полезность»

«Сайт экономит мое время» (0.837); «Сайт позволяет достигать целей с меньшими затратами» (0.718); «Этот сайт необходим для повседневного использования» (0.767); «Предоставляемая сайтом информация хорошо помогает при решении моих задач» (0.796); «Этот сайт нужен мне для работы» (0.952).

Шкала 4. «Эмоциональная привлекательность»

«Этот сайт для меня привлекателен» (0.585); «Данный сайт весьма оригинален» (0.664); «Мне интересно пользоваться сайтом» (0.801); «На сайте есть много интересной для меня информации» (0.751); «Этот сайт помогает мне развлечься и расслабиться» (0.884).

По составу отобранных пунктов выделенные шкалы обладают достаточно высокой внутренней согласованностью: показатели надежности-однородности по каждой из них, рассчитанные по коэффициенту α -Кронбаха, варьируются в диапазоне от 0.817 до 0.892. Для получения других важных психометрических характеристик методики (ретестовой надежности и различных оценок валидности) необходимо проведение дополнительных исследований.

Оценка дифференцирующей чувствительности методики

Подтверждением диагностической пригодности рабочего варианта методики могут служить результаты сравнительного анализа по уже собранному массиву эмпирических данных, в частности связанному с определением различий между субъективными оценками сайтов, имеющих разную степень популярности у пользователей Интернета. Внешними критериями пользовательских предпочтений являются частота обращений к разным сайтам одинаковой целевой направленности, а также темп роста аудитории сайта (косвенные индикаторы степени удовлетворенности и удобства работы с ним). Поэтому можно предположить, что если подготовленный рабочий вариант методики обладает достаточной дифференцирующей чувствительностью, то показатели по основным ее шкалам будут существенно различаться при оценке сайтов, имеющих разные показатели роста аудитории.

Это предположение в целом подтвердилось результатами дисперсионного анализа, проведенного по всему массиву эмпирических данных. В качестве независимых переменных использовались дихотомическая

оценка размера аудитории сайта и дихотомическая оценка темпов роста аудитории. Для этого сайты, предварительно оцененные на основе доступной в Интернете информации, были подразделены на две группы по размеру аудитории: (1) наиболее популярные в своей тематической категории и (2) менее популярные. Таким же образом сайты были разделены по темпам роста аудитории на: (1) сайты, аудитория которых растет существенно быстрее общей аудитории Интернета (более 25% за первые три квартала 2009 г.) и (2) сайты, аудитория которых растет более медленными темпами (менее 15%) либо не растет вовсе. Далее по каждому из этих факторов независимо, с помощью однофакторной модели ANOVA ($df=1/230$ и $df=1/216$ соответственно для первой и второй переменной) проводилась оценка значимости различий отдельно по четырем основным показателям рабочего варианта методики. При этом была обнаружена разница между наиболее и менее посещаемыми сайтами по следующим шкалам: «Эффективность» ($p<0.05$), «Простота использования» ($p<0.01$), «Эмоциональная привлекательность» ($p<0.01$). Еще более четко видна разница между сайтами с высокими и низкими темпами роста аудитории: в данном случае обнаружены статистически достоверные различия по всем шкалам методики: «Эффективность», «Полезность», «Эмоциональная привлекательность» ($p<0.001$), «Простота использования» ($p<0.01$).

Кроме того, данные о дифференцирующей чувствительности методики проявляются при выборочном сравнении внутри одной категории сайтов, характеризующихся разной степенью популярности у пользователей. В качестве примеров в табл. 2 приведены результаты попарных сравнений сайтов идентичного целевого назначения, но существенно различающихся по частоте обращения к ним либо по темпам прироста аудитории. Отметим, что для проведения такого анализа были выбраны сайты, хорошо знакомые и широко востребованные массовым пользователем: электронная почта, социальные сети, онлайн-дневники. Полученные данные показывают, что в большинстве случаев оценки удовлетворенности работой с более перспективными сайтами, имеющими высокие темпы прироста аудитории (по сравнению с менее перспективными), достоверно сдвинуты в сторону более выраженных позитивных значений по основным показателям методики. Так, при сравнении служб электронной почты социальных сетей только в одном случае — при сравнении почтовых служб «Gmail.com» и «Mail.Yandex.ru» — отсутствуют значимые различия по показателю «простота использования». Статистически достоверных обратных по направлению сдвигов не обнаружено ни в одном из проведенных сравнений. Данные о достоверно более выраженных позитивных оценках сайтов, завоевывающих максимальную популярность, хорошо согласуются с независимыми свидетельствами их удобства и комфортности для широкого круга пользователей. Так, на данный момент «Gmail.com» является не самым популярным сайтом

Значимость различий в оценках удовлетворенности работой с сайтами одной категории, различающимися частотой обращения к ним пользователей.

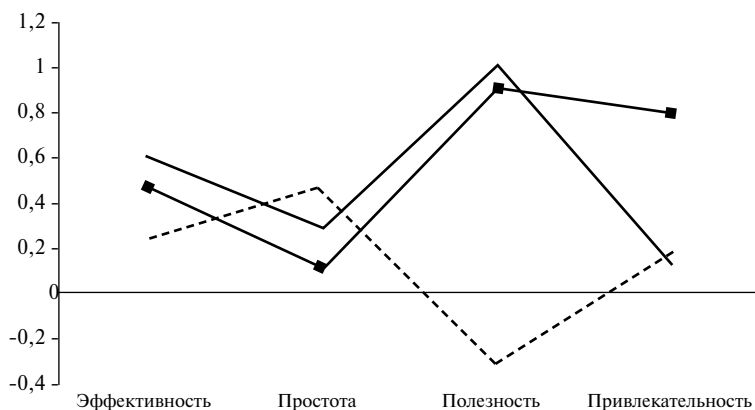
Приводятся результаты сравнений по непараметрическому критерию Манна—Уитни; средние оценки показателей по основным шкалам методики представлены в z-значениях

Показатели по шкалам методики	Средние оценки		Достоверность различий	
	Высокочастотные сайты	Менее частотные сайты	Z	p
Электронная почта				
	«Gmail.com»	«Mail.Yandex.ru»		
Недельная аудитория в России	≈500 000 чел.***	5 939 700 чел.*		
Прирост аудитории	35%****	15%**		
Эффективность	0.60	-0.12	-2.65	<0.01
Простота	0.29	0.20	-0.32	нет
Полезность	1.00	0.42	-2.54	<0.01
Привлекательность	0.12	-0.60	-2.56	<0.01
Социальные сети				
	«В контакте»	«Одноклассники»		
Недельная аудитория	12 650 800 чел.*	9 421 200 чел.*		
Прирост аудитории	19%**	-3%**		
Эффективность	0.24	-1.15	-5.82	<0.001
Простота	0.47	-0.65	-4.89	<0.001
Полезность	-0.31	-1.05	-4.22	<0.001
Привлекательность	0.18	-0.90	-4.71	<0.001
Интернет-дневники				
	«LiveInternet.ru»	«Живой Журнал»		
Недельная аудитория в России	2 053 200 чел.*	4 157 700 чел.*		
Прирост аудитории	25%**	13%**		
Эффективность	-0.10	-0.33	-0.22	нет
Простота	0.12	-0.66	-0.83	нет
Полезность	-0.73	-0.33	-1.22	нет
Привлекательность	-0.35	0.56	-1.23	нет

Примечание. * — Данные TNS Web Index за сентябрь 2009; ** — результаты сравнения данных TNS Web Index за февраль и сентябрь 2009; *** — приблизительная оценка, полученная за счет усреднения результатов расчета аудитории с использованием различных подходов; **** — по данным компании comScore.

электронной почты, но современная и компактная организация позволяет ему быть самой быстрорастущей почтовой службой на мировом рынке, обгоняющей по темпам роста более привычные сайты «Mail.Yandex.ru» и «Mail.ru». Другой яркий пример: социальная сеть «Одноклассники», которая в ноябре 2008 г. лидировала в своем сегменте рынка, теперь существенно проигрывает по размеру аудитории сайту «В контакте», который отличается более удобной навигацией и постоянным развитием своих функциональных возможностей. При сравнении интернет-дневников «Живой журнал» и «LiveInternet.ru» также заметна большая разница оценок по ряду основных показателей методики, однако статистически достоверные различия не обнаружены, по всей видимости, из-за недостаточного числа респондентов, оценивавших сайт «LiveInternet.ru». Эти наблюдения говорят в пользу экологической валидности разработанного рабочего варианта методики.

Интересны также результаты качественного анализа оценок удовлетворенности работой с высокочастотными сайтами разных категорий. Этот анализ проводился на основе сопоставления профилей основных показателей методики. Для него были выбраны три широко известных сайта из доступных для массового пользования сетей — «В контакте», «Gmail.com» и «Wikipedia» (см. рисунок). Конфигурация профилей в каждом из рассмотренных случаев отличается своеобразием — неодинаковым сочетанием «пиков» по разным шкалам методики. Это подтверждается наличием статистически достоверных различий между значениями по большинству основных показателей, рассчитанных по критерию Краскела—Уоллеса: «простоты использования» ($p < 0.05$), «по-

Пример сравнительных оценок удовлетворенности работой с высокочастотными сайтами разных категорий: социальная сеть — «В контакте» (штриховая линия); электронная почта — Gmail.com (сплошная, квадрат); энциклопедия — Wikipedia (сплошная линия)

лезности» ($p < 0.001$) и «эмоциональной привлекательности» ($p < 0.005$). Подчеркнем, что значимых различий по показателю «эффективность» обнаружено не было — во всех трех случаях его оценки находятся в диапазоне выраженных позитивных значений, что говорит о высокой надежности и хорошей функциональной организации работы этих популярных сайтов.

Различия «пиков», доминирующих на профилях, легко соотнести со спецификой целевого назначения сравниваемых сайтов. Так, сайт «В контакте» получил максимально высокие оценки по шкале «простота использования», тогда как величина показателя по шкале «полезность» минимальна и находится в зоне отрицательных значений. Это скорее всего связано с использованием данного сайта как «площадки» для свободного общения, не ориентированного на профессиональные интересы и выполнение рабочих заданий. В оценках сайта «Gmail.com» наиболее высокое значение имеет показатель по шкале «полезность», что в сочетании с выраженными позитивными оценками по шкалам «эффективность» и «простота использования» свидетельствует о том, что пользователи удовлетворены им прежде всего как инструментом для осуществления быстрых и точных электронных коммуникаций. Сайт «Wikipedia» максимально высоко оценивается одновременно по показателям двух шкал — «полезность» и «эмоциональная привлекательность», что хорошо согласуется с его общей информационной и образовательной направленностью, присущей энциклопедии массового пользования. Таким образом, приведенные результаты являются еще одним подтверждением хорошей дифференцирующей чувствительности рабочего варианта методики. Его использование позволяет не только оценивать степень удовлетворенности работой с конкретным интернет-сайтом, но и давать качественную интерпретацию его сильных и слабых сторон, влияющих на оптимальность взаимодействия пользователя с компьютеризованными средствами деятельности.

Заключение

Разработанный в ходе многоэтапного исследования рабочий вариант методики для оценки удовлетворенности пользователя интернет-сайтом является хорошо сбалансированным по составу диагностическим инструментом, обладающим достаточно высокой внутренней согласованностью и дифференцирующей чувствительностью. Это дает основание рекомендовать его для более широкого применения с целью дальнейшей стандартизации и эмпирической верификации. Учитывая, что подготовленный вариант методики является одним из первых полноценных психометрических тестов в отечественной практике юзабилити-инженерии, то в будущем его можно использовать в качестве прототипа при создании средств оценки эргономичности интерфейса ПП более широкого назначения.

Отличительной чертой подготовленного варианта методики является его четкая структурированность. Входящие в его состав шкалы позволяют охарактеризовать содержательные особенности разных компонентов образа-представления ПП. Учитывая процессуальную направленность пользователя при работе с интернет-сайтом (т.е. обращение к нему как к средству решения значимых для субъекта задач), шкалы «эффективность: надежность и функциональность» и «эмоциональная привлекательность» определяют специфику ментальной репрезентации сайта в целом. Реконструкция содержания двух других компонентов — образа результата и образа действий — осуществляется на основе оценок по шкалам «полезность» и «простота использования». Взаимосвязи между разными компонентами образа-представления конкретного интернет-сайта находят отражение в профиле показателей по основным шкалам методики. Их соотношение не только указывает на полноту и целостность образа-представления, но и помогает выделить «зоны дефицита» со стороны его отдельных компонентов, которые являются факторами риска для снижения удовлетворенности пользователя.

Важно подчеркнуть, что в рамках проведенного нами исследования получило дальнейшее развитие представление об удовлетворенности работой как о многомерном конструкте. В ряде современных работ, развивающих двухфакторную теорию мотивации Ф. Герцберга, показано, что ряд характеристик образа ПП являются своеобразными мотивирующими факторами, а другие — факторами контекста (Cheung, Lee, 2005; Zhang, von Dran, 2000). Для того чтобы полнее обосновать отнесенность выделенных в методике основных показателей удовлетворенности к той или иной группе факторов, необходимо более тщательно соотнести характеристики образа-представления конкретного интернет-сайта с образами идеального и типичного ПП данной категории. Это является главной перспективой развития начатых исследований. В то же время уже сейчас разработанный вариант методики можно использовать в практике оценки и проектирования интернет-сайтов, прежде всего для выявления достоинств и недостатков дизайнера уже существующих сайтов массового назначения, а также для создания более совершенных компьютеризированных средств поддержки деятельности пользователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большой психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. СПб., 2006.

Бурмистров И.В., Бельшкун А.А. Юзабилити-инженерия как перспективное направление работы прикладных психологов // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России: Мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф. (17 — 20 ноября 2005 г.) М., 2005. С. 74—76.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 3-е изд. М., 2004.

Ломов Б.Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды. М., 2006.

Мунипов В.М., Зинченко В.П. Эргономика: человеко-ориентированное проектирование техники, программных средств и среды. М., 2001.

Нильсен Я., Лоранжер Х. Web-дизайн. Удобство использования web-сайтов. М., 2007.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. СПб., 2005.

Тидвелл Дж. Разработка пользовательских интерфейсов. СПб., 2008

ФОМ. Опросы «Интернет в России» / «Россия в Интернете». Вып. 21 (осень). 2007. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/int0704>

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. 2-е изд. Т. 1. СПб.; М., 2003.

Brooke J. SUS: a “quick and dirty” usability scale // Usability evaluation in industry / Ed. by P.W. Jordan et al. L., 1996. P. 189 — 194.

Cheung C.M.K., Lee M.K.O. The asymmetric effect of website attribute performance on satisfaction: An empirical study // Proc. of the 38th Hawaii International conference on system sciences (January 3—6, 2005). Track 7. P. 175.

Cox A., Fisher M. Expectation as a mediator of user satisfaction // Proc. of the WWW 2004 Conference, Workshop on Web Search Effectiveness: User Perspective (N.Y., May 18, 2004). URL: http://torch.cs.dal.ca/~watters/www2004WorkShop/coxfisher_paper.pdf

ISO 9241-11 — Ergonomic requirements for office work with visual display terminals (VDTs). Part 11: Guidance on usability. International Standards Organization. Geneva, 1998.

Kirakowski J., Claridge N., Whitehand R. Human centered measures of success in Web Site Design // Proc. of the 4th Conference on human factors and the web (Basking Ridge, NJ, June 5, 1998). URL: <http://zing.ncsl.nist.gov/hfweb/att4/proceedings/kirakowski/index.html>

Lazarus R. Emotions and adaptation. N.Y., 1991.

Lewis J.R. IBM computer usability satisfaction questionnaires: psychometric evaluation and instructions for use // Intern. J. of Human-Computer Interact. 1995. Vol. 7. Iss. 1. P. 57—78.

Lindgaard G., Dudek C. What is this evasive beast we call user satisfaction? // Interacting with computers. 2003. Vol. 15. Iss. 3. 429—452.

Lund A.M. Measuring Usability with the USE Questionnaire // STC Usability SIG Newsletter. 2001. Vol. 8. N 2. URL: http://www.stcsig.org/usability/newsletter/0110_measuring_with_use.html

Nunnally J.C. Psychometric theory. N.Y., 1978.

Schwarz N., Knauper B., Hippler H.-J. et al. Rating scales: Numeric values may change the meaning of scale labels // Public Opinion Quart. 2001. Vol. 55. N 4. P. 570—582.

Zhang P., von Dran G.M. Satisfiers and dissatisfiers: A two-factor model for website design and evaluation // J. of Amer. Soc. for Inform. Sci. 2000. Vol. 51. Iss. 14. P. 1253—1268.

Поступила в редакцию
30.11.09

Н. А. Рождественская, А. М. Мамонова

ФОРМИРОВАНИЕ У ПОДРОСТКОВ КОНСТРУКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

В статье рассматривается проблема формирования у подростков конструктивных стратегий поведения. Приводятся результаты исследования (по методике К. Томаса) стилей поведения современных подростков в конфликтных ситуациях. На материале развивающего эксперимента, проведенного в форме двух психологических тренингов, показано, что формированию стратегии сотрудничества способствуют упражнения на развитие способов межличностного познания, а формированию стратегии компромисса — упражнения на развитие рефлексии эмоциональных переживаний и саморегуляции.

Ключевые слова: стратегии поведения в конфликтных ситуациях, подростки, психологический тренинг.

The article deals with the development of constructive behavioral strategies at adolescents. The authors describe the results of the research devoted to adolescents' behavioral strategies (according to K. Tomas) in conflict situations. The results of two experimental trainings show, that the development of cooperation and compromise strategies in trainings should be based on a role-playing and some exercises, contributing their development. The exercises developing cognitive ways of interpersonal perception contribute more to cooperation development. Exercises, developing emotional self-regulation, contribute more to compromise development.

Key words: behavioral strategies in conflict situations, adolescents, a psychological training.

Данные многочисленных исследований говорят о том, что поведение многих подростков крайне неустойчиво и характеризуется вспыльчивостью, агрессивностью, отсутствием умения находить адаптивные способы реагирования на затруднения в общении со сверстниками и взрослыми. Существенную помощь в развитии адаптивного поведения подростков в сложных ситуациях общения могут оказать исследования, посвященные особенностям его стихийного становления и формирования в специально организованных условиях, например тренингах.

В настоящее время большое внимание уделяется изучению копинговых стратегий поведения подростков в конфликтных ситуациях. Анализ работ, посвященных изучению процесса их формирования, показывает,

Рождественская Наталья Андреевна — докт. психол. наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики ф-та психологии МГУ. *E-mail:* natalie@lenta.ru

Мамонова Анна Михайловна — аспирантка кафедры психологии образования и педагогики ф-та психологии МГУ. *E-mail:* mamonou-84@list.ru

что упражнения, используемые в соответствующих тренингах, в основном направлены на развитие базовых навыков общения (коммуникативных умений и навыков саморегуляции), а собственно *эффективным стратегиям поведения* уделяется недостаточно внимания. Вполне логично предположить, что они совершенствуются по мере освоения базовых навыков общения, однако нам не встречались работы, посвященные экспериментальной проверке этого положения. Мы считаем, что эта связь не линейна и, формируя поведение подростков в развивающих тренингах, необходимо учитывать специфические условия их становления в процессе группового взаимодействия, которые до настоящего времени практически не становились предметом специального изучения.

В настоящей статье мы опишем свою попытку устранить этот недостаток, снижающий качество психологической помощи детям, но прежде рассмотрим стили поведения современных подростков в конфликтных ситуациях, выявленные с помощью методики К. Томаса (Тест..., 2001).

Стили поведения современных подростков в конфликтных ситуациях

К. Томас выделяет 6 стилей поведения в конфликтной ситуации: соперничество (конкуренция), приспособление, избегание, компромисс, сотрудничество. Эти стили различаются по направленности участников конфликта на свои интересы и интересы партнера по общению. Респондент, выбирающий стратегию соперничества, оценивает свои интересы высоко, а интересы соперника низко. Выбор стратегии приспособления означает стремление уйти от конфликта; при данном типе реагирования в ситуации конфликта человек жертвует личными интересами в пользу интересов конкурента. Стратегия избегания, также связанная со стремлением уйти от конфликта, характеризуется низкой оценкой интересов — как своих, так и соперника. Компромисс («баланс» интересов конфликтующих сторон) — это стратегия взаимных уступок, не ухудшающая межличностные отношения, а, напротив, способствующая их положительному развитию. Стратегия сотрудничества отличается высокой оценкой интересов — как собственных, так и партнера, стремлением найти решение, в максимальной степени удовлетворяющее обе стороны.

Обследование по данной методике 61 ученика средней школы в возрасте 11—13 лет дало следующие результаты: 1) 41% подростков предпочли соперничество, 24 — приспособление, 21 — компромисс, 19 — избегание и лишь 17% — сотрудничество; 2) 42% подростков вообще не стремятся к сотрудничеству, 33 — уклоняются от соперничества, 30 — от избегания, 26 — от приспособления, 13% — от стратегии компромисса. На основании этих данных можно сказать, что в нашей выборке стратегия сотрудничества оказалась наименее популярной (Мамонова, 2008).

Отметим, что и по данным других исследований стратегия сотрудничества у подростков занимает последние места (Е.М. Рябушенко, Н.В. Фалейтор, Н.В. Степанова, А.В. Семенов). В недавно выполненной дипломной работе В.Е. Бабичевой¹ было установлено, что наиболее выраженной стратегией поведения в конфликтной ситуации подростков из полных и неполных семей является приспособление, а наименее выраженной — соперничество (конкуренция). Следующая по степени выраженности у подростков из полных семей — стратегия избегания, а у подростков из неполных семей — стратегия компромисса (различия между группами значимы на уровне тенденции). Подростки из полных и неполных семей в наименьшей степени ориентированы на сотрудничество.

На основании наших и других данных мы пришли к выводу, что многие подростки в возрасте 11—13 лет нуждаются в развитии у них стратегии сотрудничества. С нашей точки зрения, в развивающих программах необходимо обеспечивать также и рефлексивное осознание подростками связи других стратегий с теми жизненными ситуациями, в которых их использование наиболее предпочтительно.

Тренинг № 1: развитие общения и умения управлять импульсивными реакциями в конфликтных ситуациях

На основе современной теории и практики проведения психологических тренингов для подростков (И.В. Вачков, Н.И. Козлов, А.Г. Лидерс, А.С. Прутченков, Н.А. Сирота) нами была разработана система занятий, в ходе которых у них формировались умения слушать собеседника, анализировать конфликтные ситуации, контролировать свои эмоции и сдерживать импульсивные реакции. Вначале участники тренинга знакомили друг друга с конфликтными ситуациями, которые им хотелось бы разрешить, и затем в ролевых играх с помощью ведущего отработывали конструктивные способы их разрешения. Приступая к разработке и проведению такого тренинга, мы предполагали, что он будет способствовать формированию стратегии сотрудничества.

Тренинговые занятия в экспериментальной (Э) группе (11 школьников 12—13 лет) проводились регулярно 1 раз в неделю на добровольной основе. Длительность занятия 45—60 минут. Всего было проведено 6 занятий. Контрольная (К) группа состояла из 14 подростков, с которыми тренинг не проводился.

Занятие 1: выработка правил работы в группе, формирование сплоченности участников тренинга и доверительных отношений между ними.

Занятие 2: а) формирование сплоченности группы; б) исследование конфликтов, возникающих в процессе общения с людьми. В частности, каждому подростку предлагалось ответить на следующие вопросы: «Что такое конфликтная ситуация для меня? Каковы плюсы и минусы конфликтного (в том

¹ См.: Бабичева В.Е. Особенности общения детей из полных и неполных семей. Дипл. работа. Ф-т психологии МГУ, 2009.

числе агрессивного) поведения? Какие эмоции я испытываю в конфликтной ситуации? Как я справляюсь с моей конфликтной ситуацией?» (Ответы на эти вопросы использовались ведущим для разработки конфликтных ситуаций, применявшихся в ролевых играх на следующих занятиях.)

Занятие 3: а) расширение представлений подростков об эмоциях и их влиянии на поведение; б) формирование позитивных стратегий поведения в конфликтных ситуациях как способ преодоления негативных эмоциональных состояний, возникающих вследствие конфликтов.

Занятие 4: а) формирование умений распознавать свои негативные эмоциональные переживания и управлять ими в ситуации конфликтов со сверстниками; б) формирование умения оценивать конфликтную ситуацию и выбирать наиболее подходящий способ поведения.

Занятие 5: а) формирование знаний о причинах возникновения конфликтов; б) формирование позитивных стратегий поведения в конфликтных ситуациях.

Занятие 6: а) отработка полученных навыков и умений; б) подведение итогов.

Стили поведения подростков в конфликтных ситуациях до и после проведения тренинга изучались с помощью описанной выше методики Томаса. Для установления статистически значимых различий между количеством выборов каждой стратегии поведения до и после тренинга № 1 использовался G-критерий знаков.

В результате было установлено, что в Э-группе количество выборов стратегии компромисса после тренинга значимо возросло (табл. 1). Значимые различия G для других стратегий поведения не установлены. В К-группе различия также статистически не значимы.

Таблица 1

Количество выборов подростками разных стратегий поведения (по К. Томасу) до и после тренинга № 1

№ участ-ника	Соперни-чество		Сотрудни-чество		Компромисс		Избегание		Приспо-собление	
	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
1	9	1	6	4	3	6	7	10	5	9
2	12	12	5	4	3	7	6	4	4	3
3	3	3	6	6	5	10	5	4	11	7
4	11	5	5	5	3	8	5	5	6	7
5	9	11	5	5	7	6	5	4	4	4
6	7	10	4	3	5	6	6	5	8	6
7	4	4	6	7	3	8	8	6	9	5
8	3	4	6	7	5	8	7	9	9	2
9	5	3	8	6	3	8	5	10	9	3
10	5	7	7	5	2	8	6	7	10	4
11	4	0	6	5	4	7	5	6	11	12

Примечание. Для компромисса G=1 (n=11) значимо при $p < 0.01$, сдвиг в сторону роста.

На основе этого результата тренинг № 1 можно признать эффективным, поскольку умение идти на компромисс, т.е. решать проблему, соотнося интересы посредством взаимных уступок, является более эффективным способом выхода из конфликтной ситуации, чем приспособление (игнорирование собственных интересов в пользу интересов соперника), избегание (игнорирование интересов — и своих, и соперника) и соперничество (высокая оценка своих интересов, низкая оценка интересов соперника и как следствие конкурентные, вплоть до враждебных, отношения).

В табл. 1 видно, что после тренинга показатели соперничества практически не снизились, а показатели сотрудничества не повысились. Попробуем объяснить, почему тренинг № 1 не оказал положительного влияния на стратегии соперничества и сотрудничества, а также выдвинуть предположение о факторах, которые могли бы повлиять в нужном направлении.

В исследованиях, проводимых под руководством Н.А. Рождественской, решается проблема формирования у подростков ориентировочной основы поведения, включающей способы познания людей² (Рождественская, 2004). В частности, показано, что тренинги само- и взаимопознания оказывают положительное влияние на разные стороны личности и поведения подростков и взаимодействующих с ними взрослых (А.В. Березина, С.В. Малышева, И.В. Мельникова, Ю.Е. Мужичкова, Е.А. Писарева, А.В. Разумова, К.А. Серебрякова). Например, в работе Ю.Е. Мужичковой (2008) установлено, что использование художественных форм самовыражения в тренингах узкой направленности для подростков (например, тренинге самоотношения) может оказывать негативное влияние на изменение определенных сторон самоотношения, слишком снижая или увеличивая их выраженность. Негативное влияние художественных форм самовыражения в тренингах самоотношения устраняется за счет сочетания упражнений, направленных как на совершенствование самоотношения, так и на снятие негативных эмоциональных проявлений, возникающих в ходе тренинга, а также на совершенствование межличностных взаимодействий.

А.В. Березина (2004) показала, что если все шесть базовых способов межличностного познания, выделенных в работах Н.А. Рождественской, одновременно находятся в зоне ближайшего развития, то их рефлексивное формирование оказывает положительное воздействие на повышение

² К ним относятся: 1. Ориентация на полный охват личностных свойств человека. 2. Применение адекватных и существенных критериев оценки личностных свойств. 3. Анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на человека (личностные свойства, эмоциональные и функциональные состояния, здоровье, другие люди, обстоятельства и условия жизни человека). 4. Рассмотрение основных биографических данных и перспектив развития человека. 5. Использование вероятностных суждений о человеке. 6. Проверка суждений в практической деятельности, типичной для человека.

социометрического статуса подростков в коллективе сверстников и, как следствие, на улучшение ведущей деятельности — интимно-личностного общения. Если эти способы развиваются не одновременно, а с небольшими интервалами, то их целенаправленное формирование не влияет на улучшение межличностных взаимодействий.

Е.А. Писарева (2006) установила, что тренинг самопознания и общения подростков, воспринимающих социальную поддержку как отсутствующую, оказывает развивающий эффект: в позитивном направлении трансформируются их копинговые стратегии, эмоциональные переживания, отношение к взрослым, к социальным нормам поведения, принятию самостоятельных и обдуманных решений.

Анализ этих работ показал, что при всем различии целей и проблем в каждой из них формирование общения у подростков помимо прочего включало определенные упражнения, направленные на развитие взаимопонимания. Исходя из этого мы предположили, что на развитие стратегий сотрудничества у подростков существенное воздействие окажут упражнения, нацеленные на формирование навыков межличностного познания.

Тренинг № 2: развитие способов межличностного познания и конструктивного общения

Разработанный нами тренинг № 2 состоял из ролевых поведенческих игр и упражнений на развитие некоторых способов межличностного познания. Всего было проведено 6 занятий (по одному в неделю), каждое по 45—60 минут. В тренинге № 2 на добровольной основе участвовали 11 подростков; К-группа состояла из 14 человек, и в ней тренинг не проводился.

Занятия 1 и частично 2 по целям и задачам соответствовали тренингу № 1. Остальные занятия были направлены на анализ качеств, необходимых для конструктивного общения, развитие способов межличностного познания и формирование адекватных стратегий поведения в конфликтных ситуациях. Стили поведения подростков в конфликтных ситуациях до и после тренинга изучались с помощью методики Томаса. Для установления статистически значимых различий между количеством выборов участниками тренинга каждой стратегии поведения в конфликтной ситуации до и после тренинга использовался G-критерий знаков.

В результате было установлено, что количество выборов участниками тренинга стратегии сотрудничества после тренинга № 2 значимо возросло (табл. 2). Значимые различия G для других стратегий поведения не установлены. В К-группе различия также статистически не значимы.

Итак, в ходе развивающего эксперимента нами было установлено, что формирование у подростков стратегии сотрудничества должно включать упражнения на развитие способов межличностного познания, а также отработку поведения в ролевых играх. Помимо этого показа-

**Количество выборов подростками разных стратегий поведения (по К. Томасу)
до и после тренинга № 2**

№ участ-ника	Соперни-чество		Сотрудни-чество		Компромисс		Избегание		Приспо-сoblение	
	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
1	6	2	3	6	6	10	6	6	9	6
2	8	1	2	7	6	7	7	6	7	9
3	5	5	5	7	7	7	8	9	5	2
4	3	7	8	5	6	1	6	9	7	8
5	9	6	4	9	5	8	4	3	8	4
6	2	9	5	6	5	2	6	6	12	7
7	8	0	3	9	9	6	7	4	3	11
8	9	6	2	10	5	3	6	3	8	8
9	9	1	4	7	4	7	7	6	6	9
10	3	6	7	10	5	3	5	3	10	8
11	8	5	6	7	7	7	6	9	3	2

Примечание. Для сотрудничества $G=1$ ($n=11$) значимо при $p<0.01$, сдвиг в сторону роста.

но, что формирование у подростков стратегии компромисса должно включать упражнения на рефлекссию и саморегуляцию эмоциональных переживаний, возникающих у них в конфликтных ситуациях, а также отработку поведения в ролевых играх.

На следующем этапе исследования мы планируем объединить оба экспериментальных тренинга в один и рассмотреть различные условия, влияющие на его эффективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березина А.В. Особенности формирования межличностного восприятия как условие совершенствования общения у подростков. Дис. ...канд. психол. наук. М.: МГУ, 2003.

Мамонова А.М. Возникновение конфликтов в подростковом возрасте // Современная психология — от теории к практике: Мат-лы XV Междунар. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008». М., 2008. С. 403—404.

Мужичкова Ю.Е. Роль художественных форм самовыражения в развитии личностной сферы подростков в ходе психологического тренинга: Дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2008.

Писарева Е.А. Восприятие социальной поддержки как фактор формирования образа Я и образа сверстника у старших подростков: Дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2006.

Рождественская Н.А. Способы межличностного познания: психолого-педагогический аспект. М., 2004.

Тест описания поведения К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной) // Психологические тесты: В 2 т. / Под ред. А.А. Карелина. М., 2001. Т. 2. С. 69—77.

Поступила в редакцию
05.06.09

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

Ж. Дэвид, Ж. М. Глозман

РОССИЙСКО-ПОРТУГАЛЬСКИЙ ОПЫТ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

В статье анализируются теоретические и методологические принципы нейропсихологической диагностики в дошкольном возрасте. Оцениваются наиболее известные психометрические методы обследования дошкольников. Описывается опыт применения в Португалии разработанной в России шкалы для нейропсихологического обследования дошкольников, качественной и количественной оценки данных тестирования. При создании португальской версии учитываются лурьевские принципы диалогового взаимодействия с обследуемым ребенком для выявления зоны его ближайшего развития.

Ключевые слова: детская нейропсихология, нейропсихологическое обследование дошкольников, зона ближайшего развития.

The paper analyses theoretical and methodological principles of neuropsychological assessment of preschool children and the most used psychometric methods of preschooler evaluation. Russian battery for preschoolers' neuropsychological assessment, qualitative analysis and scoring of results was adopted in Portugal. The Portuguese version of this battery follows Luria's principle of interaction with the examined child with the aim to determine the zone of his proximal development.

Key words: developmental neuropsychology, neuropsychological assessment, preschool children, zone of proximal development.

В современной нейропсихологии принято считать, что ребенка нельзя рассматривать как маленького взрослого. Детская нейропсихология не является «миниатюрной версией» нейропсихологии взрослых. Она «имеет свою специфику, ставит свои вопросы, нуждается в новых обсуждениях и интерпретациях» (Симерницкая, 1985, с. 6). Тем не менее правомерность системного факторного анализа ВПФ у детей подтверж-

Дэвид Жулиана — нейропсихолог (Порто, Португалия). *E-mail:* juliana.o.david@hotmail.com

Глозман Жанна Марковна — докт. психол. наук, профессор, вед. науч. сотр. лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* glo-janna@yandex.ru

Работа выполнена в рамках сотрудничества между факультетом психологии МГУ им. М.В. Ломоносова и Международным институтом прикладной и педагогической психологии — IPAF (Португалия—Бразилия).

дается тем, что специально направленное коррекционно-развивающее обучение, построенное на данных луриевского нейропсихологического исследования, выявляющего у ребенка сохранные и нарушенные факторы психического функционирования, более эффективно, чем общеразвивающее обучение (Ахутина, Пылаева, 2008; Глозман, 2009).

Ребенок отличается от взрослого тем, что его мозг находится еще в процессе формирования, специфического в разных возрастных периодах. В мозге ребенка метаболические процессы гораздо более интенсивны, чем в мозге взрослого: у новорожденного, например, на метаболизм мозга потребляется 60% общего объема кислорода, а у взрослого — 18–20% (Chugani et al., 2002). Вспомним также, что за первый год жизни вес мозга ребенка увеличивается в 3 раза (Берк, 2006; Клоссовский, 1949; Kolb, Fantie, 1997).

Функциогенез ребенка идет параллельно с созреванием мозговых структур под воздействием социально-культурных условий. Каждый год жизни вызывает кардинальные качественные и количественные изменения. Но развитие мозга своеобразно у каждого ребенка и осуществляется по индивидуальному ритму. Именно поэтому столь сложна проблема нормативов в детской нейропсихологии, и методы диагностики дошкольников должны быть строго дифференцированы по возрасту (Алиева и др., 2001; Глозман, Потанина, Соболева, 2006/2008).

При нейропсихологическом обследовании ребенка необходимо также учитывать пластичность мозга в детском возрасте и вследствие этого лучший, чем у взрослых, прогноз обратного развития дефектов после поражения мозга, вплоть до полного спонтанного восстановления функции (Симерницкая, 1985). Поражение мозга или задержка формирования психической функции ребенка практически никогда не ведут к ее полному распаду или блокированию. Поэтому несформированность психических функций в детском возрасте в большинстве случаев надо считать не нарушением, а лишь атипичным или незаконченным развитием.

Описанные закономерности морфо- и функциогенеза ребенка могут быть поняты исходя из учения А.Р. Лурии (1969) о системной динамической локализации ВПФ. И здесь нельзя не согласиться с Ю.Ф. Поляковым, что учение Лурии «принадлежит к тем явлениям научной жизни, значение которых не ограничивается тем, что успел совершить сам творец, а заключается в открытии возможностей движения познания в новых областях и направлениях» (Поляков, 1998, с. 68). И это в полной мере справедливо относительно детской нейропсихологии. Современные методы функциональной нейровизуализации (fMRI и PET) подтверждают на основе показателей усиления метаболизма идею А.Р. Лурии о том, что развитие мозга идет от формирования первичных к постепенному развитию вторичных ассоциативных зон (Chugani et al., 2002). Только с развитием вторичных и третичных зон мозга становится

возможной, как и указывал А.Р. Лурия, межполушарная дифференциация психических функций. При этом нейропсихологическое развитие и формирование функциональных систем возможны только при включенности ребенка в адекватное окружение, культурно-исторический контекст, знаковую среду (Выготский, 1960). И это лучше всего доказывают печальные наблюдения дефицитарности развития детей, воспитанных животными в раннем детстве.

Вклад Л.С. Выготского в детскую психологию столь велик, что сейчас невозможно найти ни одной работы, посвященной развитию ребенка, где бы не упоминались его труды. У Выготского понятие обучения гораздо богаче, чем западный термин *learning*, так как включает направленное социальное *взаимодействие* педагога и ученика, носящее опосредствованный характер и специфичное для человека. Типичная для человека форма функционирования — ВПФ — не может развиваться без этого процесса.

Методы выявления трудностей обучения

В Португалии около 37.1% учеников начальной школы и 28.9% учеников средней школы испытывают трудности обучения. В России нет общепризнанной статистики, но по данным многих авторов эти цифры еще выше. При этом трудности обучения до сих пор чаще всего рассматриваются как дефектологическая, а не психолого-педагогическая проблема. В связи с этим в Португалии нередко дети без достаточных оснований направляются на дефектологическую экспертизу, помещаются в специальные классы и проходят альтернативные формы аттестации.

Задача детской нейропсихологии — разработать компактную схему нейропсихологического обследования дошкольников, способную выявлять детей с высоким риском возникновения в дальнейшем трудностей обучения в школе. Для их выявления надо как можно раньше диагностировать отставание в развитии необходимых для школьного обучения навыков и способностей и проанализировать симптомы недоразвития или атипичного развития (Amano, 2006).

В настоящее время для обследования дошкольников применяется ряд психометрических батарей, шкал и тестов (Handbook..., 1997). С помощью шкалы Векслера для дошкольников и младших школьников (варианта детской шкалы Векслера для исследования общего интеллекта: *WISC-III — Wechsler Intelligence Scale for Children-III*) исследуются вербальные и невербальные способности детей от 6 до 16 лет. Шкала Стэнфорд—Бине (адаптация шкалы Бине—Симона) измеряет только на вербальных тестах коэффициент интеллекта (*IQ*) от 2 до 18 лет и устанавливает возраст психического развития. При речевых трудностях для исследования интеллекта используются матрицы Равена. Для исследования памяти у детей применяются акустическая и зрительная

шкалы теста Рея (*Auditory Verbal Learning Test of Rey and Test of Visual Learning Designs of Rey*). Наиболее широко применяемым речевым тестом является Бостонский тест на называние картинок. Он исследует у детей от 6 лет способность назвать и понять (соотнести с картинкой) слова, предъявляемые в устной или письменной форме. Также пользуются популярностью специальный тест на понимание речи (*Token Test*) и пробы на понимание рассказов.

Висконсинский тест сортировки картинок (*WCST*) и тест Струпа измеряют способность ребенка концентрировать внимание и противостоять побочным стимулам. Тест на копирование фигур Тейлора и Рея—Остеррица (*Figures of Rey-Osterrieth Complex*) исследует пространственные представления ребенка и его возможности организации и планирования зрительно-пространственного восприятия. Для исследования раннего развития от 1 до 42 месяцев используется шкала Бейли (*Scale of Child Development of Bayley*), включающая 3 подшкалы — моторное развитие, умственное развитие и поведение — с количественными показателями для каждой.

В зависимости от поставленной задачи и ориентации нейропсихологического обследования применяемые методы могут быть *стандартизованными* (одинаковыми по процедуре для всех детей) или *гибкими* (дифференцированными по возрасту или специфичными для каждого ребенка), могут быть объединены в батареи или применяться как отдельные тесты, могут быть количественными (психометрическими), *ориентированными на продукт* (успех/неуспех), или качественными, *ориентированными на процесс* выполнения задания ребенком, качественный анализ допущенных ошибок и на возможности их преодоления с помощью психолога.

Следует отметить, что используемые в настоящее время психометрические методы не дают возможности полностью проанализировать и описать состояние ВПФ ребенка. Более того, измерение статичного и однозначного коэффициента интеллекта или другого психометрического показателя не дает информации о потенциальном уровне возможностей ребенка, т.е. об уровне, которого он может достичь с некоторой помощью обследующего. Эти тесты количественно измеряют только уровень обучения, достигнутый в прошлом (ретроспективный подход), но не потенциал к обучению (проспективный подход). Как известно, Л.С. Выготский призывал исследовать не актуальный уровень, а потенциал ближайшего развития ребенка. Разница между тем, что ребенок может сделать самостоятельно и во взаимодействии со взрослым, определяет, по Выготскому, зону его ближайшего развития.

Только динамическое и системное исследование, не ограничивающееся выявлением слабых звеньев функционирования ребенка, может определить направление его развития и необходимое вмешательство взрослого.

Описание особых способностей, слабых и сильных звеньев психического функционирования каждого отдельного ребенка — важное условие эффективной помощи детям с трудностями обучения, вызванными функциональной незрелостью или атипичным развитием ВПФ.

Луриевская система нейропсихологической диагностики, развиваемая его учениками и последователями, постоянно пополняется новыми методами исследования детей, в том числе и дошкольников. Шкала, описанная в книге Ж.М. Глозман, А.Ю. Потаниной и А.Е. Соболевой (2006, 2008), легла в основу Португальской батареи нейропсихологического обследования детей 3—6 лет — BINI 3-6 (Bateria de Investigação Neuropsicológica Infantil 3-6 anos).

Португальская шкала для нейропсихологического исследования дошкольников

Клинические психологи Института прикладной и педагогической психологии (ИРАФ) основываются в своей работе на разработанном российскими психологами культурно-историческом подходе и на описанных в работах российских коллег методах нейропсихологического обследования детей разного возраста.

Так как развитие дошкольников характеризуется быстрыми изменениями в каждый возрастной период, мы разработали отдельные батареи для исследования 3-летних детей (10 тестов), 4-летних (22 теста) и другие 22 теста для 5—6-летних детей. В такой дифференциации по возрасту заключается преимущество качественного анализа.

Мы пользуемся термином «исследование», а не «оценка», чтобы подчеркнуть, что результаты тестирования — это только часть исследования ребенка, которое включает также наблюдение за процессом выполнения задания, анализ природы ошибок или неудач выполнения, взаимодействие с обследующим, определение и создание условий для повышения эффективности деятельности ребенка. Такой подход основан на луриевском принципе диалогового взаимодействия при нейропсихологическом обследовании, предполагающем предоставление испытуемому различных условий выполнения, помощь вопросами, организацией деятельности и т.д. В основе этого принципа лежит ориентация на процесс, а не на продукт тестирования. Поэтому так важна предварительная беседа, установление контакта с обследуемым.

Беседа с маленькими детьми имеет ряд специфических особенностей. Например, на вопрос: «Сколько тебе лет?» для ребенка 3 лет правильным считается и вербальный ответ «три», и показ трех пальчиков, так как в этом возрасте еще не сформирована связь между понятием числа и его наименованием. Нормой для этого возраста считается и то, что после заданного вопроса ребенок немного побегает по комнате, а потом подбежит к психологу и даст правильный ответ даже без повторения вопроса. Каждый ребенок характеризуется индивидуальным

темпом выполнения заданий и способностью концентрации внимания. Для более старших детей увеличивается количество вопросов в беседе, что позволяет оценить степень их ориентированности в месте и времени, критичность и адекватность поведения в процессе обследования.

С 4 лет становится возможным также *исследование межполушарной организации* психических функций (10 проб на правшество/левшество). Тем не менее даже если ребенок определен как правша (8 из 10 проб выполняются по левополушарному типу), в случае утомления он может взять карандаш в левую руку. Это говорит о том, что межполушарная дифференциация функций еще не полностью сформирована к этому возрасту. При выполнении пробы на реципрокную координацию ребенок 5 лет делает ошибки обеими руками, а с 6 лет — только левой. По данным А.В. Семенович (2002) координация рук полностью формируется только к 8 годам. Исследование дошкольников, таким образом, выявляет путь формирования этой функции.

Исследование способности к *рисованию* у здоровых детей, успешно справляющихся с программой детского сада (Глозман, Потанина, Соболева, 2006, 2008) показало, что 3-летний ребенок может скопировать круг и квадрат, 4-летний — круг, квадрат и треугольник, а с 5 лет — еще и ромб, и некоторые фигуры из теста *VMI (Visual Motor Integration* — см.: Berry, 1967). При этом могут возникать топологические, пространственные и координатные ошибки, что указывает на неполную сформированность моторных навыков.

Тест на *реакцию выбора* («если я показываю палец, ты показываешь кулачок, а если я показываю кулак, ты поднимаешь 1 палец») применим только с 5 лет, так как произвольная регуляция деятельности формируется в онтогенезе позднее и медленнее других. Симптомы импульсивности и эхопраксии — показатели несформированности регуляторных функций.

В Португальской батарее тестов для дошкольников модифицирована процедура теста на *распознавание эмоциональных состояний* (Глозман, Потанина, Соболева, 2006, 2008). Вместо задачи «соедини красными ниточками всех веселых зверей и людей с этой веселой киской, черными нитками — всех злых с этой злой кошкой и т.д.», ребенку предлагалось раскрасить красным карандашом всех веселых зверей и людей, таких же, как эта красная киска; черным карандашом — таких же, как эта злая киска, желтым — как эта испуганная киска и т.д. Цвет, таким образом, становится дополнительным способом опосредствования процесса распознавания эмоций. Остается открытым и требует дополнительного исследования вопрос о том, насколько ребенок ориентируется на изображение, а насколько — на вербальное обозначение эмоции. Тем не менее, результаты применения этого теста для детей от 5 лет являются хорошим индикатором степени формирования у них не только способности к восприятию эмоций, но и способности рассуждать, проводить

анalogии, создавать и удерживать ассоциации, необходимые для развития интеллектуальных функций.

В батарею входит также другой тест на *развитие интеллекта* ребенка — тест на понимание смысла рассказа «Почему Сережа (Сергио в Португальской версии) опоздал в школу?» Критерием понимания является правильный ответ на вопрос: «Что мальчик должен был делать, чтобы не опаздывать в школу?». Этот тест показал и на российской, и на португальской выборке, что к 5 годам дети уже овладевают такими базовыми категориями мышления, как причинность, предметно-объектные отношения и др.

Этот же рассказ служит для исследования уровня развития *памяти* у детей начиная с 4 лет. При этом качественный анализ показывает, что плохое воспроизведение и понимание текста может отражать не только несформированность мнестических или интеллектуальных функций, но и отвлекаемость ребенка, трудности сукцессивной организации деятельности (невоспроизведение последовательности событий), речевые (семантические и грамматические) дефекты и др.

Результаты нейропсихологического обследования представляются в виде списка качественных показателей (возможных трудностей) для каждой психической сферы: общая характеристика ребенка, праксис, гнозис, речь, память и интеллект. Выявление симптомов наличия или отсутствия этих трудностей позволяет установить типичный для каждой возрастной группы нейропсихологический паттерн развития и сравнить уровни сформированности различных психических функций ребенка.

Исследование включает и *количественный анализ* результатов тестирования — балловую оценку выполнения каждого теста, основанную на данных качественного анализа. Применяется лурьевская система штрафных баллов: чем выше балл, тем ниже уровень выполнения задания. Поскольку исследование и балловая оценка результатов основываются на описанном выше принципе диалогового взаимодействия с ребенком, оказания ему помощи и организации деятельности, такое тестирование выявляет зону ближайшего развития ребенка и позволяет создать индивидуальную программу коррекции симптомов недоразвития.

Итак, применение португальской версии российской шкалы нейропсихологического обследования дошкольников показало ее доступность и эффективность для качественного и количественного анализа формирования ВПФ в разных возрастных группах детей. При соблюдении лурьевских принципов диалогового взаимодействия обследуемого с обследуемым шкала позволяет также выявить сильные и слабые звенья психического функционирования ребенка, зону его ближайшего развития. В случаях патологии развития сформированные функции (при условии их интеграции и взаимодействия) активно способствуют развитию ребенка и могут компенсировать его трудности (Mendes Leal, 2004). Выготский, Лурия и Леонтьев, развивая принципы холистической

психологии, показали, что больной ребенок имеет богатый нереализованный потенциал развития. При раннем нейропсихологическом обследовании и основанной на его данных ранней и адекватной психологической помощи задержки психомоторного развития и созревания ЦНС, как и некоторые формы психических отклонений, могут быть успешно скорректированы, и дети получают возможность обучаться в массовой школе, а не в специальных учебных заведениях.

Врачи и педагоги всегда признавали и признают ведущую роль профессиональных психологов в получении клинической и педагогической информации о ребенке. Это предъявляет высокие требования в первую очередь к медицинским психологам, решающим задачу создания практической психологии здравоохранения и образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиева Т.И., Антонова Т.В., Арнаутова Е.П. и др. Истоки: Базисная программа развития ребенка-дошкольника. М., 2001.

Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. М., 2008.

Берк Л.Е. Развитие ребенка. СПб., 2006.

Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.

Глоzman Ж.М. Нейропсихология детского возраста. М., 2009.

Глоzman Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика дошкольников. М., 2006, 2-е изд. М., 2008.

Клосовский Б.Н. Основные данные о развитии мозга ребенка. М., 1949.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1969.

Поляков Ю.Ф. Потенциальное богатство научного наследия А.Р. Лурия // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Сборник докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М., 1998. С. 68—72.

Семенович А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. М., 2002.

Симерницкая Э.Г. Мозг человека и психические процессы в онтогенезе. М., 1985.

Amano K. Psychological studies on the education and development of literacy in Japanese preschool children and children with learning disabilities. Tokyo, Japan, 2006.

Berry K. Developmental Test of Visual-Motor Integration. Chicago, ILL, 1967.

Chugani H.T., Phelps M.E., Mazziotta J.C. Positron emission tomography study of human brain functional development // Brain development and cognition. A reader / Ed. by M.H. Johnson, Y. Munakata, R.O. Gilmore. Oxford, UK, 2002. P. 101—116.

Handbook of clinical child neuropsychology / Ed. by C.R. Reynolds, E. Fletcher-Janzen. N.Y., 1997.

Kolb B., Fantie B. Development of the child's brain and behavior // Handbook of clinical child neuropsychology / Ed. by C.R. Reynolds, E. Fletcher-Janzen. N.Y., 1997. P. 17—42.

Mendes Leal M.R. An inquiry into socialization processed in the young child. São Paulo, Portugal, 2004.

Поступила в редакцию
05.12.08

ЮБИЛЕИ

К 80-ЛЕТИЮ ЮЛИИ БОРИСОВНЫ ГИППЕНРЕЙТЕР

25 марта 2010 г. исполнилось 80 лет *Юлии Борисовне Гиппенрейтер* — выдающемуся отечественному психологу, доктору психологических наук, профессору-консультанту кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ю.Б. Гиппенрейтер родилась в Москве. Училась на отделении психологии, а затем в аспирантуре философского факультета МГУ. Ее научным руководителем был А.Н. Леонтьев. В кандидатской диссертации Юлии Борисовны был разработан метод оценки развития звуковысотного слуха у человека, показана его культурно-историческая природа, воспитуемость и намечены практические пути и средства этого воспитания.

В докторской диссертации Ю.Б. Гиппенрейтер «Движение глаз и деятельность», выполненной в русле психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева и теории уровней построения движений Н.А. Бернштейна, разнообразные виды движений глаз человека (микро- и макро-, произвольные, произвольные, фиксации, скачки, нистагмы, тремор) впервые были изучены не сами по себе, а в контексте решения различных задач (зрительных, слуховых, двигательных, умственных) — как собственно «орган зрения». Была показана зависимость количественных и психофизиологических параметров движений глаз от задачи, в решение которой они включены, и предложена деятельностно-функциональная классификация движений глаз.

Ю.Б. Гиппенрейтер — ведущий современный исследователь в области экспериментальной научной психологии (психологии восприятия, внимания, психофизиологии движений), а в последние два десятилетия — также и выдающийся практический психолог, психотерапевт и консультант в области детских проблем и семейных отношений, создатель оригинального направления в современной психотерапии — *гуманистического нейролингвистического программирования*.

Юлия Борисовна — замечательный лектор и прирожденный педагог, не только транслятор знания, но и воспитатель — Учитель, взрастивший не одно поколение достойных учеников. Под ее руководством выполнено 10 кандидатских и 3 докторские диссертации.

Ю.Б. Гиппенрейтер — автор многих научных публикаций и учебных пособий, среди которых фундаментальная монография «О движении человеческого глаза» (1978) и учебник «Введение в общую психоло-

гию» (1988). Этот учебник вместе с вышедшими под ее редакцией двумя изданиями грандиозной серии хрестоматий по всем разделам психологии, составляют ныне фундамент университетской подготовки психологов.

Блестящий популяризатор, Юлия Борисовна умеет точно и доступно рассказать о важных достижениях современной психологии, показать их «дельность» по отношению к реальным, жизненно значимым проблемам современного человека. Ее книги о воспитании ребенка «Общаться с ребенком. Как?» и «Продолжаем общаться с ребенком. Так?» сразу же стали всероссийскими бестселлерами, настольными книгами для многих и многих родителей, педагогов, детских психологов и держали уже не одно издание.

Юлия Борисовна — честный и принципиальный человек. Она никогда не идет на нравственные компромиссы и потому для кого-то «неудобна». Будучи строгим и требовательным (порой даже жестким) руководителем и коллегой, она вместе с тем удивительно отзывчива и душевно щедра в жизни. Юлия Борисовна обладает редким личностным и женским обаянием, и многие знают ее как открытого и «эмпатичного» собеседника, преданного и мудрого друга, всегда готового тактично проявить участие и прийти на помощь.

Поздравляем Вас, дорогая Юлия Борисовна, с юбилеем! Вы для нас непререкаемый авторитет и ориентир, на который следует равняться и в профессии, и в жизни. Мы гордимся, что судьба подарила нам счастье знать Вас и работать с Вами. Крепкого Вам здоровья, бодрости, внутренней молодости и творческого куража! Будьте! Вы нам нужны.

Друзья, коллеги, ученики

К 70-ЛЕТИЮ ВЯЧЕСЛАВА АНДРЕЕВИЧА ИВАННИКОВА

1 марта 2010 г. исполнилось 70 лет *Вячеславу Андреевичу Иванникову* — известному психологу, замечательному педагогу, яркому организатору российского образования, члену-корреспонденту РАО, доктору психологических наук, профессору кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Президенту Академии социального управления.

В.А. Иванников родился в селе Ново-Гаритово Избердеевского района Тамбовской области. Именно там начался его жизненный путь, который в 1961 г. привел выпускника сельскохозяйственного техникума г. Мичуринская на отделение психологии философского факультета МГУ. Можно сколько угодно обсуждать зигзаг судьбы, побудивший молодого агронома избрать в качестве профессии такую науку, как психология. Но именно недолгие годы работы агрономом заложили в сознании Вячеслава Андреевича и поразительное чувство родной природы, и постоянный интерес к проблемам биологической эволюции, и дар к выращиванию новых культур, который в полной мере реализовался в выращивании новой культуры психологического мышления.

Судьба улыбается тем, кто упорно и пытливо ищет себя. Подарком судьбы для В.А. Иванникова стали встречи с такими выдающимися личностями, как А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Б.В. Зейгарник, И.М. Фейгенберг, Н.В. Тимофеев-Ресовский, в общении с которыми познание мира раскрывалось перед ним разными гранями.

В.А. Иванников по праву носит одно из самых высоких званий в психологии — звание ученика А.Р. Лурии, из рук которого он получил ремесло нейропсихолога и искусство преподавателя психологии. Другим учителем Вячеслава Андреевича был профессор И.М. Фейгенберг — известный представитель школы физиологии активности Н.А. Бернштейна, врач и психофизиолог, под руководством которого В.А. Иванников разрабатывал идеи вероятностного прогнозирования и его роли в преодолении ситуаций неопределенности. И, наконец, в общении с А.Н. Леонтьевым родилась смысловая концепция волевой регуляции поведения человека, легшая в основу последних по времени фундаментальных теоретических и тонких экспериментальных исследований В.А. Иванникова.

Наиболее рельефно этапы научной биографии В.А. Иванникова отражены в монографии «Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движению» (1978) и в работе «Психологические механизмы волевой регуляции» (2006), выдержавшей три издания и ставшей хрестоматийной.

К Вячеславу Андреевичу Иванникову полностью относится лаконичная формула «педагог от Бога». Его лекции по общей психологии одновременно просты, точны и классичны вне зависимости от того, какому ответвлению психологии они посвящены — зоопсихологии, экспериментальной психологии или свободе воли личности. За последние пять лет В.А. Иванников реализовал проект создания учебника «Основы психологии» (2010), благодаря которому студенты обретают навигацию в лабиринте проблем развития психологической науки. Без преувеличения можно сказать, что по охвату идей и дидактическому материалу этот учебник сопоставим с классическим учебником С.Л. Рубинштейна. Излагая сложные вопросы эволюции психологического мира, В.А. Иванников сохраняет верность методологии деятельностного порождения психической реальности.

Студенты разных поколений помнят особую «эпоху Иванникова» в развитии факультета психологии МГУ. С 1973 по 1983 гг. Вячеслав Андреевич был заместителем декана по учебной работе и организатором всей факультетской жизни. А.Н. Леонтьев, бывший тогда деканом, не раз говорил, что факультет держится на В.А. Иванникове. Именно благодаря тандему Леонтьев—Иванников смогла выйти в свет классическая монография А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» (1975).

Аудитории, в которых читает лекции В.А. Иванников, всегда переполнены. Пристрастное отношение нынешних студентов, как и студентов прошлых поколений, к его лекциям привело к появлению в Интернете блога «фанатов Иванникова».

В.А. Иванников принимает активное участие в проектировании и реализации таких государственных и международных программ, как «Социальная помощь детям и подросткам», «Дети Чернобыля», «Дети риска». Неоценим вклад В.А. Иванникова как в становление практической психологии образования в России, так и в разработку стандартов и программ по психологии для факультетов психологии классических университетов. Разработанный им проект комплексной психологической службы помощи детям и подросткам активно реализуется в социальной практике различных регионов Российской Федерации.

Личность всегда шире своей профессии. Эта истина полностью приложима к жизненному пути В.А. Иванникова, для которого выбор психологии явился выбором не только профессии, но и судьбы. И в этом смысле можно сказать, что не только Вячеслав Андреевич выбрал психологию, но и психология выбрала его. А такого человека по праву можно назвать счастливым.

Поздравляя Вячеслава Андреевича Иванникова с 70-летием, коллектив факультета психологии надеется, что его талант и обаяние его личности принесут еще немало вдохновенных открытий психологической науке.